

Mr. deputado est chevalier du royaume. Sonnes au filz
de Romieu, au château, le 23 juillet 1748

O MLL M

monseigneur j'assure que vous avez été nommé à la charge de député à la chambre des députés de la ville de Paris pour servir à la sécession de la ville de Paris. Si vous persistez à faire une telle chose je vous prie de me faire savoir. Mais si vous ne faites pas cela que je puisse faire dans quelque temps, je serai content de vous faire savoir que je suis membre de l'Assemblée nationale et que je suis élu pour servir à la sécession de la ville de Paris pour servir à la sécession de la ville de Paris. Si vous persistez à faire une telle chose je vous prie de me faire savoir. Mais si vous ne faites pas cela que je puisse faire dans quelque temps, je serai content de vous faire savoir que je suis membre de l'Assemblée nationale et que je suis élu pour servir à la sécession de la ville de Paris.

РОССИЯ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

ВЫПУСК V

Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского
Факультет истории и международных отношений
Кафедра отечественной истории

**РОССИЯ
В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Выпуск V

Брянск – 2018

**ББК 63.3(2Р)
И-90**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д. и. н. Алфёрова И. В.
д. п. н. Базанов П. Н.
д. и. н. Блохин В. Ф.
д. и. н. Петров Е. В.

И-90 Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Выпуск V. Брянск: «Курсив», 2018. – 208 с.

ISBN 978-5-89592-125-8

В сборнике представлены материалы очередного, пятого по счёту сборника научных трудов, посвящённых вопросам политических и культурных трансформаций Российского государства на различных этапах его развития.

В авторских статьях рассматриваются правовые, экономические, политические и культурные аспекты этих многосложных процессов.

Сборник предназначен для преподавателей, научных работников, студентов исторических факультетов ВУЗов.

**ББК 63.3(2Р)
И-90**

978-5-89592-125-8

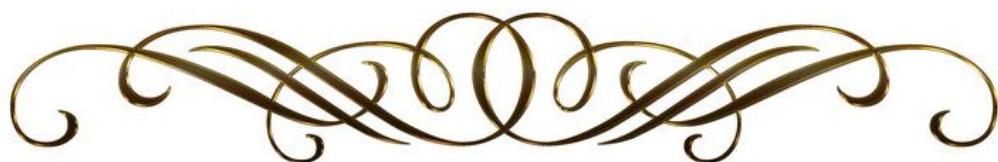
© Коллектив авторов, 2018.
© Издательство «Курсив», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВЫ И ИСТОЧНИКИ	5
Петров Е.В., Криницина Т.С. Документы профессора Калифорнийского университета Г. В. Ланцева (1892–1955) в отечественных и зарубежных архивах	6
Блохин В.Ф. Особенности повседневности населения тыловых районов Минского военного округа в материалах орловской периодической печати (1915–1916 гг.)	15
Петров П.Е., Богданова Т.В., Петров Е.В. Архивные материалы члена Петербургской Академии наук физика Г. Ф. Паррота (1767–1852) в фондах РГИА	24
Ульданова Г.И. Комитет Обороны Петрограда весной–осенью 1919 г. (по материалам фонда № 485 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга)	37
ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
44	
Моисеенко А.Д. Революция цен в Европе и возможности распространения её последствий на социально-экономическую конъюнктуру Московского государства	45
Янушкевич Е.Ю. Восточный вопрос во внешней политике Российской империи начала правления Николая I. Историография проблемы	55
Королева М.В. Изменения в духовной культуре пореформенного крестьянства в историографическом поле отечественных исследователей	63
РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕGO СЯ МИРА	
69	
Буляк Н.Н. Введение уставных грамот как отражение основных противоречий при реализации реформы 19 февраля 1861 г.	70
Смагина Д.Ф. Дело В.А. Краинского как отражение ключевых проблем переустройства отношений между крестьянами и помещиками в пореформенной России (по материалам Брянского уезда Орловской губернии)	82
Ромашенко В.А. Реализация системы цензурных предoste-	91

режений в начале 1880 г.	99
Плещеева А.В. Последствия провала соглашения в Бьерке в мемуарах М. А. Таубе	99
Устинова Ю.Н. «Борьба за трезвость» на территории Мин- ского военного округа в годы Первой мировой войны (по мате- риалам периодической печати)	106
Грудина А.Д. Воинский устав 1874 г. и законы 25 июня 1877 и 1912 гг. о казенных пособиях для семей нижних чинов, высту- пивших в поход	112
Фишер Е.С. Городские сады Орловской губернии в годы Первой мировой войны	126
Щерба О.С. Отречение Николая II от престола: некоторые асpekты изучения проблемы	133
Шумилова А.С. СССР и Япония на озере Хасан летом 1938 г.: причины и характер конфликта	141
КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ	146
Соловых А.В. Современники и потомки о мастерстве науч- ного творчества А.Л. Шапиро	147
Гавrilova K.C., Петров E.B. Последователи Я. К. Грота в Славянской библиотеке Александровского университета в Гель- сингфорсе в начале XX века (И. Мандельштам, С. Корф, А. Игельстром)	155
Чикина В.А. «Он был один из самых осведомлённых и творчески активных деятелей нашей исторической науки»	165
Корягина А.К., Петров Е.В., Прозорова Т.Ю. К вопросу о стандарте учебных пособий по английскому языку для истори- ков	173
Ушакова К.Д., Новикова О.А., Петров Е.В. «Искусствовед- ческая информатика» от междисциплинарного предмета к само- стоятельности	182
Чубур А.А. «Я – самодеятельный художник и стихотворец» (к 110-летию со дня рождения А.П. Левенка)	190

АРХИВЫ И ИСТОЧНИКИ

**ДОКУМЕНТЫ ПРОФЕССОРА
КАЛИФОРНИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Г. В. ЛАНЦЕВА (1892–1955)
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ**

Е. В. Петров, Т. С. Криницына

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье представлен обзор архивных документов и материалов свидетельствующий о профессиональной деятельности видного представителя исторической науки русского зарубежья в США историка Г. В. Ланцева. Они позволяют достоверно говорить о научном наследии учёного американо-русского мира и основных этапах его жизни и деятельности.

Ключевые слова: историческая наука русского зарубежья, российско-американский историк Г. В. Ланцев, русское историческое общество в Америке, русские историки-эмигранты.

Имя Георгия Вячеславовича Ланцева (1892–1955), как и многих других представителей русской академической diáспоры за редким исключением можно встретить в отечественных справочных и энциклопедических изданиях. Вместе с тем, его судьба весьма типична для представителя науки начала XX века. Георгий Вячеславович Ланцев, студент Петроградского университета волею судеб в 1918 году оказался в эмиграции в Америке. В 1923 году он заканчивает Стэнфордский университет, в 1938 году защищает докторскую диссертацию в Калифорнийской университете в Беркли. Его труды по истории Сибири до сих пор являются актуальными и признаются фундаментальными как в Российской, так и в зарубежной историографии.

Источники, свидетельствующие о ранних этапах биографии Г. В. Ланцева, находятся на хранении в фонде Императорского Петроградского университета в Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга [1]. Они представляют собой вполне типичное личное дело студента историко-филологического факультета (1913–1918 гг.), состоящее из 36 архивных листов. Дело является собой комплекс документов, связанных с периодом обучения Г. В. Ланцева в Петроградском университете, однако крайними датами этого периода являются 1902 и 1918 годы.

Самым ранним документом, находящимся в деле является копия формулярного списка о службе Старшего Помощника Надзирателя 4 округа Калишско-Петроковского акцизного управления, коллежского асессора Вячеслава Ланцева, составленная 17 апреля 1902 года. Данный документ является рукописной копией, состоящей из 8 архивных листов, является ценным источником по истории семьи Ланцевых. Документ разделен на графы, в которых указывается информация о службе и карьере отца ученого – Вячеслава Ивановича Ланцева, так же о его семейном положении. Целью составления копии документа является определение Г. В. Ланцева в Ченстоховскую мужскую гимназию.

Согласно данному документу, Вячеслав Иванович Ланцев, 40 лет от роду (т. е. родился примерно в 1862 году), был сыном коллежского секретаря Оренбургской губернии. Воспитывался в Оренбургской военной прогимназии и окончил курс в Оренбургском Казачьем Юнкерском училище, по 1-му разряду. Затем служил в армии, после чего в 1888 году в звании прапорщика вышел в отставку и продолжил карьеру как гражданский служащий (к 1902 году дослужился до звания коллежского асессора). Был женат первым браком на дочери Ревизора Люблинского акцизного управления коллежского советника Елизавете Андреевне Рейснер, от которой имел сына Георгия, родившегося 12 марта 1892 года и дочерей Варвару и Александру (близнецы), родившихся 9 апреля 1897 года.

Три документа из личного дела Г. В. Ланцева датируются 1910 годом. Это аттестат зрелости, свидетельство, выданное в Консистории и свидетельство о приписке к призывному участку. Все эти документы составляли часть обязательного пакета, который должен был быть предоставленным при поступлении в университет. Свидетельство, выданное в Консистории – выписка из метрической книги Соборной Крестовоздвиженской церкви города Люблина, где под № 10 имеется запись о рождении Георгия Вячеславовича Ланцева 12 марта 1892 года и его крещении 8 апреля того же года. Свидетельство о приписке к воинскому участку говорит о том, что Г. В. Ланцев должен быть призван на службу во Владимирском уезде в 1913 году.

Представляет определённый интерес аттестат зрелости, выданный 4 июня 1910 года. Нужно отметить, что Г. В. Ланцев с отличием окончил Владимирскую гимназию, где обучался с августа 1907 по 5 июня 1910 года (копия формулярного списка отца, выданная в 1902 году предполагала поступление в Ченстоховскую мужскую гимназию). Следует обратить внимание на тот факт, что в гимназии он не изучал английского языка (только французский и немецкий), но зимой 1918 года подал прошение на академическую поездку не в европейские университеты, а в США. В нашем рас-

поряжении нет документов свидетельствующих о мотивах и причинах его профессионального интереса к американской проблематике. Однако, согласно «Обозрениям наук, преподаваемым на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета» за все семестры 1913–1918 учебных годов, Г. В. Ланцев имел возможность изучать английский язык в университете, как «внефакультетский предмет». Остаются открытыми в биографии студента-Ланцева вопросы о том, воспользовался ли Г. В. Ланцев возможностью и выучил английский за время обучения в университете или же ему пришлось наверстывать этот навык позже, а также, кто повлиял на его выбор в сторону американской проблематики и имел ли рекомендации в Америку.

Обращают на себя внимание пометы в документах или более поздние инпринты на обороте аттестата зрелости. Они свидетельствуют о том, что Г. В. Ланцев в августе 1910 года был принят в число студентов медицинского факультета Императорского Московского университета, где учился в течение осеннего полугодия 1910 года. Как не внесший оплаты в весеннем полугодии 1911 года из Московского университета был отчислен. После Московского университета Г. В. Ланцев состоял в числе студентов Кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского Политехнического института Императора Петра Великого с 1 сентября 1911 года по 19 августа 1913 года.

Следующая группа документов относится к 1913 году и связана с поступлением Г. В. Ланцева на историко-филологический факультет Императорского Петроградского университета. Это прошения от 16 августа и 22 августа 1913 года с просьбой о зачислении его в число студентов университета, а также расписка об обязательстве сдать гимназический курс греческого языка в течение первого семестра. Также, для поступления в университет ему было выдано свидетельство о политической благонадежности. Согласно университетскому штампу на прошении от 22 августа, Г. В. Ланцев был принят в число студентов 12 сентября 1913 года. Помимо указанных документов, к 1913 году относятся выписка из домовой книги (для выезжающих из дома) и справка из адресного стола.

Группа документов, относящихся в 1915 году, связана с получением отсрочки службы в армии. Это прошение о выдаче справки о том, что Г. В. Ланцев является студентом университета, прошение о временной выдаче свидетельства о том, что Г. В. Ланцев является ратником 2-го разряда, и Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности с получением отсрочки по причине обучения в университете. К этой же группе можно присоединить почтовую карточку с вопросом о получении освобождения от призыва всем студентам, успешно сдавшим экзамены для перехода на

старший курс, адресованный администрации университета 18 июня 1916 года [1]. Дело в том, что в 1916 году начали призывать студентов университета, о чём была выпущена брошюра и Г. В. Ланцев, несмотря на то, что он обладал отсрочкой до 27-летнего возраста (т. е. до 1919 года), решил удостовериться в том, что он под призыв не попадает.

Ценными с точки зрения изучения обстоятельств отъезда Ланцева в США представляют документы, относящиеся к зиме 1918 года. Это прошение о выдаче всех необходимых документов для получения заграничного паспорта с целью отъезда в Северную Америку для продолжения обучения в американском университете [1]. Обращает на себя внимание тот факт, что Г. В. Ланцев точно не называет университет, в котором планирует продолжить обучение и от какого лица/учреждения он получил данное предложение продолжить образование в Северной Америке. Также, в этом прошении особый интерес вызывает обстоятельство позволяющее говорить о смене в направлении научных интересов Г. В. Ланцева. Он отдаёт предпочтение и собирается продолжить исследования в области экспериментальной педагогики. Данный выбор студента историко-филологического факультета вполне естественно объясняется чрезвычайными обстоятельствами Первой мировой войны и последующими революциями. Также, на данном документе есть рукописная пометка: «ходатайствую в удовлетворении просьбы Ланцева, так как считаю его поездку в Америку полезной (подчеркнуто) для его научных задач. Ф. Браун». Следующий документ – это удостоверение на выдачу студенту Г. В. Ланцеву заграничного паспорта сроком до 1 января 1919 года.

Таким образом, материалы личного дела студента Петроградского университета Г. В. Ланцева свидетельствуют о причинах и обстоятельствах его эмиграции. Благодаря документам, мы можем говорить не только о личности студента, но и его близком окружении. Представляется важным обратить внимание на имеющиеся в деле данные о родителях и сестрах, позволяющие уточнить генеалогические сведения о семье Ланцевых. Отметки о том, что Г. В. Ланцев учился на медицинском факультете Московского университета и являлся студентом Кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского Политехнического института Императора Петра Великого, а лишь затем поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, говорит о том, что он далеко не сразу определился с профессиональным выбором. Что касается документов, связанных с его отъездом в Америку, то из текста прошения видно, что темой экспериментальной педагогики он занимался достаточно серьезно. Г. В. Ланцев работал в различных детских учреждениях Петроградского

городского отдела помощи беженцам (детских домах «открытых дверей», интернатах и т.п.) и по надзору и опеке за малолетними преступниками. Этот устойчивый интерес проявится и позже, когда будучи выпускником Стэнфорда он защитит магистерскую диссертацию по теме "Результаты использования психических тестов в изучении преступности", получит право преподавания и практически 10 лет проработает в учебных заведениях штата Калифорния.

По материалам дела следует выделить вопрос об истинных причинах отъезда студента Ланцева и мотивации выбора в пользу обучения в американских университетах. Факты, свидетельствуют о том, что Г. В. Ланцев уехал зимой 1918 года (на выпускном курсе) с целью «завершения в Америке своего исследования». Остаётся открытой формальная сторона вопроса: в какой мере без диплома его имя может ассоциироваться со статусом выпускника университета. В деле Ланцева отсутствует диплом выпускника Петроградского университета. В Америке он был вынужден вернуться к обучению и поступить в магистратуру Стэнфордского университета. Мы не располагаем иными сведениями и у нас нет точных данных, которые бы говорили в пользу того, что у Ланцева имелся диплом об окончании историко-филологического факультета. На наш взгляд это важно, потому как в 1933 он поступит в докторантуру Калифорнийского университета по исторической специальности, имея на руках диплом психолога. Всё это лишний раз говорит не столько о внутренних исканиях самого Ланцева, сколько о том, что он стал заложником внешних обстоятельств мятежного времени.

С точки зрения источниковедения, рассматриваемые документы позволяют нам судить о петербургском периоде биографии Г. В. Ланцева достаточно обстоятельно и полно. Однако некоторые важные на наш взгляд аспекты нуждаются в уточнении. Например, почему Г. В. Ланцев не доучился всего полгода? Кто (человек или учреждение) предложил Г. В. Ланцеву отправиться для дальнейших изысканий в Америку? Ведь если Г. В. Ланцев получил подобного рода предложение, значит, он достаточно серьезно занимался «юнологической» проблематикой и даже достиг определенных успехов в изучении экспериментальной педагогики. Под чьим руководством в Петроградском университете он проводил свою научную работу? Ответы на поставленные вопросы предполагают уточнение источниковой базы его биографии.

Архивные материалы, касающиеся жизни и творчества Г. В. Ланцева в Америке не образуют единого фонда и являются рассеянными по университетским и библиотечным архивным собраниям. Согласно объединенной системе архивного поиска штата Калифорния (OAC), материалы,

касающиеся личности Г. В. Ланцева находятся в двух крупнейших образовательных и научных учреждениях штата: Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете и в Калифорнийском университете в Беркли.

В архиве Гувера материалы, связанные с Г. В. Ланцевым можно найти в двух фондах: в документах П. Лоу и среди материалов Русского исторического общества в Америке. Среди бумаг Парди Лоу, имеется несколько писем с упоминанием имени Г. В. Ланцева, так как он был одним из его научных руководителей при написании докторской диссертации Лоу на тему «Year of Momentous Decision». Письма Лоу к Ланцеву, датируемые 1952 годом носят сопроводительный характер и не представляют для нас интереса. Однако с источниковедческой точки зрения они представляют интерес как отражение факта того, что помимо научной деятельности, Г. В. Ланцев выступал и в качестве преподавателя и консультанта. Среди материалов Русского исторического общества, мы обнаруживаем три листа машинописного текста на русском языке, представляющие собой переписку между Г. В. Ланцевым и Русским историческим обществом в Америке. Первое письмо от 16 ноября 1940 года является предложением руководителя общества М. Д. Седых Г. В. Ланцеву прочесть открытую лекцию, соответствующую теме докторской диссертации о «промышленности Сибири XVII-го века» 26 октября 1940 года. На наш взгляд, приглашение Г. В. Ланцева прочесть лекцию в РИОА было не случайным. Дело в том, что одной из задач общества было сбор научно-исторических материалов о пребывании русских на берегах Тихого и Атлантического океанов, а Г. В. Ланцев, как историк-сибиревед на эту роль подходил как нельзя лучше.

Далее следует просьба уведомить о своем решении заранее, дабы успеть решить организационные вопросы и разослать приглашения, а также просьба Г. В. Ланцеву более точно сформулировать и определиться с названием лекции. Открытыми остаются вопросы о том, кто был целевой аудиторией, в каких условиях и как часто проводились открытые лекции в Русском историческом обществе. По материалам, которыми мы располагали, не удается ответить на эти вопросы. Положительный ответ, данный Г. В. Ланцевым, датируется 20 ноября 1940 года. В своем письме ученый просит уточнить некоторые организационные моменты (количество слушателей, предполагаемое количество времени, выделенное на лекцию), перенести лекцию на 3 декабря 1940 года, а также предлагает изменить содержание своего выступления со специального на более общий характер (сделать вводную лекцию по истории Сибири, а лишь затем, при условии

положительной оценки публикой его первого выступления, сделать второе, посвященное политико-экономическому быту Сибири).

Следующее письмо Г. В. Ланцева, которое хранится в фонде Русского исторического общества в Америке датировано 4 мая 1941 года. Это ответ г-ну Седову на предложение РИОА опубликовать статью в сборнике, посвященному 200-летию открытия Аляски. Также, Ланцев просить уточнить тематику, объем статьи и дату предоставления материала для печати. К сожалению, нам не известно, был ли Г. В. Ланцев в числе авторов при издании сборника. Документы, хранящиеся в фонде Русского исторического общества в Америке, являются важным дополнением к биографии ученого. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Г. В. Ланцев был известен в русскоязычных научных кругах и не оставлял научной деятельности, несмотря на то, что в тот период находился на службе ВМС США в качестве гражданского служащего, был признан другими учеными-эмигрантами, и лекции его в Русском историческом обществе были успешны, так как ему предложили поучаствовать в создании юбилейного издания.

Материалы, касающиеся профессиональной деятельности Г. В. Ланцева, хранятся не только в архиве университета, но и в библиотеке Бэнкрофт. В университетском архиве собрана коллекция информации о людях и группах людей, связанных с Калифорнийским университетом в Беркли. В библиотеке Бэнкрофт хранятся личные фонды О. А. Масленикова и Г. Болтона. И в фонде Масленикова, и в фонде Болтона хранятся папки переписки с Г. В. Ланцевым. К сожалению, нам не удалось получить материалы данной переписки, однако, если сопоставить это с основными вехами жизни Ланцева, то с Маслениковым он вел корреспонденцию, будучи сотрудником ВМС США (часть 1942 года) и преподавателем Уэсли коллежа (1942–1946 гг.), а с Болтоном во время написания им докторской диссертации в 1933–1938 гг. (в этот период Болтон был директором библиотеки Бэнкрофт) и последующей службы в ВМС США (1939–1942 гг.) [2].

Что касается фонда «Les Russes aux Iles Hawaii, 1809–1822», где хранятся документы Российской-американской компании, то следует иметь ввиду, что Г. В. Ланцев выступал в качестве переводчика данных документов на английский язык. Перевод выполнен в 3-х вариантах, сделанных в 1949 году, то есть, в период, когда Ланцев уже был сотрудником университета в Беркли. Этот факт свидетельствует о его научной работе, связанной с популяризацией русской истории в Америке и подготовкой к переводу на английский язык русских документов и источников.

Архив Уэсли коллежа не располагает какими-либо персональными материалами о жизни Г. В. Ланцева. Однако, в ежегодных отчетах руково-

дства колледжа (проанализированы были отчеты за 1943–1947 гг.) мы можем обнаружить информацию о текущих научных работах Г. В. Ланцева, которые выходили в указанный период, а также уточнить, какую должность он занимал. Согласно отчету от 1943 года Джордж В. Ланцев принят на должность лектора в Уэсли колледж. К этой записи прилагается краткая академическая биография ученого (главным образом, где учился и работал до Уэсли колледжа). В отчете от 1944 года упоминается, что в 1943 году вышло монографическое исследование Г. В. Ланцева «*Siberia in the Seventeenth Century A Study of the Colonial Administration*». Согласно отчету от 1945 года, Г. В. Ланцев получил должность доцента исторического факультета Уэсли Колледжа в 1945–1946 учебных годах, а также выпустил ряд рецензий. В отчете от 1946 года сказано, что Г. В. Ланцев командируется в условиях военного времени из Калифорнийского университета в Беркли еще на год, а также публикуется список рецензий, написанных ученым за прошедший год. Согласно отчету от 1947 года Г. В. Ланцев покинул Уэсли колледж в июле 1947 года. Эти данные незаменимы для определения круга интересов ученого, а также, для составления максимально полного библиографического списка.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что те рассеянные по различным фондам и архивам документы, связанные с американским периодом жизни Г. В. Ланцева позволяют говорить о его успешной адаптации в американских университетских кругах. Обращает на себя внимание тот факт, что даже будучи гражданским служащим ВМС США, Г. В. Ланцев не потерял связь и продолжал широко сотрудничать с Русским историческим обществом. Благодаря отчетам правления Уэсли колледжа, сегодня мы имеем возможность говорить о библиографическом списке трудов учёного и его творческом наследии. Что касается педагогического таланта Г. В. Ланцева, то мы можем сказать о широком круге его последователей и учеников в Калифорнийском университете в Беркли [3]. Он выступал в качестве научного консультанта многих специалистов, обретших высшую образовательную степень, что без сомнения свидетельствует о высокой репутации имени Ланцева в университетских славистических кругах Америки.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 63306. Императорский Петроградский университет. Личное дело Г.В. Ланцева.

2. Петров Е.В. «Русские американцы» и советологические исследования в годы холодной войны // Известия СмолГУ. 2015. № 1 (29). С. 194-207.

3. Криницына Т.С. От славистических знаний к советологическим исследованиям: изучение России в Калифорнийском университете в Беркли в первой половине XX в. Известия СмолГУ. 2015. № 1 (29). С. 243-251.

Documents of California University's Professor G.Lantzeff (1892-1955) in Russian and American Archives

Annotation: The article presents an overview of archival documents and materials testifying the professional activity of Russian expat and compatriot G.Lantzeff. «Lantzeff Papers» allow to speak about academic heritage of the American-Russian historian and the main stages of his life and activity.

Key words: Historical science of the Russian diaspora, Russian-American historian G.Lantzeff, Russian Historical Society in America, Russian historians-emigrants.

Сведения об авторах

Евгений Вадимович Петров – профессор кафедры источниковедения истории России, Институт Истории СПбГУ pyotroff@mail.ru

Таисия Сергеевна Криницына – аспирант кафедры источниковедения истории России, Институт Истории СПбГУ averquil@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ТЫЛОВЫХ РАЙОНОВ
МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
В МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
(1915–1916 гг.)^{*}**

В. Ф. Блохин

Брянский государственный университет

Аннотация: в статье, на основе введения в научный оборот новых, ранее не публиковавшихся архивных документов и материалов периодической печати, продолжено рассмотрение жизни населения Брянского, Карабачевского, Севского, Трубчевского и Дмитровского уездов в условиях Первой мировой войны в составе Минского военного округа. Изложенные факты позволяют расширить представление об особенностях некоторых жизненных условий, к которым пришлось приспосабливаться жителям рассматриваемого региона. Автор стремился отразить новые явления в жизни населения Орловской губернии, постепенно превратившиеся в элементы их повседневной жизни.

Ключевые слова: Первая мировая война, Минский военный округ, повседневность, Западный фронт.

Первая мировая война внесла существенные изменения в устои как государственного строя Российской империи в целом, так и отдельных ее территорий. Рушились прежние и создавались новые социальные институты, происходили существенные трансформации не только экономической системы, но и общественного сознания, всей совокупности духовных ценностей, повседневной жизни жителей города и деревни.

Реконструкция повседневности, в которой существовали российские территории в условиях войны, показывает как возможности решения ключевых задач объединения фронта и тыла, реализации очевидных возможностей самоорганизации, так и «конкретного наблюдения за жизнью провинции» [1, с. 5]. Например, на почве новых явлений, связанных в частности с беженством, деформировалась структура населения [2, 3, 4], оказание

^{*} Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губерний. 1915–1917 гг.) № 17-21-01010-ОГН.

помощи раненым, солдатским семьям способствовали созданию многочисленных благотворительных организаций [5]. Практически все затронутые аспекты касались территорий, вошедших в состав Минского военного округа (официально утвержден 28 июля 1914 г. [6, д. 1851, л. 7])*. Анализ основных событий, происходивших в регионе, построен на материалах периодических изданий, сочетающих в себе как информативность, так и презентативный срез общественных настроений.

В результате отступления к августу 1915 г. российской армии из Галиции, Польши и Восточной Пруссии назрела необходимость пересмотра некоторых из устоявшихся норм управления войсками. На белорусской территории в июле-августе 1915 г. немцы захватили крепости Осовец, Брест, Гродно, заставив тем самым российское командование немедленно приступить к принятию неотложных мер, вызванных критической ситуацией. На совещании в Волковыске, состоявшемся 3 августа 1915 г., представители Ставки и штаба Северо-Западного фронта рассмотрели варианты создания оптимальных условий управления войсками. Тогда же Верховный главнокомандующий предложил разделить Северо-Западный фронт на Северный фронт (возглавил Н. В. Рузский), которому надлежало прикрывать путь на Петроград, и Западный (М. В. Алексеев) с задачей защиты московского направления. Однако решение задачи оптимизации руководства войсками на первых порах обернулось новыми территориальными потерями, поскольку немцы сумели воспользоваться неразберихой, связанной с разделением фронта и сменой Верховного главнокомандующего (Великого князя Николая Николаевича на Николая II).

Должность начальника штаба при императоре занял генерал от инфanterии М. В. Алексеев, а Западный фронт возглавил генерал от инфanterии А. Э. Эверт. Немецкое наступление 27 августа 1915 г. в стык Западного и Северного фронтов позволило прорвать линию обороны русской армии на 60 км в районе Свенцян. Лишь к 19 сентября Свенцянский прорыв был ликвидирован, а фронт стабилизировался на линии от Рижского залива до устья Дуная.

Другая, не менее важная задача заключалась в расширении тыловых районов, которые были призваны обслуживать фронтовые армии своими материальными ресурсами. На основании приказа по Военному министерству от 20 сентября 1915 г. за № 509 была изменена территория военных округов. Вот текст этого документа:

* Здесь и в дальнейшем даты даны по старому стилю.

«14 сентября сего года последовало высочайшее соизволение на присоединение: к Двинскому военному округу Осташковского уезда Тверской губернии; к Минскому военному округу – Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уезда Тверской губернии; Волоколамского, Рузского, Можайского и Верейского уездов Московской губернии; Гжатского, Вяземского, Юхновского, Ельнинского, Рославльского, Бельского, Сычевского, Духовщинского и Дорогобужского уездов Смоленской губернии; всех уездов Калужской губернии и Брянского Караваевского, Трубчевского, Дмитровского и Севского уездов Орловской губернии. К киевскому военному округу: всех уездов Курской и Харьковской губерний, с изъятием всех этих уездов из подчинения главному начальнику Петроградского военного округа и командующему войсками Московского военного округа и передачей в подчинение главным начальникам Двинского, Минского и Киевского военных округов по принадлежности, но без предоставления начальствующим лицам театра войны права объявлять присоединяемые уезды на военном положении.

Все части войск, управления и учреждения, расположенные ныне в присоединяемых уездах остаются в подчинении тех главных начальников округов, в ведении коих они состояли до этого присоединения.

Об изложенном объявляется к руководству.

Подпись: «военный министр, генерал от инфантерии Поливанов» [6, д. 1851, л. 180].

В подчинении главному начальнику снабжения Западного фронта находился начальник Минского военного округа, в ведении которого находились соответствующие службы округа с их руководителями: артиллерийское и инженерное снабжение, интендант, начальники санитарной части и ветеринарной частей, казначей и контролер.

В ведении всех перечисленных лиц имелись свои собственные службы и окружные склады Минского военного округа: артиллерийские, инженерные, продовольственные, а также госпитали и лазареты (в том числе и ветеринарные для лечения лошадей). Таким образом, главный начальник снабжения фронта, хотя и вынужден был согласовывать свои решения со штабом фронта, возглавлял весь тыл Западного фронта. Однако при этом он не имел в своем непосредственном подчинении ни складов, ни других учреждений, которые находились в распоряжении служб округа [7, с. 96].

Минский военный округ из-за своего расположения обладал тыловыми учреждениями, за счет которых осуществлялась одновременная подпитка двух фронтов: Западного (в первую очередь) и Юго-Западного (частично). В повседневность территории округа вошли чрезвычайные законы военного времени, реквизиции, принудительные работы. Изменились ус-

ловия жизни рабочих военных предприятий, чиновников различных тыловых учреждений, стал использоваться труд военнопленных и беженцев.

Газета в чрезвычайных условиях «войны и быстро меняющейся внешней и внутренней социально-политической ситуации, благодаря своей периодичности, имела возможность оперативно и целенаправленно обеспечивать информационно-оформленное идеологическое влияние как на солдатскую массу, так и население страны в целом» [9, с. 18]. В новой ситуации, в которой оказалось население присоединенных к Минскому военному округу территорий, газеты стали главными информаторами населения, помогая ему разобраться в сложностях административных изменений.

Так, например, в газете «Орловский вестник» было опубликовано следующее «Обязательное постановление» главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-адъютанта А. Е. Эверта: «Воспрещается лицам гражданского населения района фронта, а равно и всем, принадлежащим к войску в том же районе, пользоваться в своей частной переписке какими бы то ни было шифрами, или условными знаками и всякого рода тайнописью, как-то: симпатическими чернилами, различными веществами, требующими для прочтения текста проявления и обработки, и всякими другими способами, имеющими своей целью уклонение от военно-цензурного просмотра и скрытие истинного смысла делаемого сообщения. Лица, виновные в нарушении сего обязательного постановления, будут подвергаемы в административном порядке заключению в тюрьме или крепости до трех месяцев, или денежному штрафу до трех тысяч рублей, и, сверх того, высылке на всё время военных действий из пределов района фронта. Указанное взыскание, установленное за уклонение при посредстве упомянутых способов переписки от надзора органов военной цензуры, не освобождает виновных от наказания, определённого по закону за передачу сведений, приносящих вред государственной обороне. В Орловской губернии это постановление распространяется на Брянский, Дмитровский, Карабинский, Севский и Трубчевский уезды» [10, № 222, 16 октября].

Вопрос о соотношении «обязательных постановлений» и существующих на тот момент основных государственных законов был весьма непростым и зачастую ставил в сложное положение как население, так и гражданские и военные власти. Так в виде разъяснений в адрес начальника Минского военного округа 24 декабря 1916 г. была направлена специальная телеграмма от начальника штаба Верховного главнокомандующего, которая на наш взгляд, так и не внесла окончательной ясности в сущность проблемы. В ней с оговоркой на мнение самого начальника штаба сообщалось следующее: «Хотя закон и административные распоряжения в виде

обязательных постановлений и не могут находиться в коллизии, но в данном случае сохранение указанных постановлений при наличии закона возможно при условии отсутствия противоречий в самом содержании. Если разница заключается только в размере наказаний, от военных властей будет зависеть, чему отдать предпочтение: ускорению в административном порядке наложения взыскания или суровости самого наказания в судебном порядке, так как, по-видимому, законом установлены высшие карательные нормы» [10].

Обязательные постановления начальника Минского военного округа, в состав которого входили все те же Дмитровский, Карабинский, Брянский, Севский и Трубчевский уезды Орловской губернии, касались не только вопросов, связанных с особыми условиями секретности этих территорий, но и проблем продовольственного снабжения армии. Так, был воспрещен вывоз из пределов Минского округа картофеля, капусты свежей и квашеной, свеклы, моркови, лука и чеснока [11, № 211, 1 октября].

Армейский тыл являлся важной основой обеспечения питанием воюющих солдат, поэтому при отсутствии централизованного снабжения приходилось на местах добывать основное продовольствие. Вероятно, в данном случае пока не было проблем со снабжением главным продуктом солдатского питания – хлебом, поскольку в «Обязательном постановлении» начальника округа о нем речь не шла. Воинские подразделения были обеспечены полевыми подвижными хлебопекарнями и потребности в этом продукте удовлетворялись непосредственно на фронте, но, судя по всему, проблема снабжения овощами стояла довольно остро.

Обязательным постановлением начальника Минского военного округа предусматривалось также определение запаса овощей в подведомственном ему районе. «Всё без изъятия население округа, имеющее запасы овощей более нижеуказанных норм, должно в недельный срок по объявлении настоящего постановления заявить об имеющихся количествах картофеля, капусты, бураков, лука, чеснока и моркови» [12]. Заявления должны были подаваться в письменном виде в городах в городские управы, а вне городов – в волостные правления, и в уездные земские управы. Запасы овощей на 1 ноября 1916 г., за исключением необходимого количества для пропитания людей и скота, определялось по следующим нормам: «Для одного едока в год картофеля 18 пудов, прочих овощей 60 золотников в день. Детям до 5 лет включительно – половина. На обсеменение полей на одну казенную десятину картофеля 120 пудов. На содержание свиней 15 пудов картофеля в год. Выяснение количества овощей необходимо для заготовки их для нужд армии и вообще военного ведомства в Минском округе. Закупка овощей бу-

дет производиться по установленной на них таксе, причём при отказе от продажи по таксе овощи будут реквизироваться» [12].

На следующий день было опубликовано еще одно «Обязательное постановление» об учете продовольственных продуктов. В соответствии с ним, все лица, торговавшие продовольственными продуктами, а также частные банки, элеваторы, склады, имевшие эти продукты на хранении или в залоге, обязаны были ежемесячно 1-го и 15-го числа сообщать полиции о количестве как проданных, так и оставшихся у них продуктов [11, № 236, 4 ноября]. На эти же уезды Орловской губернии распространялся приказ командующего армиями Западного фронта генерал-адъютанта А. Э. Эверта, «в силу которого преступные деяния, предусмотренные статьями 528, 530 и 531 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, изъемлются из общей гражданской подсудности на рассмотрение суда военного» [12]. Этими статьями предусматривалось наказание за укрывательство беглых солдат и матросов, находившихся на действительной службе, а также чинов запаса армии и флота, уклонявшихся от явки по призыву на действительную службу или на учебные сборы. Наказанию подлежали также любые представления способов к побегу, «подговариванию военных чинов к побегу или к уклонению от обязанности по службе и предоставление для этого средств». Тем же приказом наказание за подобного рода проступки усиливалось возможностью лишения всех прав с «отдачей в исправительные арестантские отделения, сроком от 4 до 6 лет, или же лишением всех прав состояния и ссылка в каторжные работы на время от 4 до 8 лет» [12].

Тыловые районы Минского военного округа должны были служить местом переформирования воинских частей, выводимых с передовых позиций, а также подготовки для фронта маршевых рот. Так, в октябре 1915 г. было принято решение о строительстве зимних бараков на 50 тыс. человек в районах, присоединенных к округу. В Карабеве должно было быть размещено 6 тыс. солдат и офицеров «Сотой ополченской бригады», в Брянск была перемещена из Тулы 23 маршевая бригада, насчитывающая не менее 12 тыс. человек [13]. Однако строительство затягивалось.

Так, по «прямому проводу» 14 декабря 1915 г. поступило сообщение с Западного фронта для Главного управления по квартирному довольствию войск, из которого следует, что «в Ельне строятся зимние бараки по расчёту 2 батальона и дополнительной постройки бараков в Ельне не требуется. В остальных пунктах квартирования запасных батальонов фронта уже или начата постройка бараков, или предположена их постройка» [14]. Постройка бараков осуществлялась из расчета на 6000

человек для каждого батальона, но даже в середине декабря до завершения строительства было еще далеко.

В городских управах были назначены специальные лица, которые должны были заниматься расквартированием войск, а из одного из писем, опубликованных в газете, мы можем судить о том, как решались эти проблемы. Речь шла о «принудительном размещении воинских чинов»: «О том, какие это сулит неудобства нам, домовладельцам и квартирантам, равно и самим солдатам и их начальству, в смысле надзора, поверки и пр., говорить много не приходится – это очевидно! – отмечал автор письма. – Мне кажется, Вы, как член управы и участник распределительного комитета, могли бы указать на остающиеся рестораны, гостиницы... Наконец, почему бы не занять магазины, обслуживающие потребителей предметами роскоши... После того уж можно было бы приниматься и нарушать интересы обывателей вообще. Прошу простить за обращение, но я, как избиратель, прошу Вас, как своего избранника, отстаивать наши и, без сомнения, интересы военных, которые тоже кроме неудобства ничего от этого размещения не получат» [15].

Таким образом, на основе даже небольшого количества приведенных сведений можно сделать вывод о том, что в тыловых районах, в которых размещались запасы и учреждения тыла, обслуживавших соответствующие армии фронта и округа, действовали в качестве местных исполнительных органов главного начальника снабжения Западного фронта структуры руководства Минским военным округом, отдававшие свои распоряжения гражданским властям в подконтрольных местностях.

Население территорий, вошедших в состав тыловых районов Минского военного округа, старалось максимально приспособиться к новой прифронтовой обстановке. Характерной особенностью ситуации выступало то, что «обязательные постановления» издавались применительно к конкретной территории, входившей в сферу действия конкретного военного округа. В результате, по одному и тому же предмету жизнедеятельности в пределах одной губернии действовали нормы, которые сильно отличались одна от другой. Зачастую, население, особенно в сельской местности, не имело возможности разобраться в территориальных границах действия таких «обязательных постановлений», не зная о точном распределении местности между фронтами и округами, а когда такое понимание приходило – пыталось нарушить предполагаемые условные границы.

Вместе с тем, очень скоро проявилась очевидная особенность произошедших изменений: условиям жизни, длившейся более года с начала войны, наступил конец. Включение уездов Орловской губернии в состав прифронт-

того Минского военного округа неожиданно сделало войну близкой, пре-
допределив иные реалии повседневной уездной действительности.

Список источников и литературы

1. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Российская провинция: повседневная жизнь второй половины XIX века (на материалах Брянского уезда) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Факультет истории и международных отношений, Кафедра отечественной истории. Брянск, 2016. С. 4-33.
2. Алферова И.В. Дорога на восток (проблема беженцев как один из фактов повседневности в годы Первой мировой войны) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 16-23.
3. Алферова И.В. Беженцы первой мировой войны: проблемы аккомодации (на материалах орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 9-16.
4. Алферова И.В., Фишер Е.С. «Принять», «организовать», «устроить»...: беженцы в Орловской губернии (июль-август 1915 г.) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 9-18.
5. Блохин В.Ф., Грудина А.Д. Государственное пособие семьям рядовых солдат, призванных на Первую мировую войну в Орловской губернии, как важный элемент тыловой повседневности // Манускрипт. 2018. № 11-2 (97). С. 185-189.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1.
7. Трутко И. Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914) // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. Октябрь. С. 92-113.
8. Обязательное постановление // Орловский вестник. 1916. № 222. 16 октября.
9. Алферова И.В. Большевистская женская печать: к истории становления (1914–1920-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6. Ч. 3. С. 16-23.
10. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 78. Л. 57.
11. Местная жизнь. Обязательное постановление // Орловский вестник. 1916. № 235. 3 ноября.
12. Приказ генерал-адъютанта Эверта // Орловский вестник. 1916. № 232. 30 октября.
13. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 743. Л. 64.
14. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 850. Л. 135.
15. К вопросу о расквартировании войск // Орловский вестник. 1916. № 242. 11 ноября.

V. F. Blokhin

FEATURES OF THE EVERYDAY OF THE POPULATION OF THE WARM AREAS OF THE MINSK MILITARY DISTRICT IN THE MATERIALS OF ORYOL PERIODIC PRESS (1915–1916)

Annotation: in the article, on the basis of introducing into the scientific circulation new, previously unpublished archival documents and materials of the periodical press, continued consideration of the life of the population of the Bryansk, Karachevsky, Sevsky, Trubchevsky and Dmitrovsky districts in the World War I as part of the Minsk Military District. The foregoing facts allow us to expand the understanding of the characteristics of certain living conditions, which have had to adapt to residents of the region. The author tried to reflect the new phenomena in the life of the population of Oryol province, which gradually turned into elements of their daily life.

Keywords: World War I, Minsk Military District, daily life, Western Front.

Сведения об авторе

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valery – Doctor of History, Professor, Head of the department of national history, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Russia), E-mail: blohin.val@yandex.ru

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ЧЛЕНА ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ФИЗИКА Г. Ф. ПАРРОТА (1767–1852)
В ФОНДАХ РГИА**

П. Е. Петров, Т. В. Богданова, Е. В. Петров

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Российский государственный исторический архив

Институт истории СПбГУ

Аннотация: в статье приведена характеристика архивных документов и материалов по истории Дерптского университета, хранящихся в фонде Департамента народного просвещения Российского государственного исторического архива. Они рассматриваются в качестве исторического источника, свидетельствующего о жизни и профессиональной деятельности первого ректора Георга Фридриха Паррота (1767–1852 гг.). Материалы статьи позволяют уточнить значение трудов и работ учёного, конкретизировать биографический список его публикаций.

Ключевые слова: Георг Фридрих Паррот, история Дерптского университета, физики, члены Петербургской Академии наук

В 2017 г. в странах Евросоюза чествовали 250-летний юбилей со дня рождения Георга Фридриха Паррота, физика и математика, академика по прикладной математике (1826 г.) и по физике (1830 г.), члена-корреспондента (1811 г.) и почетного члена (1840 г.) Петербургской АН, первого ректора Дерптского университета.

Под эгидой «Балтийской ассоциации истории и философии науки» был организован и проведен международный конгресс, приуроченный к круглой дате [1]. Конференция была весьма представительной, собрав специалистов из разных стран мира, в том числе Германии, Эстонии, России. Научное наследие ученого давно стало достоянием мировой науки. Основные документы и материалы, посвященные профессиональной деятельности Г. Ф. Паррота, хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Они содержат уникальные сведения, позволяющие в деталях проследить этапы его академической карьеры и уточнить биографические данные научных трудов.

Биография ученого-физика и организатора науки обстоятельно изучалась специалистами-науковедами. Жизнеописанию творчества Паррота посвятил свою книгу Ф. Г. Биннман (Friedrich Bienemann) «Der

Dorpater Professor Georg Friedrich Parrot und Kaiser Alexander I: zum Säkulargedächtnis der alma mater Dorpatensis» [2]. Деятельность учёного наряду с другими представителями академического мира Э. Х. Ленцем и Б. С. Якоби рассматривалась в работе П. Хемпель (Peer Hempel) «Deutschsprachige Physiker im alten St.Petersburg: Georg Parrot, Emil Lenz und Moritz Jacobi im Kontext von Wissenschaft und Politik» [3]. В статье Ю. Аллека (Jüri Allik) и К. Костабеля (Kenn Konstabel) «G. F. Parrot and the theory of unconscious inferences» рассматривалась история оптического эффекта, на который впервые в своей статье в 1839 г. обратил внимание Паррот [4].

Его суть заключалась в изменении визуального восприятия размеров объектов, которые находятся в непосредственной близости к движущемуся с большой скоростью другому объекту. Мемуары учёного как исторический источник рассматривала в своей статье Е. Ю. Жарова «Император Александр I по воспоминаниям профессора Дерптского университета Г. Ф. Паррота» [5]. Различные аспекты жизни и деятельности учёного в равной мере, как и сложные вопросы его взаимоотношений с Александром I рассматривались в трудах А. Андреева, Л. Леппик, Е. Тохври, Т. Е. Фриденталя, И. Гаврилиной, М. Гончарова, Й. Салакс, А. Цигмунде, И. Сахк, А. Zigmunde, И. Гудро, А. Виксна и др.

В Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента народного просвещения (Ф. 733. Оп. 56) хранятся отдельные дело-производственные документы Дерптского университета первой половины XIX в., связанные с профессиональной деятельностью Г. Ф. Паррота с ноября 1802 г. по 30 апреля 1829 г. В целом ряде дел за номерами 51, 155, 230, 248, 387, 309, 387, 389 имеются различного рода рукописные бумаги ряда правительственные ведомств, представляющие определённый интерес с точки зрения изучения административной карьеры учёного-физика и уточнения круга его должностных обязанностей.

Например, документы об избрании ректором Дерптского университета профессора Г. Ф. Паррота (Ф. 733. Оп. 56. Д. 51), среди которых Л. 1 – Отношение попечителя Дерптского учебного округа и кавалера Федора Клингера товарищу министра народного просвещения М. Н. Муравьеву от 9 июня 1805 г. об избрании большинством голосов на должность ректора Дерптского университета ординарного профессора теоретической и опытной физики доктора Георга Фридриха Паррота, и Л. 2. – Высочайшее соизволение на назначение Г. Ф. Паррота ректором Дерптского университета от 10 июня 1805 г. Или иного рода документы, связанные с вопросами этики академических взаимоотношений.

Например, 31 января 1813 г. за допущенные в научных трудах оскорбительные взаимные выпады профессорам Дерптского университета К. Ф. Бурдаху и Г. Ф. Парроту министром народного просвещения был объявлен строгий выговор (Ф. 733. Оп. 56. Д. 155). Среди них имеется предписание министра народного просвещения А. К. Разумовского (Л. 1, 1 об.) попечителю Дерптского учебного округа Ф. Клингеру от 31 января 1813 г., констатирующее: «Между печатными сочинениями, присыпаемыми во вверенный мне Департамент, доставлена между прочим книжка под заглавием <...> и листочек с подписью» и надписью, <...> в которых идет речь об изобретенном профессором Парротом способе лечения нервной горячки, содержат в себе не рассуждения о средстве, кои были бы познавательны и даже похвальны, но одни почти насмешки даже грубые личности избраны и по сему совершенно противны уставу о цензуре и приличной ученым скромности видя из сего обстоятельства, что профессора Дерптского университета, которым подлежало бы в сем отношении давать хороший пример, употребляют во зло данное им право на печатание своих сочинений без рассмотрения цензуры, прошу ваше превосходительство сделать Парроту и Бурдаху строжайший выговор, с замечанием, что если они впредь не будут пользоваться помянутым правилом с надлежащею скромностью и осторожностью, то начальство принуждено будет принять меры для лишения их оного». Также в фонде содержится ответ Клингера (Л. 3) от 16 февраля 1813 г. с двумя письмами Паррота на французском языке.

В безукоризненной репутации учёного можно удостовериться не только по оценке потомками его академических заслуг, но и по характеристикам, данным его современниками и содержащихся в материалах делопроизводственной переписки. Так, согласно бумагам попечителя Дерптского учебного округа, Паррот был представлен для повышения следующим чином, что отражено в документах на имя министра народного просвещения А. Н. Голицына от 20 марта 1818 г. (Ф. 733. Оп. 56. Д. 230). В них содержится текст представления за подписью Ливена (Л. 1, 1 об.), со следующими строчками: «Долг справедливости повелевает мне особенно представить к повышению следующим чином Дерптского университета профессора физики и кавалера 4-й степени Св. Владимира Фридриха Паррота, который в настоящем чине выслужил вдвое более узаконенного времени и исполнил все, что требуется Высочайшим указом от 6 августа 1809 г. для производства в чин статского советника. Во-первых, служит профессором он при сем университета уже с 10 декабря 1800, проходя сие звание с достохвальной ревностию; во-вторых, состоял он в сие время 3 раза ректором университета, 5 раз деканом философского отделения, а с 1804

года – исключая одного только года, в которой по болезни своей он должен был удержаться от дела – по ныне находится деятельнейшим членом училищной комиссии и по званию профессора физики во все время службы при университете имеет главное смотрение над физическим кабинетом, которой он завел и своим неутомимым старанием привел в редкое совершенство. *В-третьих*, многими сочинениями своими, о коих иностранные критики отзываются с отменной выгодной стороны, доказал он отличную свою ученость. *В-четвертых*, наконец, обязан я засвидетельствовать, что коллежский советник Паррот по общему признанию не токмо в профессорском звании своем и во всех вышеприведенных должностях обращался с превосходным усердием и бескорыстием; но даже всякие другие по университете дела, хотя бы оные совсем не принадлежали к кругу его обязанностей, со всею готовностью на себя принимал и исправлял с столь же похвальным усердием»; копия представления исправляющего должность министра духовных дел и народного просвещения Осипа Козодавлева в Пр. Сенат (Л. 2) о переводе Г. Ф. Паррота в следующий чин указом Сената от 30 сентября 1819 г.».

О широких и весьма разнообразных обязанностях Паррота на должности ректора дают представления административные бумаги по проектированию и отработке карниза антаблементов для всех больших строений Дерптского университета из листового железа (Ф. 733. Оп. 56. Д. 248 Л. 3-4 об.), первый проект главного украшения карниза в новом здании Дерптского университета, на французском языке, и его перевод (Л. 7-11) на русский язык; 6 изображений устройства этого карниза, выполненных акварелью 20 августа 1819 г. (Л. 5 об.); Л.18-19, описание на французском языке нового построения карнизов для больших строений и его перевод на русский язык (Л. 20-22 об.); копия на французском языке объяснения о карнизах из листового железа на три замечания президента Императорской академии художеств г. Оленина (Л. 46) и его перевод на русский язык; изображение акварелью доработанного карниза (Л. 48).

Из архивных документов явствует о представлении и демонстрации Парротом императору Александру I принципа работы телеграфа (Ф. 733. Оп. 56. Д. 248). Отрывок из них гласит: «<...> Второе изобретение есть телеграф, который я имел честь представить его величеству государю императору в феврале 1812 г., и модель которого была представлена мною его величеству еще в 1810 г. Его величество в сопровождении бывшего тогда военного министра князя Барклая де Толли, генерал адъютанта князя Волконского и полковника Екеспарра, сам изволил делать опыты на расстоянии 10 верст и изъявил изобретателю высокое свое удовольствие. Военный

министр без всякой просьбы счел долгом представить его императорскому величеству о пожаловании изобретателю в награду десяти тысяч рублей. Но его величество, признав награду сию недостаточною, высочайше представил изобретателю избрать самому для себя награждение. Ответ его был, что он почел бы преступлением в критическом тогда положении Европы надеяться и на самое умеренное награждение, которое было бы примером корыстолюбие в такое время, когда все, с большим, нежели когда-либо усердием, должны были спешествовать к подпоре Отечества, но что когда окончится, имевшая тогда начаться война к славе его величеств и к спасению Империи, тогда, если его величеству будет угодно вспомнить милостивое свое предложение, то он почетет себя счастливым получить дар, который бы поставил его в состояние сделать 18-ти месячное в чужие края путешествие, когда для восстановления своего здоровья, так и для того, чтобы видеть ему великие успехи, в физике сделанные, во время пребывания его в России, и тем сделаться способное для принесения чести университета, к коему принадлежит. Таковое желание мое не угасло: напротив того, это последнее наслаждение, коего я желаю на остаток дней моих. Но он уступить должно обязанности, которую провидение возложило на меня в рассуждении трех семейств на моем попечении находящихся, так же обязанности выплатить несколько долгов, кои я по сей причине принужден был сделать и для того, чтобы дать сыновьям моим самое рачительное воспитание; ибо не смею надеяться, чтобы его императорскому величеству благоугодно было поставить в состояние привесть в действо желание мое, и вместе удовлетворить двоякой сей обязанности. *Дерпт 24 августа 1819 г.*».

В фондах РГИА содержится письмо Паррота (Ф. 733. Оп. 56. Д. 248 Л. 29, Л. 29 об., Л. 30) следующего содержания: «Поспешая отвествовать на Ваши строки, коими вы меня почтили и осчастливили. Но могу ли я, и как мне назначить сумму, которую вы Государь мне пожаловал за мое изобретение. Вообще о том я не имею никакого понятия, каким образом можно требовать определённой суммы за изобретение ума, всего менее, когда я сам проситель. Могу ли забыть, чем был мне Император Александр, и не оскорбил ли бы я чувства его, если бы это сделать? – По окончании войны, когда я прибыл в Петербург и говорил с князем Барклаем, Герой сей спросил меня награжден ли я от императора за телеграфы, и как я рассказал ему состояние дела, то он тотчас предложил мне свое ходатайство; но я отклонил оное: потому что не мог и не смел ожидать, чтобы Государь по возвращении своем из чужих краев был обеспокоен моим делом, когда столь многие важные государственные дела требовали всего внимания Его: я уповал, что это придет само собою. При таком расположении мыслей как

могу назначать сумму? – Вам, дражайший Граф! Признаться могу, что я отягчен долгами до 30 000 рублей, в которые вошел, конечно, не от пышной жизни: потому что роскошь и пышность для меня никогда не имели привлекательного. Единственное мое желание было бы освободиться от сей тяжести если возможно, чтобы годовым умеренным доходом своим мог я располагать по сердцу, к чему супруга моя своею благоразумной бережливостью доставляет мне возможность. После 18-летней службы желал бы я прийти в тоже положение, в каком бывает каждый новоприезжий профессор. Впрочем отзыв сей не есть назначение, всего менее требование: такое выражение и мысль мне противны. Пусть сделает Государь, что ему угодно. Записки мои содержат побудительные причины и приводят его в состояние от себя назначить. Пусть судит по делу, или по чувству тем и другим буду доволен». За этим письмом следует высочайшее соизволение (Л. 43) на выдачу 15.000 руб. от 17 января 1820 г.

В материалах фонда имеется докладная записка попечителя Дерптского учебного округа К. Левина на имя министра народного просвещения А. С. Шишкова от 27 сентября 1825 г. об увольнении профессора Паррота со службы в звании заслуженного профессора и обращении полного жалования его в пенсион (Ф. 733. Оп. 56. Д. 387. Л. 1-3). В нем приводятся следующие характеристики: «<...> причем он вызывается в будущем продолжать свои лекции, если до того времени не будет назначено ему преемника, <...> чтобы дозволено было ему, яко заслуженному профессору, быть деятельным для своей науки дотоле, пока силы ему сие позволяют, для сей цели пользоваться физическим кабинетом университета и располагать половиною доходов сего Кабинета. <...> Также по всей справедливости должно засвидетельствовать, что физический кабинет университета, служащий во всяком отношении украшением сего заведения, обязан своим совершенством и соразмерным устройением единственно ему, профессору Парроту, яко первому основателю и нынешнему директору оного...» Листы 4-7 содержат служной список профессора императорского Дерптского университета статского советника и кавалера доктора Георга Фридриха Паррота за 1825 г.

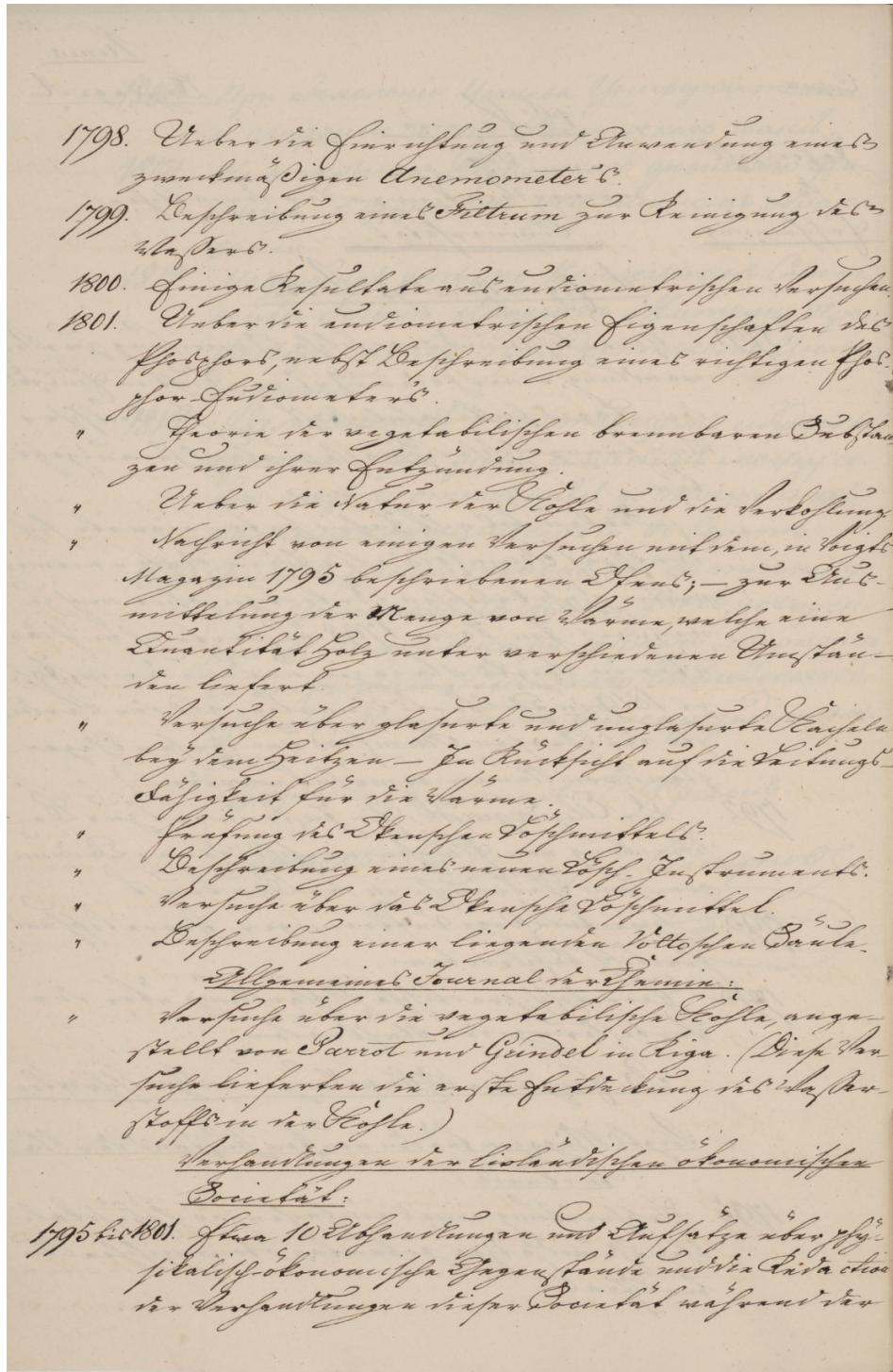
В Ф. 733. Оп. 56. Д. 387 имеется также перевод прошения Паррота в высочайше утвержденный Совет императорского Дерптского университета от 24 августа 1825 г., констатирующий: «Еще в царствование его величества государя императора Павла I, в 1800 г. декабря 10 дня, я определен в сей университет, и, оставил прежнюю должность мою непременного секретаря Лифляндского общеполезного и экономического общества, приехал сперва в Митаву, где предполагал тогда устроить университет, а потом в Дерпт, где я тотчас и приступил к публичным преподаваниям, положил

начало к основанию нынешнего физического кабинета и участвовал в предуготовительных работах к открытию университета. Следственно 10 декабря минет срок службы моей 25 летний срок, по которому закон предоставляет звание заслуженного профессора. Я прожил уже 58 лет, чувствуя уменьшение сил моих, может быть более, нежели кто-либо из моих сотрудников, равных со мною лет; и при том, убежден, что публичный преподаватель должен прекратить свои наставления прежде, нежели достигнет решительной старости и соединенной с оною слабости. Остальные же силы мои, доколе я буду иметь их, стану посвящать науке, которую я доныне с охотою занимался. Я прошу о сохранении за мною управления плантациями на Доменой горе. Осмеливаюсь уповать, что великодушнейшему покровителю наук (*имеется ввиду император. – Авт.*) в сходстве изреченной им в приступе акта постановлением двойной цели т. ч. распространении человеческих познаний и образования юношества, не покажется несоразмерным, что бы устаревшему ученому, оставляющему преподавание лекций и отправление дел для занятия одною наукою, оставлены были средства жить в качестве Академика в университете. Также особенно было бы для меня больно вдруг оставить сей кабинет, на коего основание, умножение и пользование употреблял я сколько охотою 24 года моей жизни. Как сие (Л. 10 об.) высочайшее решение, если оно для меня дано будет, должно быть объявлено будущему преемнику моему прежде определения его на сие место, то это также служит причиною, почему я ныне уже спрашиваю звания заслуженного профессора до окончания сего семестра. ... В течение всей своей службы, я особенно ничего не испрашивал... сие возвышает надежду мою, что сия первая и единственная просьба моя при окончании моего ученого поприща не останется тщетною. Впрочем, я не прощаюсь с моими дражайшими сотрудниками, с коими я чрез столь многие годы сряду разделял радость и скорбь, надежду и заботы. А что сей мой шаг, за коими я скоро не буду более ежедневно чувствовать в полезных и похвальных трудах, влиает в меня прискорбное чувство, то наверное каждому скажет собственное сердце».

Листы 16-19 представляют особый интерес, так как они содержат копию на французском языке перечня сочинений Г. Ф. Паррота, начиная с 1791 г., к которой приложен перевод на русский язык, представленный на Л. 12-15.

<u>Copie.</u>	<u>1re édition.</u>	<u>Konie.</u> <u>Beylage A.</u> ^{16.}
<u>Japon Caste</u> in <u>Gessierung.</u>	<u>Bar</u> <u>minuit location zu den rozen Japan</u> <u>Universität.</u>	
		<u>A. fizantiniata Clarke.</u>
		1791. <u>Französisch und praktische Anwendung zu der ausbildung eines jüden Stab von Sylt in Fins, nach dem Tageskrißt abdrückt. — Es tritt nur Französisch in Frankreich zugleich voran und dort.</u>
		<u>(Sieben Seiten. Es ist ein Kasten mit einer Reihe von Druckstücken alle für die verschiedenen Arten geschafft sind. Es ist eine Art Miniatursammlung. Es ist aus dem Jahr 1798 aufgedruckt und ist in einer kleinen Zeitschrift aus 1819 in Gilburt's Sammlung, als ein Teil des Druckes von Rumford und seiner Freunde von Frankreich herausgegeben.)</u>
		1792. <u>Die Electrographie. Ein jahreswechselndes Co- mpendium von Elektro- und optischen Gegenständen, die in Paris sind.</u>
		1793. <u>Zweite Kompagnie Puffraumiges, Französisches praktisch verhandelt.</u>
		1795. <u>Französisch und praktische Anwendung zu der Ausbildung eines jüden Stab von Sylt.</u>
		<u>B. Französischer Katalog in Ziffern.</u>
		<u>Vierteljahrsschrift für die jüdische Bevölkerung des Königreichs:</u>
		1795. <u>Der Katalog ist nicht eingetragen, nur geschafft und gedruckt worden, ohne dass es eine Druckerei gegeben hat.</u>

Изображение 1. Копия первой страницы списка научных трудов Г.Ф. Паррота, начиная с 1791 г., на французском языке. Источник: РГИА Ф. 733. Оп. 56. Д. 387, Л. 16.

Изображение 2. Копия оборотной стороны первой страницы списка трудов Г. Ф. Паррота, начиная с 1791 г., на французском языке. Источник: РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 387, Л. 16 (оборот).

О заслугах Паррота как учёного можно судить по представленному в архивных фондах целого перечня документов: список научных об-

ществ в которых состоял учёный (Ф. 733. Оп. 56. Д. 387. Л. 20); копия Высочайше утвержденного 26 января 1826 г. доклада министра народного просвещения А. С. Шишкова о награждении Паррота званием заслуженного профессора, установление ему полного пансиона, а также разрешение пользоваться физическим кабинетом университета для ученых занятий (Л. 33-35); отношение попечителя Дерптского учебного округа Е. Б. Крафтстрема министру народного просвещения С. С. Уварову от 15 января 1841 г. о том, что «после смерти профессора Дерптского университета статского советника И. Я. Ф. В. Паррота, сына Г. Ф. Паррота, осталась вдова и четверо несовершеннолетних и не пристроенных детей, поэтому Совет испрашивает им пенсию» (Л. 39-40); формулярный список И. Ф. Паррота на 1841 г. (Л. 53-57); Высочайшее соизволение на выдачу вдове и детям умершего ординарного профессора Дерптского университета статского советника И. Я. Ф. В. Паррота, сверх пенсии ($\frac{2}{3}$ его жалованья), единовременного годового оклада 1429 руб. 60 коп. (Л. 61-61 об.); прошение от 1848 г. Паррота об увеличении пенсии жены его покойного сына с 953 руб. 64 коп. до 1429 руб. (Л. 64-64 об.).

17 мая 1826 г. представлением президента Академии наук С. С. Уварова профессор Г. Ф. Паррот был избран ординарным академиком, о чем содержатся документы (Ф. 733. Оп. 12. Д. 309 Л. 1-1об.). Также в этом деле имеются формулярный список (Л. 6-8, Л. 60-67), представление президента Академии наук С. С. Уварова от 9 февраля 1827 г. министру народного просвещения А. С. Шишкову, констатирующее: «академик Паррот <...> изъявил желание принять на себя таковую обязанность (устройство физического кабинета) и уже предварительно сообщил <...> сведения о недостающем в оном орудиях, какие, по его мнению, необходимы и о потребных на сие суммы. К сему Конференция в донесении своем прибавила, что она, будучи известна о полезных трудах г. Паррота по части физики и зная заслуги, оказанные им при учреждении физического кабинета при Императорском Дерптском университете, хотя и должна желать что бы он принял участие при приведении в надлежащие устройство физического кабинета Академии, однако не может дать ему сего поручения, ибо он состоит в звании Академика по части механики твердых и жидких тел, и по тому более уважению, что по части физики есть академик г. Петров. По сим причинам Конференция оное дело предоставила на мое усмотрение. По рассмотрении сего представления, я в предложении своем изъяснил Конференции, что в таком случае, прежде всего, следует переименовать г. Паррота Академиком по части физики на основании 5.24 Рег-

ламента и тогда уже приступить к рассмотрению предлагаемых им мер для устроение физического Кабинета Академии».

Помимо описанных выше документов (Ф. 733. Оп. 12. Д. 309) содержатся материалы об избрании Г. Ф. Паррота академиком физики (Л. 46), о его командировке в 1832 г. в Лифляндию для изучения найденных в окрестностях Буртненского озера ископаемых костях (Л. 50); о решении в 1835 г. исследовать дно озера (Л. 54) «...Ныне сей Академик довел до сведения Академии, что один любитель наук, видевший у него коллекцию костей из Буртнекского озера, вызвался пожертвовать из собственного своего достояния нужную сумму для учинения точнейших изысканий на дне озера, и что он, г. Паррот, заказавший все потребные для сего приборы желает употребить на сие предстоящее лето»; всеподданнейший доклад президента Академии наук С. С. Уварова от 28 ноября 1840 г. с подлинной высочайшей резолюцией Николая I «Согласен, не в пример другим» (Л. 71-73); о назначении его жене в 1852 г. пенсии после смерти Паррота (Л. 80-81, Л. 93-94); О браке Паррота с Юлией-Даротею-Каролиной Фаль, которой испрашивается пенсия, представлено Академией наук свидетельство о браке» (Л. 91, 91 об.); документы о назначении пенсии Г. Ф. Парроту «Паррот вышел в отставку в 1840 г. с пенсиею по университету 1429 руб. 60 коп. и по Академии наук 857 руб. 76 коп. – всего 2287 руб. 36 коп. (Л. 92).

Среди материалов фонда имеется представление исправляющего должность президента Академии наук министру народного просвещения К. А. Ливену от 30 апреля 1829 г. о квартирах академику Парроту и адъюнкту Ленцу (Ф. 733. Оп. 12. Д. 389 Л. 1-2 об.): «Когда академик Паррот был призываляем из Дерпта на службу в Академию наук, ему между прочими выгодами предложена была и удобная квартира; но в то время, как он сюда прибыл, таковой не имелось, а посему впредь до открытия оной, определены ему квартирные деньги по 2000 руб. в год, которые он и до сели получает. Еще в бытность здесь президентом академии, г. Паррот по случаю предложенной тогда переделки для физического Кабинета Академии особого отделения в Главном Академическом доме, приносил просьбу, дабы он по должности своей мог находиться вблизи того Кабинета и иметь точнейшие наблюдения за производимыми опытами, для чего он полагал удобнейшим в том же доме комнаты прилагающей к сказанному отделению, занятые теперь книжными и материальным магазином, который назначен к переводу в новое здание Академии... Ныне, по приведении к концу отделкою физического Кабинета, г. Паррот возобновил свое прошение по сему предмету... Я поручил архитектору Академии сделать смету, во что обойдется отстройка сих комнат,

составить план, по которому можно бы их разделить на две квартиры, поелику я признал удобным тут же поместить и адъюнкта по части физики, с тем и г. Паррот совершенно согласился». По смете издержки составили 22 659 руб. 70 коп. Переделка была сделана.

В фонде 1343. Оп. 27. «О дворянстве Паррот» имеется дело Д. 918 за 1865 г. о внесении внуков Паррота Морица Федоровича Паррота вместе с братьями Отто и Федором в третью часть дворянской родословной книги по заслугам их отца Ивана Якова Фридриха Паррота (Л. 25-27).

Делопроизводственные документы Дерптского университета первой половины XIX в., связанные с профессиональной деятельностью Георга Фридриха Паррота с ноября 1802 г. по 30 апреля 1829 г. и хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента народного просвещения. (РГИА. Ф. 733. Оп. 56.), дополняют биографию выдающегося физика и первого ректора Дерптского университета. Без этих документов невозможно достоверно говорить о биографии ученого. Обзор делопроизводственных материалов, рукописных писем самого ученого, хранящихся в фондах РГИА, позволяет дополнить отдельные сюжеты его жизни. Г. Ф. Паррот всегда оставался преданным академической традиции. Оставляя службу, он констатировал: *Я прожил уже 58 лет, чувствуя уменьшение сил моих может быть более, нежели кто-либо из моих сотрудников, равных со мною лет; и при том убежден, что публичный преподаватель должен прекратить свои наставления прежде, нежели достигнет решительной старости и соединенной с оною слабости. Остальные же силы мои, доколе я буду иметь их, стану посвящать науке, которую я доныне с охотою занимался.* (РГИА Ф. 733. Оп. 56. Д. 387. Л. 8. об.).

Список литературы:

1. Petrov E., Bogdanova T. «Parrot Papers» in materials and documents of Russian State Historical Archive // Abstracts of the XXVIII International Baltic Conference on the History of Science. On the Border of the Russian Empire: German University of Tartu and its first Rector Georg Friedrich Parrot. Historiae Scientiarum Baltica. Tartu, 2017. P. 40-41.
2. Bieneman F. Der Dorpater Professor Georg Friedrich Parrot und Kaiser Alexander I: Zum Säkulargedächtnis der alma mater Dorpatensis. Reval, Kluge, 1902.
3. Hempel P. Deutschsprachige Physiker im alten St.Petersburg: Georg Parrot, Emil Lenz und Moritz Jacobi im Kontext von Wissenschaft und Politik (Schriftenreihe Der Stiftung Reichspräsident-Friedrich-Ebert), Walter de Gruyter, 1999.
4. Allik J., Konstabel K. G. F. Parrot and the theory of unconscious inferences // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2005. № 41 (4). P. 317-330.

5. Жарова Е.Ю. Император Александр I по воспоминаниям профессора Дерптского университета Г.Ф. Паррота // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 267-279.

6. Андреев А.Ю. Император Александр I и профессор Г.Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Российская история. 2006. № 6. С. 19-30.

7. Мартинсон Э.Э. Исторические связи Тартуского (б. Юрьевского) университета с русской наукой. Таллин, 1951;

8. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902). Под редакцией Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902, Т. 1. С. 411-413.

Annotation: The article reveals document and archive materials on the history of Dorpat University that are stored in the Russian State Historical Archive, in the Fund of the Department of Education (RGIA. F. 733. Op. 56.). Professional activity of the first rector of Dorpat University Georg Friedrich Parrot is described based on the documents that cover his scientific and administrative achievements. These materials clarify G. F. Parrot's bibliograpgy and his vast scientific heritage.

Keywords: Georg Friedrich Parrot, Tartu University History, physics members of the St. Petersburg Academy of Sciences.

Сведения об авторах

Пётр Евгеньевич Петров – бакалавр физического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
peterpyotroff@gmail.com

Татьяна Васильевна Богданова – заместитель начальника отдела информации и научного использования документов РГИА
taitiana@yandex.ru

Евгений Вадимович Петров – профессор кафедры источниковедения истории России, Институт Истории СПбГУ pyotroff@mail.ru

Petr Petrov – Bachelor of Physics Department, Moscow State University
peterpyotroff@gmail.com

Tatiana Bogdanova – specialist of Science Information Department, Russian State Historical Archive taitiana@yandex.ru

Eugene Petrov – professor of St.Petersburg State University, History Institution pyotroff@mail.ru

**КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА
ВЕСНОЙ-ОСЕНЬЮ 1919 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА № 485 ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУ-
ДАРСТВЕННОГО АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**

Г. И. Ульданова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: В статье приведены архивные данные о деятельности Комитета Обороны Петрограда по защите Петрограда весной-осенью 1919 года. Автор анализирует нормативно-правовые документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). В исследовании дана характеристика основных направлений деятельности Комитета обороны Петрограда и его оценок в исторической литературе.

Ключевые слова: Комитет Обороны Петрограда, Гражданская война в России, Белое движение, 1919 г., Советская Россия, Красная Армия.

В современной историографии достаточно мало внимания уделяется изучению и оценкам деятельности высшего военно-административного органа советской государственности – Комитету Обороны Петрограда. Фонд № 485 содержит 126 документов за период с 1919 г. по 1921 г. Подавляющее большинство материалов представляют собой машинописные тексты, однако встречаются и рукописные материалы. В большей части это протоколы Комитета, приказы, политсводки, доклады, переписка и пр.

Самые первые работы по данной проблематике, начали выходить уже через 10 лет после самих исторических событий. О противостоянии белых и красных на подступах к Петрограду активно писали в советской литературе 1930–1940-х годов. Остановимся на характеристике основных работ, отражающих действия весной-осенью 1919 года.

Первым исследованием можно считать книгу Н. А. Корнатовского: «Борьба за Красный Петроград» [0], вышедшую в 1929 г. Она до сих пор пользуется достаточно большой популярностью у исследователей, интересующихся событиями 1919 г. на Северо-Западе России. К сожалению, для данной работы характерен скучный научно-справочный аппарат. Многие тезисы, приводимые автором, достаточно сложно проверить. В распоряжении исследователей имеется труд офицера Генерального штаба Н. Е. Какурина «Как сражалась революция» [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Особенностью данной работы является присущий ей стратегический

и тактический анализ боевых действий. Особо ценными нам представляются мемуары, оставленные непосредственными участниками событий. Это воспоминания В. Л. Горна [Ошибка! Источник ссылки не найден.] и А. П. Родзянко [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. На данные рукописи чаще других ссылаются исследователи, которые обращаются к изучению боевых действий на Северо-Западе времен Гражданской войны.

В юбилейной литературе, приуроченной к 20-летию защиты города, больше всего внимания уделялось изучению хода военных действий осенью 1919 г. Особенностью работ данного периода является обстоятельное изучение обстановки в Петрограде весной и летом 1919 г. Мы не можем утверждать, что большинство имён героев Октября и гражданской войны были забыты вследствие политических репрессий 1930-х гг. и возвеличивания заслуг И. В. Сталина [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 11-12]. Довольно показательными являются исследования А. С. Пухова, работы которого выходили в 1930-е гг. Одна из его книг под названием «Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год» [0] вышла в 1939 г. В ней отчетливо видны на протяжении всей книги всевозможные качества, приписываемые И. В. Сталину, «великому вождю», указания которого революционные балтийские моряки приводили в жизнь без всяких сомнений. Впоследствии произведения данного автора потеряли свою актуальность.

Существует целый ряд работ, опубликованных в 50-х – 90-х гг. XX века и посвященных борьбе за Петроград в 1919 г. Так, в работах историка М. О. Малышева имеется подробное описание положения, существовавшего на захваченных немцами территориях. Он показывает грабительскую деятельность немцев [5, с. 13], против которой местное трудящееся население вело борьбу.

В 1957 г. вышла работа Н. Д. Кондратьева «Ян Фабрициус» [7], в которой дана биография одного из командира и комиссара Красной Армии времен Гражданской войны на Северо-Западном фронте. Подробно описаны бои за Псков у С. А. Иванова в его труде «Красный октябрь на Псковщине» [8], а в 1964 г. вышел труд А. Л. Фраймана, [Ошибка! Источник ссылки не найден.] в котором он основательно исследовал события февраля-марта 1918 г., придя к выводу о том, что военные действия на Петроградском направлении являлись важной составляющей в обороне всей страны. В 1971 г. вышли в свет «Очерки истории Псковской организации КПСС» [Ошибка! Источник ссылки не найден.0], в которых содержится описание становление советской власти в Пскове.

Создание обобщающих трудов – отличительного черта этого периода историографии. Все больше стали исследовать вопросы политики эконо-

мики и культуры. В данный период стали вовлекать больше новых документов и воспоминаний, за счет этого выросла источниковедческая база [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 16]. В 1999 г. вышла книга петербуржского историка А. В. Смолина «Белое движение на Северо-Западе России: 1918 – 1920 гг.» [11]. Эта работа является одним из самых крупных и полных произведений относительно вопросов деятельности белогвардейцев на северо-западе страны.

Помимо описания непосредственно боевых действий, автор обращается к «большой» политике. Он описывает не только отношения со странами Антанты и русско-эстонские, русско-финские взаимосвязи, но и различные антибольшевистские образования, которые защищали права русских эмигрантов в других странах. В то же время следует отметить, что в исследовании рассматривается исключительно Белое движение периода Гражданской войны, о том, как защищался Петроград практически ничего не сказано.

Другой, также очень крупной работой, является труд Рейго Розенталя «Северо-Западная армия: хроника побед и поражений» [Ошибка! Источник ссылки не найден.], выпущенный совсем недавно. Во введении автор упоминает, что о политической стороне Белого движения на северо-западе России написано уже довольно много, отмечая при этом, что ранее исследователи не обращали особого внимания на боевые действия, организацию, состав и снаряжение Северо-Западной армии. То есть при написании книги он попытался восполнить именно этот пробел, но полностью обойти стороной политику было невозможно.

Довольно много говорится о внутренней жизни Петрограда в 1917–1921 гг. в книге под названием: «Петроград на переломе эпох» [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Здесь речь идет и о городской повседневности, о политических настроениях граждан, а также об идеологической работе, проводимой в городе. Однако весьма малое внимание обращено на изменения в городе, связанные с наступлением белогвардейцев, практически ничего не написано о Комитете Обороны Петрограда.

В статье Н. И. Богомазова [Ошибка! Источник ссылки не найден.] о проблемных вопросах в изучении начального этапа Белого движения на северо-западе России подведены некоторые итоги изучения этой темы. Таким образом, большинство исследований посвящено основным проблемам и действиям белогвардейских частей северо-запада России.

Существует общепринятое мнение, что угроза со стороны белогвардейцев, нависшая над Петроградом во время Гражданской войны, поставило советское правительство перед необходимостью уделять тща-

тельное внимание вопросам обороны. Не только руководство Петрограда, но и страны считало, что главная угроза исходит от Финляндии. Хотя в это же время присутствие врага было и на территории Эстонии, где располагался Северный корпус белогвардейцев. Однако неприятель, базировавшийся в Прибалтике, считался малочисленным, а вот вторжение финских добровольцев на территорию Карелии, недоброжелательные статьи в прессе, провокации на границе и в речах ряда политических деятелей, вызывали опасения [Ошибка! Источник ссылки не найден. с. 138].

К началу мая 1919 г. был создан Комитет Обороны Петрограда в качестве органа, имевшего всю высшую военно-административную власть в Петрограде. Существовали обязательства всех учреждений Петроградского совета в оказании всяческого содействия этому органу по исполнению лежавших на нем обязанностей. На него возлагались также задачи проведения мобилизации, создания частей Красной Армии, руководства ими, охраны порядка и борьбы с контрреволюцией.

Начало деятельности было положено обязательным постановлением Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов от 2 мая 1919 г. [0, д. 1, л. 1]. Председателем этого Комитета был назначен Г. Е. Зиновьев. В июне 1919 г. Комитет был реорганизован в Комитет обороны Петроградского укреплённого района. В конце сентября 1919 г. Комитет обороны слился с Военным советом Петроградского укрепленного района, учрежденным приказом Реввоенсовета Западного фронта от 5 августа 1919 г., и действовал под названием Военный Совет (Комитет обороны) Петроградского укрепленного района, подчиняясь 7-ой армии.

В связи с Кронштадтским восстанием Совет труда и обороны РСФСР 2 марта 1921 г. передал Военному совету (Комитету обороны) всю полноту власти в Петрограде и губернии. Как чрезвычайный орган власти Военный совет прекратил свою деятельность в апреле 1921 г.

Заседания Комитета Обороны весной-осенью 1919 года проходили часто и рассматривали многочисленные проблемы и доклады о нуждах города. Рассматривая деятельность органа во время весенне-летнего наступления белогвардейцев, мы отмечаем несколько наиболее важных аспектов. В это время Петроград был разделен на четыре боевых участка, с последующим распределением их задач и целей, были составлены различные планы, которые регулировали действия в случае проникновения войск противника в город. К тому же были приняты меры, направленные на борьбу с белогвардейскими провокаторами, которые существовали и действовали в городе.

Можно констатировать, что Комитет Обороны Петрограда действительно мог решать достаточно серьезные вопросы относительно мобилизации населения города. Так, принимались распоряжения о том, что некоторые категории граждан не подлежали мобилизации и отправки на фронт [15, д. 10, л. 9]. Это был один из первых вопросов, который был рассмотрен 7 мая 1919 г. В протоколе сказано, что Комитетом было решено поручить Учетному отделу Губвоенкомпета рассматривать все заявления и брать на учет незаменимых работников. Позднее освобожденными признали всех учащихся последнего курса высших учебных заведений, в добавок ко всему в армию не призывали и два последних курса специальных учебных заведений. В протоколах можно найти множество вопросов, которые требовали регулярного решения. Петроград нуждался во многих ресурсах для обеспечения своей жизнедеятельности. Например, возникала проблема нехватки лесных материалов, маслобойной продукции, обmunдирования или электричества.

В период лета 1919 г. наблюдается снижение активности деятельности Комитета Обороны Петрограда и 16 июля [Ошибка! Источник ссылки не найден. д. 10, л. 66] было решено, что регулярными днями заседания Комиссии будут понедельник и четверг в 5 часов. Вероятнее всего, это было связано с тем, что ситуация на фронте в эти летние месяцы стабилизовалась.

Однако уже осенью заседания Комитета Обороны вновь происходили все чаще и чаще. К характеристике Комитета в это время стоит добавить, что именно тогда наметилось заметное ухудшение качества готовившихся протоколов. При приближении линии фронта Комитет активизировался, вводились дополнительные меры по строительству оборонительных сооружений для защиты города, увеличилось число людей, привлекаемых к постройке оборонных сооружений [15, д. 10, л. 87]. С населения собирались необходимые для солдат теплые вещи: шинели, одеяла и т. п. [15, д. 10, л. 88]. Создавались специальные отряды, которых обучались бросанию гранат и бомбометанию. Принимались меры для минирования мостов. Однако речь шла скорее о том, чтобы были подготовлены все необходимые меры по приготовлению разводных частей мостов к порче посредством парализации электрических агрегатов и взрыва аппарата разводки [15, д. 10, л. 103].

К ноябрю 1919 г. ситуация на фронте около Петрограда стабилизировалась и действия Комитета Обороны становились все менее активными. На заседании 12-го ноября было решено, что Совет Внутренней Обороны и его штаб распускаются и все дела передаются в Укрепленный Район, ко-

торый не имеет своего аппарата и обслуживается в военном отношении аппаратом округа, дополненным в некоторых случаях отдельными сотрудниками гражданской власти [15, д. 10, л. 115].

Таким образом, можем заключить, что Комитет Обороны Петрограда действительно мог рассматривать и решать достаточно масштабные вопросы относительно организации защиты города. Далеко не все обсуждавшееся на заседаниях было рассмотрено в данной статье, поскольку осенью, в особенно сложное для Петрограда время, состояние протоколов значительно ухудшилось. Они зачастую заполнялись карандашом от руки. Практически не приводились отчеты членов Комитета о проделанной работе. Наконец, в фонде не содержатся документы о роспуске самого Комитета Обороны Петрограда.

Список источников и литературы

1. Корнаторовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М.: «АСТ», 2004. 602 с.
2. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М.: «Политиздат», 1990.
3. Горн В.Л. Гражданская война на северо-западе России. Берлин: Гамаюн, 1923. 416 с.
4. Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. 168 с.
5. Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб.: «Наука», 1995. 393 с.
6. Пухов А.С. Балтийский флот в обороне Петрограда: 1919 г. М.; Л.: «Военмориздат», 1939. 140 с.
7. Кондратьев Н.Д. Ян Фабрициус. М.: «Воениздат», 1957. 309 с.
8. Иванов С.А. Красный октябрь на Псковщине. Л.: «Лениздат», 1967. 239 с.
9. Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.; Л.: «Наука», 1964. 323 с.
10. Очерки истории Псковской организации КПСС. Л.: «Лениздат», 1971. 542 с.
11. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб.: «Наука», 1999. 439 с.
12. Розенталь Р. Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллин: «Арго», 2012. 692 с.
13. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / Яров С.В. и др. М.: «Центрполиграф», 2013. 543 с.
14. Богомазов Н.И. Проблемы историографии начального этапа Белого движения на северо-западе России // Проблемы истории и историографии. СПб.:

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), 2014. С. 166-170.

15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 485 (Военный совет (Комитет Обороны) Петроградского укрепленного района. Петроград. 1919–1921). Оп. 1.

G. I. Uldanova

THE DEFENSE COMMITTEE OF PETROGRAD FROM THE SPRING TO AUTUMN OF 1919 (BASED ON ARCHIVE MATERIALS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF SAINT-PETERSBURG FUND № 485)

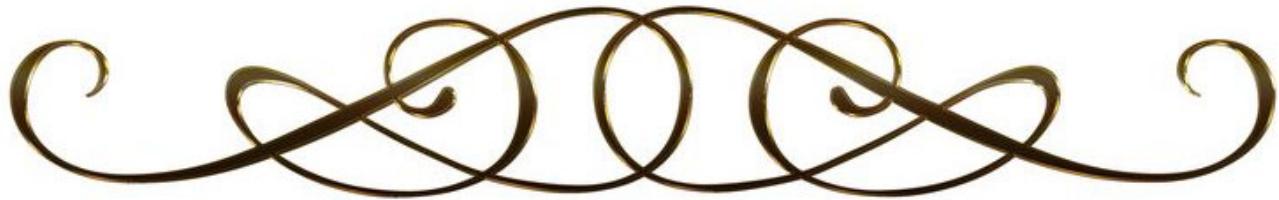
Abstract: In this article the main action of the Defense Committee of Petrograd are described to protect old capital during the spring and autumn of 1919. This topic is mentioned very rarely in others researches. Documents of the Central state archive of Saint-Petersburg were used for more information. As a result of the research, it was concluded that the Defense Committee of Petrograd had an important role in the protection of the city.

Keywords: Defense Committee of Petrograd, The Russian civil war, white guard, 1919, Soviet Russia, Red Army.

Ульданова Галия Ильдусовна – студент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). galiya251@gmail.com

Uldanova Galiya Ildusovna – the student, Institute of the history, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). galiya251@gmail.com

**ИСТОРИОГРАФИЯ
И МЕТОДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН В ЕВРОПЕ И ВОЗМОЖНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЙ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНЬЮНКТУРУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

А. Д. Моисеенко

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Аннотация: в настоящей статье поставлена проблема взаимосвязи революции цен в Европе с Московским государством в XVI веке. Производится историографический анализ концепций, относящихся к данной проблематике. На основе источников в исследовательский оборот вводятся некоторые аналитические концепты для более детального рассмотрения социально-экономического пространства Московского государства. Предлагается поиск новых исследовательских стратегий для решения поставленного вопроса, учитывая некоторые противоречия предыдущих работ. Актуальность работы обусловлена уникальным характером, поскольку в историографии предпринимались исключительно косвенные попытки решения проблемы.

Ключевые слова: революция цен, торговый капитал, Московское государство, капитализм, инфляция прибыли, цены, монастыри, историография.

В одной из работ Ф. Бродель поделился своим неоднозначным отношением к интерпретации хронологического XVI в. как монолитного исторического периода, а именно: «Я скептически отношусь ... к пониманию XVI века как некоего единства без уточнения, один это век или несколько. Я представляю “наш” век разделенным на два: “первый” XVI век начинается около 1450 года и заканчивается примерно к 1550 году, когда начинается “второй” XVI век, который длится до 1620 или 1640 года» [14, р. 73].

По мнению исследователя, принцип эскалации капитализма в контексте развития «мироэкономики» являлся базовой категорией постоянного видоизменения социально-экономической конъюнктуры. Именно XVI в., в том смысле, на котором настаивал Бродель, стал тем временем, обозначенное М. Фуко как «рождение современного мира», точнее его первым этапом. Следует понимать, в чём же заключалась главная особенность эпохи.

Экономические трансформации системы европейского пространства стали главной движущей силой появления такого феномена как революция цен, интерпретации и причины которого в исследовательской литературе носят дискуссионный характер. Ученые, занимавшиеся разбором структурных сдвигов экономической конъюнктуры XVI в., давали различные оценки факторов и причин самого инфляционного феномена. Крайне актуально обозначить фактор возможности появления самой революции цен в контексте столкновения различных конъюнктурных пространств. Для этого стоит обратить внимание на предысторию динамического сдвига структуры европейского рынка относительно эскалации капитализма внутри региона. То есть следует понимать, что социальное пространство европейского региона, при условной унификации такового как единого пространства генезиса социально-экономической и политической структур испытало серьёзное воздействие глобальных катастроф континентального масштаба.

По мнению Ж. Ле Гоффа, «Черная смерть» (1348 г.) унесла жизни около трети населения Европы, а «Великий голод» (1315–1317 гг.) приблизительно четверть; указанные катаклизмы превратили обычный спад населения в демографическую катастрофу, которая повлекла за собой кризис рабочего потенциала населения, предопределивший ход исторического процесса на ближайшую сотню лет [8, с. 294–298]. Также с середины XIV в. стагнировалось развитие феномена так называемой «коммерческой революции», который был описан специалистом в области средневековой экономики А. Грейфом [17, р. 4–6], поскольку социальная структура не позволяла в ускоренном темпе развивать капиталистические отношения.

Тем не менее, экономика Европы медленно регенерировалась с периода 70-х гг. XIV в. Во-первых, заработная плата в производственных сферах имела тенденцию к росту. Основанием этому служат данные, приведенные Д. Нуупом и Г. Передуа относительно индекса заработных плат английских каменщиков. Указанный показатель увеличился с 94 (1350-е гг.) до 122 (1380–1390-е гг.) [20]. Во-вторых, при том, что цены на продукты производственного характера оставались практически неизменными, естественным следствием глобального демографического кризиса стало понижение цен на товары первой необходимости [15].

В таком положении европейский континент подходил к эпохе великих трансформаций, хронологически совпадавшей с периодом действия революции цен. Важно понимать основные причины появления самого инфляционного феномена. Анализ историографии революции цен приводит к некоторым особенностям построения системного характера и вы-

страивания логики пропозициональных установок относительно интерпретативных точек в понимании сущности феномена.

Следует кратко остановиться на базовых позициях. Одним из первых теоретиков революции цен стал американский историк-экономист Э. Д. Гамильтон. Он попытался изложить основные тенденции и причины революции цен в Европе [18]. Работа помимо описания специфики феномена, также содержит анализ концепта инфляции прибыли или зарплатного лага («ProfitInflation»), получивший широкое распространение в экономической литературе XX в. Относительно самой революции цен Гамильтон вывел тезис о важном влиянии притока драгоценных металлов на континент.

Согласно критикам его теории, приток испано-американского серебра не мог стать первоначальной причиной этого долгого и устойчивого процесса инфляции, так как она началась не только в самой Испании, но и задолго до сверх значительного завоза серебра, то есть, в более позднее время (в 1550-х гг.). Помимо притока золота и серебра, Гамильтон опирается и на другие причины: 1) южно-немецкий бум добычи серебра и меди (1460–1535); 2) структурные изменения в средиземноморской торговле в связи с османскими завоеваниями [19].

А. Финкельштейн полагает, что феномен гиперинфляционного сдвига стал проявляться в 1470–1480 гг., поскольку приведенные ею данные отражают резкий сдвиг в первой половине 1470-х гг. [16, р. 3-7]. Также, многие исследователи занимались поиском первопричин и начального этапа возрастания цен, но данный вопрос остаётся в историографии открытым, поскольку унифицировать имеющиеся данные не всегда представляется реальным из-за невозможности рассмотрения экономических параметров повседневных реалий в динамике.

Для данной работы наиболее важным является концепт инфляции прибыли или зарплатного лага, который являлся диспропорцией роста заработных плат и повышения цен. Следовательно, данный разрыв, который выступал в качестве главного источника первоначального накопления капитала. Концепт стал критиковаться, поскольку зарплатный лаг мог покрываться не зафиксированным заработком, а натуральным. Помимо этого, не всегда ясна пропорциональность стоимости первичного и вторично-го продукта. По данным Э. Феллс-Брауна и Ш. Хопкинса можно утверждать, что цены на готовые продукты питания росли в меньшей степени, чем на первичный товар [21, р. 293-299]. Таким образом, усовершенствование технологий позволяло снижать издержки подобного рода производств. Этую проблему частично позволили разрешить данные, предложенные

С. Ван Батом [22], позволяющие убедиться в верности тезиса Гамильтона, но его сведения отражают информацию только относительно Южной Англии, поэтому они не могут являться полноценным доказательством общеевропейского несоответствия. Также, не совсем ясно, что стало перво-причиной зарплатного лага: революция цен или складывание новой миро-экономики. Тем не менее, самое высокое значение (155,1 для 1401–1450 гг.) совпадает с границей старой мироэкономики и новой, а самое меньшее (48,3 для 1601–1650 гг.) совпадает с окончанием революции цен. Данная корреляция указывает на верность суждения о «долгом» XVI в. Несмотря на косвенные факторы доказательства охвата настоящего феномена, описанный Гамильтоном процесс вписывается в классическое понимание процесса первоначального накопления капитала.

Для доказательства приведенного тезиса следует привести теоретические обоснования И. Валлерстайна относительно возможности существования капиталистической системы. Исследователь отмечает, что многие научные деятели обращают внимание на один из институтов, характеризующий капиталистическую систему, а именно: на наёмном труде, производстве для обмена и/или получения прибыли, классовой борьбе или «свободном» рынке. Тем не менее, первые две характеристики не являются новыми для эпохи первоначального накопления капитала. «Свободный рынок», по мнению Валлерстайна, невозможен в абсолютном смысле этого понятия, а анализ социальных групп через призму классовой борьбы задаёт «слишком узкие рамки». Таким образом, теоретическим выводом автора является тезис о том, что система различного рода может называться капиталистической, главной характеристикой должно быть «настойчивое стремление к бесконечному накоплению капитала – накоплению капитала ради накопления ещё большего капитала» [7, с. 24-25]. Феномен зарплатного лага являлся идеальной платформой для ещё большего разрыва доходной части между различными слоями социального пространства.

Валлерстайн также добавляет очень важную деталь, которая позволяет авторам работы перейти к анализу социально-экономической системы Московского государства в XVI в., а именно: «для того, чтобы эта характеристика возобладала, должны быть механизмы, которые наказывают любых агентов, пытающихся действовать на основе других ценностей или с другими целями, в результате чего эти агенты столкнутся с серьёзными препятствиями» [7, с. 25]. Для анализа социально-экономической ситуации следует понимать основные специфические особенности развития региона. Наиболее подходящей моделью для рассмотрения в предложенном контексте конъюнктурных сдвигов является теоретический взгляд

М. Н. Покровского, а именно понятие «торгового капитала». Безусловно, концепция торгового капитализма имеет ряд проблем и противоречий, но в данной работе сам концепт торгового капитала является неким базисом для построения элементарной схемы механизмов существовавшей социально-экономической стратификации в Московском государстве. Предложенная модель упрощена и механизмы формирования групп унифицированы, однако они необходимы для проведения нестрогих аналогий с общеевропейским контекстом и подведения итогов относительно исследовательского потенциала поставленной проблематики.

В XVI в. в Московском государстве сложилось три агента торгового капитала: государь – торговая элита – монастыри. Государь к моменту создания Московской торговой компании и в процессе её активной деятельности стал монополистом на торговлю воском, мёдом и других наиболее прибыльных товаров, интересовавших европейцев [13]. Торговая элита, то есть внутренние гости, ввиду тех социально-экономических и политических трансформаций в Московском государстве в исследуемом столетии, крайне резко актуализировалась. Торговое население государства активно занималось службой великому князю, то есть высшие категории представляли интересы государя, например, осуществляя торговлю пушниной. Такая служба называлась «целовальной».

Очень часто гости выполняли роль посланников царя в западноевропейские государства, чтобы играть роль определенного посредника в торговле между Западом и Москвией. Например, царская грамота 24 апреля 1567 г. датскому королю Фредерику II с просьбой о беспрепятственном пропуске через территорию Датского королевства гостей, которые были посланы в Антверпен для покупки «некоторых предметов для царского обихода». Приведем отрывок из грамоты: «Послали есмѧ до града Антропия своего гостя ... ась ними послали есмѧ рухлядь своей казны, а велели есмѧ имъ во граде Антропе и въ тамошней стране купитикъ нашей казне потребная» [11, стб. 91–92]. Это не единичный пример подобных посланий, которые можно найти не только в адрес датского короля. Гости выступали как посредники реализации торгового капитала царя.

Государь активно направлял торговые слои населения на Запад для реализации собственных интересов (например, как отмечал М. Н. Покровский, Иван IV к 1560-м гг. уже очень активно отправлял «своих гостей и купцов» для торговли в Антверпен, Персию и Англию) [10, с. 109–110], но помимо этого, со временем, ввиду зарождения феномена «самоколонизации», царю стала выгодна и внутренняя экспансия, примером чего может стать случай помощи Строгановым в освоении этого региона.

Речь идёт об определенной грамоте 1590 г. Федора Иоанновича, которая была направлена «Сольвычегодцам с Коряжемского монастыря» об указании «выбрать Сибирь на житье тратить человекъ пашенныхъ людей з женами и з детми, и со всеми ихъ животы» [12, стб. 666–669]. Весьма показательный пример, с учётом того, что Строгановы фактически выполняли роль «управляющих» в становлении торгово-экономического потенциала региона.

Наиболее любопытным агентом торгового капитала становятся монастырские владения. В XVI в. в Московском государстве существовала целая группа жалованных грамот, направленных в большей части на защиту монастырских вотчин. Монастыри играли важную роль в становлении новой социально-экономической системы, которую частично имеет смысл характеризовать понятиями капиталистического миропорядка. Ввиду генезиса торгово-рыночных операций владения монастырей регулярно пополнялись, преобразовываясь в крупный торговый капитал, развитие которого приводило к деформациям социальных практик.

Монастыри и церкви регулярно становились объектами: 1) жалованных и «данных» грамот [4, стб. 449–455], согласно которым они получали в своё владение новые земли; 2) купчих грамот, свидетельствовавших о том, что священнослужители вместе с общиной покупали новые имения [5, стб. 339–367.]; 3) монастырские земли часто отмечались в льготных грамотах, которые обеспечивали свободу действий по развитию сельского хозяйства, промыслов и по вопросам преумножения собственного капитала [2, стб. 114–120]. Также монастыри периодически награждались правом беспошлинной торговли на внутренних и внешних рынках (например, Жалованная грамота на беспошлинную покупку и продажу товаров Нижегородскому Благовещенскому монастырю (1473–1489) [3, стб. 122–123]. Таким образом, монастырские, реже просто церковные владения, были крайне важным элементом в реализации и обороте торгового капитала в Московском государстве в XV–XVI вв.

Монастыри играли огромную роль в вопросе трансформаций экономических тенденций и социальных практик в Московском государстве. На это указывают приходно-расходные книги крупных монастырей: они регулярно посыпали людей для торговли на крупных и часто далеких рынках, а также много покупали и продавали [9, с. 26–30]. Монастыри были важными элементами реализации торгового капитала царя и собственно го. Дополнительным аргументом в пользу предложенной модели наполненности агентов торгового капитала в Московском государстве выступает так называемый концепт « злоупотреблений». «...И кто у нихъ въ томъ сел-

це и въ деревняхъ и на селищахъ учнеть жити людей, и наши наместницы и волостелии ихъ тіуни техъ ихъ людей не судять ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоясь поличнымъ, и кормовъ своихъ на нихъ не емлють и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не беруть и не въезжаютъ къ нимъ ни по что ...» [1, стб. 82-84], эта формула встречается в ряде источников эпохи. Указанный акт « злоупотреблений», во-первых, был актуален для исследуемой эпохи, во-вторых, большая часть подобного материала направлена на обличение злоупотреблений царских наместников по отношению к монастырским вотчинам, государь также защищал в том числе и свои интересы, поскольку монастыри владели его имуществом, которое они же и преумножали. Безусловно, подобное явление не может быть детерминировано исключительно по экономическому признаку. Но представляется наиболее логичным, что различные группы интересов в совокупности давали лишь дополнительный повод к действию государя.

Выдвинутые аналитические категории не являются полноценным ответом в рамках поставленной проблематики. Тем не менее, необходимо осознавать, что в XV-XVII вв. механизмы формирования торгово-экономической элиты в Европе и России схожи. Агенты, «действующие на основе других ценностей или с другими целями» (не в интересах проводников торгового капитала), в результате сталкивались «с серьёзными препятствиями» (пример царских наместников). Данные категории населения в результате ещё большего неэквивалентного разделения имущества, чем ранее, создавали ситуацию, при которой развивалась эпоха первоначального накопления (торгового) капитала.

Построенная аналитическая модель не идеальна и имеет некоторые противоречия. Тем не менее, она важна для установления исследовательского потенциала проблематики. Исследователи первостепенных экономических факторов не имели возможности приблизиться к ответу на вопрос о возможности влияния революции цен на Московское государство. Это происходило по разным причинам: нехватка данных, невозможность сопоставления показателей и т. д. В данной работе предлагался эпистемологический подход к решению проблемы, то есть конъюнктурный базис, имеющийся у различных по своим характеристикам регионов, следует подвести под общий знаменатель, но не в виде элементарной и грубой унификации, а в результате рассмотрения самой логической структуры систем.

Схожесть некоторых элементов конъюнктурных структур в Западной Европе и Московского государства очевидна, поскольку указанные регио-

ны были связаны общей спецификой генезиса социально-экономического базиса, несмотря на различия первоначальных платформ. Поскольку настоящая работа носит характер постановки проблемы, следует обратиться к онтологической базе познания как такового. В качестве его характеристики наиболее показательным представляется обратиться к «трилемме Мюнхгаузена», введенной Х. Альбертом. Суть её такова – если обоснования требуются для всего, то в них также нуждаются знания, на которых строится сама логика обоснований.

Философ приходит к мысли, что подобная ситуация приводит к выбору между тремя альтернативами, а именно: 1) логический круг в дедукции, особенность которого заключается в том, что все обоснования выстраиваются вновь и вновь на основе друг друга; 2) прерывание процесса обоснования, смысл которого является собой достижения определенного всеми признанного знания; 3) регресс в бесконечность, который связан с нескончаемым процессом обоснования того или иного знания из-за отсутствия достаточности обоснования [6, с. 38].

Все предыдущие исследования косвенно рассматривающие поставленную проблему шли по первым двум путям. Настоящая работа является поиском решения проблемы по пути «регресса в бесконечность». Историография вопроса наглядно доказала невозможность его решения при выполнении привычных методологических действий в рамках исторической науки. Третья опция, предложенная Альбертом и заставляет исследователя совершать неоднозначные ходы в своей исследовательской инициативе. Таковым для данной работы является и поиск решения проблемы через призму проведения нестрогой аналогии при анализе специфических особенностей функционирования логических структуры самих социально-экономических систем, поскольку большие нарративы не отвечают на вопросы, а исследования в русле исторической антропологии не нацелены на решение проблем «макро» характера.

Список источников и литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857. Т. I. № 30 (V). Стб. 82-84.
2. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857. Т. I. № 31 (XXI–XXIV). Стб. 114-120.
3. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857. Т. I. № 32. Стб. 122-123.

4. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857. Т. I. № 63 (XV–XX). Стб. 449-455.
5. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1864. Т. II. № 147 (V–XXV). Стб. 339-367.
6. Альберт Х. Трактат о критическом разуме / Пер. с нем., вступит. Ст. и примеч. И.З. Шишкова. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
7. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 23-60.
8. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
9. Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М. ; Л.: Издательство Академии наук СССР. 1951. 273 с.
10. Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. 4-е изд., М.: Госиздат, 1921. Ч. 1. 283 с.
11. «Русская историческая библиотека» («РИБ»). СПб., 1897. Т. XVI. № 23. Стб. 91–92.
12. «Русская историческая библиотека» («РИБ»). Пг., 1915. Т. XXXII. № 345. Стб. 666–669.
13. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500–1650. Goteborg: Gothenburg University, 1973. 232 p.
14. Braudel F. Quest-ce que le XVIe siècle? // Annales E.S.C. 1953. Vol. VIII, Issue 1. P. 69-73.
15. Contamine P., Bompaire M., Lebeeq S., Sarrazin J.-L. L'économie médiévale. 3eme edition. Paris: A. Colin, 2003. 447 p.
16. Finkelstein A. The grammar of profit: the Price Revolution in intellectual context. Leiden-Boston: Brill, 2006. 374 p.
17. Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 503 p.
18. Hamilton E.J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1934. 428 p.
19. Hamilton E.J. American Treasure and the Rise of Capitalism // Economica Volume IX. London, 1929. № 27. P. 338-357.
20. Knoop D., Peredur G.J. The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times. Manchester: Manchester University Press. 1933. 294 p.
21. Phelps-Brown E.H., Hopkins Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica, XXIV, London, 1957. No. 96. P. 289-306.
22. Slicher van Bath, B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York, 1963. 327 p.

Сведения об авторе

Моисеенко Арсений Дмитриевич – магистрант кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

A. D. Moiseenko

REVOLUTION OF PRICES IN EUROPE AND POSSIBILITIES OF DIFFUSION OF ITS CONSEQUENCES ON SOCIAL AND ECONOMIC CONJUNCTURE OF MUSCOVY

Annotation: In the present article, a problem is set concerning the correlation the revolution of prices in Europe with the Moscow state in the 16th century. A historiographic analysis of the concepts related to this problem is carried out. On the basis of sources, some analytical concepts have brought into the research turnover for a more detailed consideration of the social and economic spheres of the Muscovy. Search for new research strategies is offered to resolve the issue in mind with regard to previous work inconsistency. The actuality of the work is due to a unique character, since in the historiography it has made exceptionally indirect attempts to solve the problem.

Keywords: The price revolution, commercial capital, Muscovy, capitalism, profit inflation, prices, monasteries.

Moiseenko Arseniy Dmitrievich – Master's degree student of 1 course of department of anthropology and ethnology, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНÉЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Е. Ю. Янушкевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в данной статье предпринята попытка систематизации русской историографии, посвящённой или затрагивающей тему «Восточного вопроса». Последовательно рассмотрено появление самого термина, хронологические рамки, сущность понятия и его определение. Особое внимание уделяется роли Российской империи в решении «Восточного вопроса», его месту во внешней политике Николая I, значимости военно-политического противостояния России и Турции. В результате исследования делаются выводы о поступательном эволюционном процессе в русской историографии.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Николай I, Российская империя, Османская империя.

Появление самого термина «Восточный вопрос» в академической традиции принято связывать с Веронским конгрессом Священного союза, прошедшего в 1822 г., когда данное словосочетание было использовано в ходе обсуждения положения, возникшего на Балканском полуострове в результате греческого национально-освободительного восстания против турецкого господства в 1821-1829 гг. Однако первое официальное употребление в обращении европейских держав к Османской империи и вхождение в обиход политической прессы понятия «Восточный вопрос» академик М. Н. Покровский относит к 1839 г.

Таким образом, доподлинно установить точную дату рождения термина не представляется возможным, но совершенно определённо следует констатировать, что изначально смысл, заложенный в данное выражение, заключается в вопросе о положении Османской империи в Европе и судьбе населяющих её народов. Не меньше трудностей вызывает попытка определения отправной точки непосредственного противостояния в рамках Восточного вопроса, что во многом обусловлено многочисленными трактовками термина. Поэтому обратимся к поэтапному рассмотрению хронологических рамок и сущности понятия «Восточный вопрос».

По замечанию С. М. Соловьёва, корни противоречия уходят вглубь веков, и Восточный вопрос «появился в истории с тех пор, как европейский человек осознал различие между Европой и Азией» [1], при этом военно-политическое противостояние европейских государств и Османской империи рассматривается историком как частное проявление глобального конфликта Европы и Азии.

М. Н. Покровский вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом определял время возникновения Восточного вопроса, как вопроса турецкого, «естественным образом с момента появления турок в Европе в середине XIV столетия» [2], выделяя особняком частный вопрос о турецком наследстве, появившийся на политической сцене с заключением Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.

В советской историографии прослеживается некоторое единство в определении проблематики и хронологических рамок Восточного вопроса. В трудах Е. В. Тарле, А. Л. Нарочницкого, В. А. Георгиева, Н. С. Киняпиной, С. Б. Окуния, М. Т. Панченковой, О. Б. Шпаро, А. В. Фадеева, В. Я. Гросула, И. Г. Гуткиной, В. Г. Карасева, Н. И. Хитровой, Б. Е. Сыроечковского, И. Ф. Иоввы, С. С. Ланды, О. В. Орлика появление «Восточного вопроса» датировано последней третью или последней четвертью XVIII в.

Так, И. С. Достян и В. И. Фрейдзон считают, что «в последней трети XVIII века, в связи с возникновением «Восточного вопроса», Балканы стали частью общеевропейской международной системы» [3, с. 14]. Таким образом, определение и исторические рамки «Восточного вопроса» тесно связываются с активной политикой России на Балканах и серией русско-турецких войн, в ходе которых был получен выход к Черному морю, и усилилось влияние России среди Балканских народов.

В современной историографии была предпринята попытка создания всеобъемлющей схемы периодизации истории «Восточного вопроса», согласно которой: первый этап развития протекал с 60-х годов XVIII в. до окончания Крымской войны. Второй этап, начинающийся со второй половины 50-х годов XIX в. и завершающийся в 90-х годах XIX в., содержит два подэтапа, «водоразделом между которыми является Восточный кризис 1875-1878 гг.» [4, с. 3]. Хронологические рамки третьего этапа – с конца XIX в. и до 20-30-х годов XX столетия.

Однако процессы, приведшие к постановке «Восточного вопроса», начались значительно раньше, потому следует отвергнуть предложенную хронологическую схему за узость рассматриваемых событий, входящих в международное противоречие. Наиболее полной и приемлемой периоди-

зацией истории развития «Восточного вопроса» следует считать хронологию, составленную российским историком С. А. Жигаревым, также подразумевающую выделение трёх этапов. Первый – подготовительный, характеризующийся совместной борьбой России и Западной Европы против Оттоманской Порты охватывает три столетия до первой половины XVIII в. Второй этап XVIII–XIX вв., включает русско-турецкие войны и продвижение России на Балканский полуостров. Заключительный период хронологически определяется концом XIX – началом XX в.

«Восточный вопрос», по праву, следует считать центральной проблемой внешней политики Российской империи начала царствования Николая I. Приоритетность данного направления была обозначена самим самодержцем в разговоре с австрийским послом графом Людвигом фон Лебцельтерном, согласно мнению Е. М. Феоктистова [5, с. 158], или же, по утверждению С. С. Татищева, в разговоре с французским чрезвычайным послом графом Э. Ф. Сен-При [6, с. 137]. Император заявил следующее: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное изо всех: восточное дело» [7, с. 63-77].

Однако рассматривать «Восточный вопрос» исключительно как противостояние Российской и Османской империй в корне ошибочно. Наметившийся распад Оттоманской Порты, вступившей в полосу кризиса, породил целый ряд международных противоречий конца XVIII – начала ХХ вв. В борьбе за раздел турецких владений, в первую очередь европейских, помимо России, принимал участие целый ряд государств: Австрия, Великобритания, Пруссия и Франция. Обострению международной ситуации также немало способствовали подъём национального самосознания и успехи освободительной борьбы подвластных Порте народов, в первую очередь населяющих Балканский полуостров.

Приведённые выше причины нашли своё отражение в определении, выработанном в советской историографии. Понимая под Восточным вопросом «международную проблему середины XVIII – начала ХХ вв., появление которой было связано с упадком Османской империи, размахом национально-освободительной борьбы подвластных ей народов и усилением противоречий европейских держав на Ближнем Востоке в связи с развитием колониализма» [8, с. 4], исследователи упускают самою сущность заявленного термина. Сущность Восточного вопроса то, что он представлял сам по себе, справедливо обозначить, как «международную борьбу за колониальный раздел ведущими европейскими державами территории Османской империи» [9, с. 64], а также повторно отметить, что российско-турецкие отношения являются лишь частью обширного противостояния.

Сохраняя равновесие между вышеприведённым тезисом и темой данной статьи, учитывая многоаспектность рассматриваемого противоречия, дальнейшие рассуждение следует выстроить вокруг роли Российской империи в решении Восточного вопроса. Для этого попробуем избрать более узкое определение, и сосредоточить внимание на значимости военно-политического противостояния России и Турции. Наиболее полно поставленной задаче отвечает интерпретация Восточного вопроса, данная российским историком С. А. Жигаревым в фундаментальном двухтомном исследовании «Русская политика в Восточном вопросе» [10]. Исследователь сообщает следующее: «Восточный вопрос есть для России не одна борьба Европы с Азией и никак не борьба греко-славянской культуры с романо-германской, а трудная и сложная задача, состоящая в том, чтобы обеспечить собственные материальные интересы на Востоке и помочь своим восточным единоверцам и единоплеменникам в борьбе с мусульманством за национальное и религиозное самосохранение, вывести их из турецкого порабощения и ввести в семью европейских народов, не нарушая законных интересов и прав, как остальных независимых держав Европы, так и самих турецких христиан» [10, с. 49]. Таким образом, определение учитывает совокупность политических, экономических, социальных, религиозных и психологических факторов.

Следует отметить, что, раскрывая термин «Восточный вопрос», С. А. Жигарев одновременно опровергает позицию М. С. Соловьева, слишком обобщившего рассматриваемое понятие введением мотивов и фактов всемирно-исторического характера, и Н. Я. Данилевского, выдвинувшего на передний план борьбу католического и православного миров. Мнение С. А. Жигарева, в свою очередь, разделяет Ф. И. Успенский добавляя, что объяснение острой постановки Восточного вопроса в разные исторические периоды находится «не в антагонизме Востока к Западу и даже не в расовой противоположности романо-германского и греко-славянского миров, вообще не в отвлечённом принципе, а в реальном историческом факте» [11, с. 649], под которым подразумевается падение Византийской империи, и утверждение турок-османов в Константинополе. Следовательно, основным мотивом в Восточном вопросе необходимо признать новый порядок вещей, созданный в Юго-Восточной Европе мусульманским завоеванием, повлекшим за собой ряд обязательств, «какие самой природой были возложены и частично добровольно приняты Россией, как православным государством, по отношению к подчинённым туркам христианским народностям Балканского полуострова» [11, с. 650]. При этом Ф. И. Успенский указывает

на неуместное радение об интересах Европы, введённое русскими исследователями «даже в определение понятия Восточного вопроса, так как оно является показателем нашего политического и национального унижения» [11, с. 651]. Однако согласиться со столь категоричным заявлением не представляется возможным, потому как сама сущность противоречия подразумевает участие европейских держав в его разрешении.

Невозможно обойти вниманием ещё одну составляющую Восточного вопроса – заботу России об обеспечении своих материальных интересов на Востоке. Обратимся к трактовке Восточного вопроса, данной В. А. Уляницким, в «Очерках дипломатической истории...» [12]. Автор, пытаясь выявить исторические традиции и обрисовать круг задач русской политики на Востоке применительно к XVIII в., выдвигает на первое место экономическую составляющую, а вопросы национальности и вероисповедания подчиняет ближайшим интересам империи: безопасности русско-татарской границы и экономическому развитию южнорусских окраин. Отношение России к Турции, согласно мнению В. А. Уляницкого, по большей части можно свести к вопросу о свободе прохода русских судов через проливы Босфор и Дарданеллы и в целом о свободе судоходства на Чёрном море.

Другой российский историк Д. Н. Иванов практически дублирует утверждение В. А. Уляницкого, позиционируя Восточный вопрос для Российской империи как совокупность двух аспектов: «необходимости обезопасить южные границы и желания оперировать на Средиземном море, проводя эскадры через Босфор» [13, с. 33]. Однако устойчивое влияние России в Турции объяснить иначе как племенным и духовным единством европейских подданных султана с русским народом представляется затруднительным.

Исходя из вышеизложенного, заметим, что отношения России к Османской империи не могли исчерпываться исключительно материальными интересами, скорее последние органично сосуществовали с представлениями о потребности покровительствовать и содействовать братским народам, находящимся под турецким владычеством. При этом духовные и материальные аспекты пребывали в равновесном состоянии и не предполагали подчинения одного другому. Своебразное политическое балансирование между интересами Российской империи и стремлением балканских христиан к независимости дополнительно осложнялось необходимостью соблюдения принципа легитимизма, предполагавшего поддержку турецкого султана, как законного властителя своих подданных. Этим во многом можно объяснить противоречивость российской политики в ре-

шении Восточного вопроса. Очередной путь выхода из подвешенного состояния дипломатических дел был предложен Николаем I.

Практически сразу после прихода к власти император приступил к подготовке своей первой войны с Османской империей, избрав линию солидарности с народами Балкан. Неоспоримым подтверждением данного тезиса может служить заявление самого самодержца: «Я решился идти по следам моего покойного брата. Император Александр, незадолго до кончины принял твёрдое намерение получить оружием те права, которых он тщетно добивался дипломатическим путём. Россия ещё не в войне с Портою, но приязненные отношения между нашими странами прекратились, не я сделаю шаг назад, когда дело коснётся чести моей Родины» [14, с. 42].

Однако следует отметить, что внешняя политика, касающаяся восточных дел, претерпела некоторые изменения. Совокупность дипломатических ходов, предпринятых Николаем I в ближайшей обозримой перспективе его правления, даёт полное основание полагать, что в решении Восточного вопроса император действовал более последовательно, хотя и менее гибко, чем его брат Александр I. Во внешнеполитическом курсе наметился переход к более активным и жёстким действиям.

Николай I отдавал себе отчёт в том, что самостоятельно, без «европейского концерта» греческий вопрос он решить был не в силах, не рискуя создать против себя коалицию европейских государств, при этом император учитывал особенное положение России по отношению к Оттоманской Порте и необходимость преобладания нашего влияния на Босфоре, такого влияния, каким пользовалась Англия в Португалии.

В связи с этим многочисленные причины разногласия Российской и Османской империй самодержец подразделил на две части, «в одну из которых сгруппировал все произведённые турецким правительством нарушения обязательств, возложенных на Порту нашими с нею договорами, а в другую поставил вопрос греческий» [10, с. 327]. Разрешение греко-турецкого столкновения было признано делом общеевропейским, требующим совокупного вмешательства, в то время как ряд проблем в рамках русско-турецких отношений предполагалось урегулировать «без привлечения третьей стороны» [15, с. 74]. Впоследствии же в вопросе умиротворения Греции совместные с Европой протесты в адрес турецкого султана переросли в ультимативные требования, исходящие исключительно от России. Подобную модель ведения дипломатического диалога отстаивал бывший посол в Турции Г. А. Строганов в своём обращении к Николаю I от 18 января 1826 г., в котором значилось, что «самый верный способ добиться почётного мира – это не бояться войны» [7, с. 413].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в качестве исследовательской темы Восточный вопрос закономерно подвергался эволюции и допускал влияние на него разнообразных точек зрения. Не вызывает сомнений изученность и проработанность различных аспектов международного противоречия. Историография Восточного вопроса может быть справедливо разделена на три основных периода: дореволюционный, советский и современный, – которые в равной мере представлены довольно большим количеством выдающихся исследований. При этом стоит отметить некоторую закономерность в осмыслиения Восточного вопроса: от плюрализма взглядов и мнений его трактовка была сведена до единой обобщённой концепции, пока вновь не обрела многогранное звучание в российской историографии. Столь внушительный список историков, обращавшихся к изучению международной борьбы за «турецкое наследство» [4, с. 7], не оставляет сомнения в актуальности историографических исследований в сфере внешней политики Российской империи начала правления Николая I.

Список источников и литературы

1. Соловьев С.М. Восточный вопрос. // http://dugward.ru/library/solovyev_s_m_solovyev_s_m_vostochniy_vopros.html. (Дата обращения – 07.10.2017).
2. Покровский М.Н. Восточный вопрос. // <http://wg-lj.livejournal.com/554248.html>. (Дата обращения – 07.10. 2017).
3. Достян И.С., Фрейдзон В.И. Общие условия развития борьбы за национальную государственность народов Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.) // Формирование национальных независимых государств на Балканах: Конец XVIII – 70-е гг. XIX в. / Под ред. И.С. Достяна М., 1986. 430 с.
4. Костяшов Ю.В., Кузнецов А.А., Сергеев В.В., Чумakov А.Д. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII – начале XX вв. Калининград, 1997. 86 с.
5. Феоктистов Е.М. Борьба Греции за независимость. Эпизод из истории первой половины XIX в. СПб., 1863. 230 с.
6. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887. 648 с.
7. Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVII – первой четверти XIX в. М., 2016. 512 с.

-
8. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / В.А. Георгиев; отв. ред. Н.С. Киняпина и др. М., 1978. 435 с.
9. Зеленев Е.И., Зеленева И.В. Восточный вопрос во внешней политике Николая I. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. СПб., 2005. Вып. 2. С. 63-77.
10. Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе. Ея история в XVI – XIX веках, критическая оценка и будущие задачи // Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1. 550 с.
11. Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос М., 1997. 804 с.
12. Уляницкий В.А. Очерки дипломатической истории Восточного вопроса. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. 726 с.
13. Иванов Д.Н. Россия и Турция при Николае I: от войны до войны. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. СПб., 2015. № 14. С. 30-45.
14. Епанчин Е.А. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. СПб., 1905. Ч. 1. 488 с.
15. Жидкова О.В. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. и дипломатия России и Франции. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 3. С. 74-78.

E. Y. Ianushkevich

EASTERN QUESTION IN THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE, THE BEGINNING OF THE REIGN OF NICOLAS I. THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Abstract: In this article, an attempt was made to systematize Russian historiography devoted to or touching on the subject of the "Eastern Question". The appearance of the term itself, the chronological framework, the essence of the concept and its definition are consistently considered. Special attention is paid to the role of the Russian empire in resolving the "Eastern Question", its place in Nicholas I's foreign policy, and the significance of the military-political confrontation between Russia and Turkey. As a result of the study, conclusions are drawn about the progressive evolutionary process in Russian historiography.

Keywords: Eastern question, Nikolay I, Russian Empire, Ottoman Empire.

Сведения об авторе

Янушкевич Елизавета Юрьевна – бакалавр, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). eyuya97@gmail.com

Ianushkevich Elizaveta Yurievna - bachelor, Institute of the history, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). eyuya97@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЯ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ПОРЕФОРМЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПОЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

М. В. Королева

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Аннотация: в настоящей статье предпринята попытка рассмотрения основных точек зрения в современной отечественной историографии по вопросу изменения духовной культуры крестьян после отмены крепостного права через призму такой содержательной категории как «религия».

Ключевые слова: современная отечественная историография, духовная культура, религия, пореформенное крестьянство.

В рамках современной отечественной историографии в противовес советской, ведущую роль в которой занимали социально-экономические отношения, актуальными являются исторические исследования в области повседневности общества и его духовной культуры. В частности, изучение представлений крестьян в пореформенное время о религии возможно считать основой для рассмотрения особенностей пережитков и суеверий в современной русской культуре.

Стоит отметить особенность слова «крестьянин» в контексте данной статьи. М. И. Мельникова связывала его этимологический смысл с понятием «христианин» и старославянским – «кръсть», ввиду этого, по мнению автора, «крестьянин являлся человеком, получившим крещение и несущий свой крест» [10, с. 63]. Из этого исследователь сделала вывод, что именно поэтому крестьяне воспринимали жизнь через призму религии и многие часто идеализируют их образ жизни, с которым олицетворяют все человеческие ценности: труд, здоровье, гармоничные отношения с природой и окружающими, семья и пр.

Вопрос о религиозных взглядах крестьян и их изменении в течение второй половины XIX в. стал основанием для дискуссий в кругах современных исследователей. К первой группе научных трудов относятся работы, написанные в рамках этнокультурного подхода. Один из его представителей, М. М. Громыко, на основе широкого этнографического и фольклорного источников материала осветила многие аспекты традиций и

обычаев религиозной жизни православного крестьянина. Исследователь отмечала глубокую веру крестьян в загробную жизнь и связь определенного поведения живых с душами умерших, поэтому в деревне было широко распространено поминование усопших, что выражалось в памятных молитвах, посещение могил и пр. [7, с. 8–21].

Автор описывала практики молебнов вне храма и крестные ходы к святым местам, которые существовали в крестьянском мире и совершались по инициативе общины. Данные действия были связаны с церковными праздниками, а также хозяйственными практиками: молебны к началу и концу полевых работ, к выгону скота, крестные ходы в связи со стихийными бедствиями (засуха, непрерывные дожди) и эпидемиями [4, с. 178–180; 6, с. 117–125; 7, с. 21–53].

Рассматривая отношение крестьян к храму и священнику, исследователь пришла к выводу, что сельские обыватели посещали церковь каждое воскресенье и в праздники, однако чаще это происходило в осенне-зимний период, когда не было сельскохозяйственных работ; а также, что к священникам относились с положительной стороны, поскольку те были близки к простому народу и их уклад жизни был схож с крестьянским [5, с. 88–103]. Большое внимание было уделено религиозно-этической функции общины, которая имела право наложить запрет на работу в праздничные, воскресные дни или ограничить в действиях крестьян [6, с. 125–132].

В рамках данного подхода был проявлен интерес к реконструкции образов и концептов религиозной жизни крестьян. В частности, К. В. Цеханская занималась изучением икон в различных областях народной жизни. Они занимали особое место в быту и духовной жизни крестьян: к ним прикладывали новорожденных; находили в молитвах им утешение, когда случалось горе; благословляли на брак и пр. Автор описывала обряды почитания икон в народе. Символом веры и любви к Богу были свечи, которые верующий зажигал перед каждой молитвой. Также обрядом прихожане выражали почитание икон в церкви при помощи пения, посвященного образу, изображеному на иконе. Кроме того, К. В. Цеханская отмечала важную роль икон в повседневной жизни крестьян, когда в каждой деревенской семье находился святой угол (другие названия «передний», «красный», «тябла», «божницы» и пр.), где на полочках располагались иконы различных святых. Таким образом, автор делает вывод, что икона сопровождала всю жизнь крестьянина от рождения до смерти [15, с. 300–315].

Неоднозначность веры крестьян, что выражалось в одновременном co-существовании языческих и православных начал, прослеживается в контексте концепции «религиозного синcretизма». А. В. Юдин отмечал легитим-

ность употребления в науке относительно проявления антагоничности религиозного сознания сельских обывателей понятия «двоеверие» [17, с. 115]. В русской духовной культуре, по мнению исследователя, не могли ни оставить отпечатка традиции язычества, превратившиеся в пережитки, но ставшие основой обычая, обрядов и традиций. Автор на основе праздничной народной культуры выявлял проявления синcretичности религиозного сознания крестьян. Например, он отмечал языческие истоки масленицы, в ходе которой прослеживаются ритуалы поклонения стихиям природы – блины несли солнечную символику, ритуал сожжения чучела символизировал огненную стихию и т. д. Несмотря на то, что церковь терпела данный праздник ввиду его традиционности и укорененности, она долго боролась с обжорством и разгулом перед Великим Постом. Однако во время Великого Поста между языческой масленицей и христианской Пасхой также не наблюдалось однородности взглядов, поскольку в это время в народной среде начиналось «кликанье весны». Во время данного обычая производились разного рода действия, близкие к магическим ритуалам. К примеру, автор сообщал о «веснянках» – ритуальных песнях, которые исполняли молодые девушки и дети на возвышенностях с целью призыва весны [17, с. 132–140].

В контексте природоцентрированности сознания крестьян Л. В. Милов полагал, что причиной сохранения религиозного синкретизма в России был природно-географический фактор. Крестьяне относились к природным изменениям как к мистическому явлению, наблюдая за модификациями поведения животных и птиц, за фазами Луны, а также производя оценку внешнего вида Солнца, что порождало различные приметы и суеверия. Таким образом, исследователь заключает, что в крестьянине «поселился не только христианин, но и сохранился язычник, может быть даже в большей степени язычник» [11, с. 53]. В. Б. Безгин обращал внимание на многогранность демонологических представлений в деревне. Крестьяне верили в домовых, леших, водяных, ведьм. Автор приводит пример о том, что среди крестьян Рыльского уезда Курской губернии существовало приздание о Лысой горе, где якобы всегда собирались местные ведьмы [2, с. 162–164].

В рамках философско-культурологического подхода В. А. Апрелева и Д. И. Шульга, отмечая антагоничность сознания крестьян, указывали на противоречивость отношения и к христианству. Авторы объясняли это тем, что религиозность крестьян была больше склонна к женственной стихии – Земле, а не к «мужественному вселенскому логосу» – духу Христову [16, с. 151]. Таким образом, обосновываются трудовые обряды в крестьянской среде, когда мужчины проводили ритуалы «оплодотворения» земли.

Несмотря на проявление противоречивости отношения крестьян к религии, В. Б. Безгин утверждал, что проявление языческих пережитков было значительным, но неравнозенным с православием, поскольку «крестьяне верили в Бога, как говорили на селе “всем сердцем”» [2, с. 152].

Современные исследователи отмечали в пореформенное время проявление секуляризации, то есть «утраты религией своей значимости» [9, с. 98]. Проявление данного феномена в хронологических рамках оценивается по-разному. Например, Л. А. Андреева отмечала, что уже в 1852 г. 9,1% мужского сельского населения и 8% женского проявляли равнодушие к таинству исповеди в церкви [1, с. 92]. Однако религиозная индифферентность начала нарастать в пореформенное время, во второй половине XIX в., и достигло пика в конце столетия. На основании данных Пензенской губернии, М. Ю. Садырова приводила статистику отхода крестьян от ортодоксального христианства: «в 1872 г. было 6298 человек отклонившихся, к 1884 г. – показатель повысился на 182,4 %, а к 1906 г. – на 354,5 %, составив 22326 человек» [13, с. 89].

Исследователи выделяли ряд факторов, способствовавших снижению значимости религии в крестьянском сознании. Во-первых, локальные отвлекающие аспекты: воскресные базары, сельские и местные сходки, когда «сельские старики не только не освещают воскресного дня молитвою, но проводят его в повальном пьянстве» [14, с. 188]. Также Т. А. Бернштам указывала на такую причину как лень, в результате чего прихожане не посещали церковь [3, с. 46]. Хотя наиболее значимыми причинами авторы считали модернизационные процессы, влиявшие на сознание и поведение крестьян. Это выражалось в проявлении маргинальной культуры в частности из-за промысла отходничества, в ходе которого происходил разрыв связи крестьянина с землей, следовательно, размывалась важность и традиционных установок, тесно взаимодействующих с православием [13, с. 90].

Специалист по аграрной истории XIX в. Б. Г. Литvak также указывал на массовую религиозную индифферентность крестьян, что проявлялось прежде всего в праздничные и воскресные дни. Данный тезис автор подкрепляет сюжетами из Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) г. Москвы: «Священник с. Дмитровское Звенигородского уезда (Московская губерния) Цветиков сообщал, что в 1868 г. из 1085 прихожан мужского и женского пола на исповеди было всего 214» [8, с. 38]. Причину подобного поведения крестьян Б. Г. Литvak находил в проповеди священника И. Орликова с. Воскресенского Бронницкого уезда (Московская губерния), в которой он говорил о том, что крестьяне не посещают церковь в праздничные и воскресные дни ввиду их желания использовать возможность увеличить заработок в те дни, которые не

отведены для работы по причине низкой платы со стороны помещика. Священник называл подобные действия «пренебрежением заповеди божьей из корыстных расчетов» [8, с. 38].

По-иному считал Б. Н. Миронов, указывая на то, что после отмены крепостного права крестьяне всё ещё принимали работу в выходные и праздники за деньги грехом на нравственном уровне. Более того, исследователь, утверждал, что вводились наказания по этому поводу на законном уровне, начиная с Соборного Уложения 1649 г., и после эмансипации эти меры не отменились, а даже появились новые. Согласно этнографическому материалу бюро им. В. Н. Тенишева, Б. Н. Миронов приводил следующий пример наказания: «...у нарушителя отнималась на год часть сенокосных угодий, которые распределялись между остальными крестьянами» [12, с. 310]. Можно предположить, что исследователь имел в виду пожилых людей и не учитывал проявления религиозной индифферентности со стороны молодого поколения.

Итак, в контексте духовности пореформенной деревни историки прослеживали синкретичное отношение крестьян к религии, что выражалось в сосуществовании православной веры и языческих пережитков. Но ввиду новых социально-экономических условий: модернизационные процессы, появление товаро-денежных отношений, а также влияние городской культуры на деревню, по мнению исследователей, к концу XIX в. начинало проявлять себя снижение роли религии в жизни крестьян.

Список источников и литературы

1. *Андреева Л.А.* Процесс дехристианизации в России и возникновение квази-религиозности в XX в. // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 90-100.
2. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX–начала XX века) М. ; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 187 с.
3. *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 311 с.
4. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
5. *Громыко М.М.* Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 88-103.
6. *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1985. 274 с.
7. *Громыко М.М, Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломникъ, 2000. 541 с.
8. *Кабытов П.С.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.
9. *Канаков Д.В.* Тенденция к размыванию догматизма религиозного сознания в процессе секуляризации // Философские науки. 2015. № 5. С. 97-110.

10. Мельникова М.И. Крестьянская ментальность: культурно-исторический анализ. // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 58-66.
11. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 40-56.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: в 2 т. М., 1999. Т. 2. 566 с.
13. Садырова М.Ю. Основные тенденции эволюции религиозной жизни крестьянства на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Пензенской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2. С. 88-93.
14. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
15. Цеханская К.В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 300-315.
16. Шульга Д.И., Апрелева В.А. Антиномичность русской религиозности в традиции отечественной философии XX века // Вестник ЮУрГУ. 2013. Т. 13. № 1. С. 150-152.
17. Юдин А.В. Русская народная духовная культура: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1999. 415 с.

M. V. Koroleva

**THE SPIRITUAL CULTURE CHANGES OF THE POST-REFORMED
PEASANTRY IN THE RUSSIAN RESEARCHERS' HISTORIOGRAPHIC
FIELD**

Annotation: There are attempts of considering the main modern Russian historiography viewpoints on the issue of changing the spiritual culture of peasants after the abolition of serfdom in Russia through the prism of such a category as "religion" in this article.

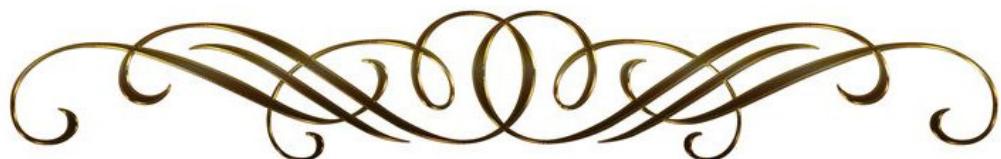
Keywords: modern Russian historiography, spiritual culture, religion, post-reform peasantry.

Сведения об авторе

Королева Мария Владимировна – магистрант кафедры отечественной истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет, e-mail: marykoroleva1996@mail.ru

Koroleva M. V. – Master's degree student of 1 course, Department of Russian History, National Research Tomsk State University, e-mail: marykoroleva1996@mail.ru

РОССИЯ
В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

ВВЕДЕНИЕ УСТАВНЫХ ГРАМОТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Н. Н. Буляк

Брянский государственный университет

Аннотация: уставная грамота – основной документ реформы 19 февраля 1861 г. Являясь первостепенным и главным историческим источником по изучению реформы, уставные грамоты отражают основные противоречия, сложившиеся в начале реализации отмены крепостного права. Немаловажным является вопрос о введении уставных грамот в действие, раскрывающий сложность и противоречивость создания нового общественного устройства. Подробное изучение порядка реализации реформы 19 февраля 1861 г., позволяет выделить основные проблемы, с которыми столкнулось правительство при введении нового законодательства в жизнь.

Ключевые слова: уставная грамота, реформа 19 февраля 1861 г., отмена крепостного права, мировые посредники, Орловское губернское по крестьянским делам присутствие.

Александр II 19 февраля 1861 г. подписал Манифест об отмене крепостного права, и это событие перевернуло ход российской истории. Принятию акта предшествовала тяжелая работа Секретного и Главного комитетов по крестьянскому вопросу, а также многочисленных губернских комитетов. Их деятельность позволила создать массивный пласт законодательных материалов, которые явились правовой основой будущего устройства.

Первостепенным законодательным актом крестьянской реформы явились «Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», состоящие из Манифеста «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и ряда других законодательных актов, определявших экономическое и правовое положение вышедшего из крепостной зависимости крестьянства, а также условия существования в новой ситуации дворянства. Особняком из-за своей важности стоит «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Крестьянство получило статус свободных сельских обывателей и сопровождавший его весь спектр гражданских прав. Помещики сохраняли право собственности на все принадлежащие им земли, но должны были

предоставить крестьянам (за установленные повинности) в постоянное пользование усадебную их оседлость, а сверх того – для обеспечения быта крестьян и исполнения обязанностей их пред правительством определенное количество полевой земли и других угодий. Основная масса дворянства продолжала надеяться, что начатые преобразования сохранят их экономическое положение. «В то же время "несочувствующие освобождению крестьян", хотя и были в большинстве, но не представляли собой единую политическую силу, решившуюся на сознательное упорное противодействие власти» [1, с. 30].

Историография реформы 1861 г. начала складываться вскоре после начала ее осуществления и, согласно оценке Л. Г. Захаровой, имеет три основных направления: изучение объективных социально-экономических причин, исследование предпосылок реформы, ее подготовки и реализации [6, с. 4]. Нас в данном конкретном случае интересует последний пункт, являющийся важнейшим и сложнейшим в любых преобразованиях.

Большую роль в изучении последствий реформ сыграли ведущие отечественные историки, такие как: П. А. Зайончковский, Б. Г. Литvak и Н. М. Дружинин. П. А. Зайончковский делал упор на анализ массовых источников, главными из которых стали уставные грамоты и выкупные акты. Кроме этого были рассмотрены причины реформы, ее подготовка, а также реализация по губерниям [2, с. 24].

Работа Б. Г. Литвака, была написана на основе изучения 18 тыс. уставных грамот и такого же количества выкупных актов центральных губерний. Автор проследил реализацию реформы 19 февраля 1861 г. в Черноземном центре России, а также показал преформенное состояние помещичьей деревни [2, с. 25]. Заметным исследованием проявления реформы 1861 г. стала монография Н. М. Дружинина «Русская деревня на переломе (1861–1880 гг.)», в которой большое внимание автор уделял социально-экономическим процессам, происходившим в русской деревне [2, с. 26].

На данный момент изучение последствий реформы активно продолжается. Весьма заметным исследованием является монография С. Г. Кащенко «Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения крестьян» (Санкт-Петербург – Брянск, 2013 г.). В ней автор представил результаты анализа, полученного от значительного объема данных. Главным источником исследования послужили уставные грамоты и выкупные акты. Автор отмечает большую значимость этих видов источников, для ключевых выводов по реализации реформы в Орловской губернии [2, с. 28].

Центральным вопросом статьи являются сложившиеся противоречия в ходе реализации реформы 19 февраля 1861 г. и введении уставных грамот. Речь пойдет о скрытых механизмах отношений между помещиками и крестьянами, проявившихся в текстах принятых уставных грамот, что позволяет лучше понять социальную реальность хода преобразований, выявить уникальность каждой ситуации, связанной с принятием ключевого документа реализации реформы и в то же время выделить общие черты, помогающие выйти на новый уровень обобщения.

Манифест 19 февраля 1861 г. содержал в себе весьма конкретный план действий, раскрывавшийся более подробно в других положениях реформы.

В чем же он заключался? Во-первых, в каждой губернии открывались: губернское по крестьянским делам присутствие, которому «вверялось высшее заведывание делами крестьянских обществ, водворенных на помещичьих землях». Для рассмотрения на местах недоразумений и споров, которые могли возникнуть при исполнении новых положений, в уездах назначались мировые посредники, и образовались уездные мировые съезды.

Во-вторых, было образовано в помещичьих имениях мирское управление, для чего, оставляя сельские общества в нынешнем их составе, открывались в значительных селениях волостные управления, а мелкие сельские общества и соединялись под одним волостным управлением.

В-третьих, составлялись, проверялись и утверждались по каждому сельскому обществу или имению уставные грамоты, в которых на основании местного положения, определялось количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер повинностей, причитавшихся в пользу помещика. Уставные грамоты планировалось приводить в исполнение по мере их утверждения для каждого имения. Окончательное введение по всем имениям намечалось в течение двух лет со дня издания Манифеста. До истечения этого срока крестьянам и дворовым людям предписывалось пребывать «в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности» [10].

Как мы видим из Манифеста, первоочередной задачей при реализации крестьянской реформы было создание специальных структур, которые непосредственно должны были продвигать реформу на местах.

Первостепенную роль в осуществлении реформы на уровне губерний играло губернское по крестьянским делам присутствие, которое было образовано на основе реформы от 29 января и 25 марта 1859 г. Оно возглавлялось губернатором или губернским предводителем дворянства, а в

его состав входили: управляющий государственными имуществами, губернский прокурор, два представителя местного дворянства, с разрешения министра внутренних дел, и два представителя местных помещиков, избранных собранием уездных или губернских предводителей дворянства.

Именно губернским по крестьянским делам присутствиям через уездные мировые съезды и через мировых посредников предстояло осуществить крестьянскую реформу в губернии. Эти органы должны были разбирать жалобы на действия мировых посредников и уездных мировых съездов, рассматривать дела по добровольным соглашениям между крестьянами и помещиками. Помимо этого губернские присутствия должны были осуществлять особые установленные Положением о крестьянах распорядительные действия [11].

Уездный мировой съезд возглавлялся уездным предводителем дворянства, также в его состав входили все мировые посредники уезда и один представитель от правительства. Статья 105 «Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениям» устанавливала определенный перечень вопросов, которые могли разрешать уездные мировые съезды. Во-первых, споры и «недоразумения», возникавшие из поземельных отношений между помещиками и крестьянами, а также жалобы крестьян и обществ на волостных должностных лиц. Во-вторых, некоторые распорядительные действия по крестьянским делам, установленные в Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости [11].

Мировые посредники по основным началам реформы от 29 января и 25 марта 1859 г. должны были избираться на три года из местных дворян-помещиков. Статья 6 «Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениям» устанавливала требования к мировым посредникам, которыми могли быть поместные дворяне при соблюдении одного из трех критериев: владение и непосредственное распоряжение землей в размере пятисот десятин; владение меньшим количеством земли, но не менее ста пятидесяти десятин, при условии, что окончили курс в учебных заведениях, с правом на чин XII класса; обладание избирательным голосом в губернском дворянском собрании. В случае недостатка потомственных дворян избирались личные дворяне, владевшие землей, в два раза превышающей требования для поместных дворян [11].

Институт мировых посредников был самым многочисленным и непосредственно приближенным к событиям, которые происходили в ходе реализации реформы на местах. К их ведению относилось разрешение следующих вопросов: во-первых, споры, жалобы и недоразумения между помещиками и временно-обязанными крестьянами, или дворовыми людь-

ми, возникшие из обязательных отношений, а также жалобы крестьян и обществ на волостные сходы и на сельских и волостных должностных лиц; во-вторых, засвидетельствование разных актов, совершаемых помещиками с временно-обязанными крестьянами и дворовыми людьми; в-третьих, некоторые распорядительные действия по крестьянским делам, указанные в Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости; в-четвертых, ряд дел по судебно-полицейскому разбирательству (споры по найму земель, потравам угодий, по порубкам во владельческих лесах) [11].

Первостепенной задачей учреждений по крестьянскому делу было оформление и введение в жизнь уставных грамот, которые выступали в виде первоочередных документов реформы. Они представляли собой документ о хозяйственном положении временно-обязанных крестьян, о размерах и составе их наделов, о характере и уровне их повинностей [4, с. 45]. Грамота являлась основным первичным документом, зафиксировавшим процесс перехода крестьян во временно-обязанное состояние и широкий спектр экономических отношений помещика со своими крестьянами [8, с. 61].

Формуляр уставной грамоты изначально являлся общеобязательным и должен был быть единообразным, но местные особенности внесли изменения в вид документа. Исследовавший ход осуществления крестьянской реформы в Орловской губернии С. Г. Кащенко, при анализе уставных грамот Орловской и Северо-Западных губерний отмечал, что в отличие от документов Северо-Западных губерний, уставные грамоты Орловской для барщинных (издельных) имений и для имений оброчных были «специализированными» и несколько отличались по форме друг от друга. Так, на первом листе документа в правом верхнем углу ставилась типографическим способом помета «Для издельных» или «Для оброчных» [8, с. 62-63]. На титульном листе уставной грамоты был помещен герб и указывалось название документа, также здесь была указана губерния, уезд, название селения или имения, а также номер мирового участка. Весь документ был разделен на 5 глав.

В первой главе содержалась информация о крепостном населении деревни или имения, здесь же указывалась численность крестьян и дворовых по последней 10-ой ревизии. Примечательно, что приводилось число не только лиц мужского пола, но и количество женского населения [8, с. 63].

Глава II уставной грамоты показывает количество земли, находившейся в пользовании у крестьян до реформы и передававшейся им в пользование. Особенностью уставных грамот Орловской губернии, как отмечал

С. Г. Кащенко, является также то, что размер земли указывался с точностью до квадратного саженя. При этом приводились данные о том, сколько было земли в пользовании крестьян до обнародования Положений, с указанием усадебной земли [8, с. 65-67].

В главе III уставной грамоты были обозначены вопросы, которые по замыслу составителей, являлись основополагающими для будущего взаимоотношения между крестьянами и помещиками. Именно здесь фиксировалось, кому будут принадлежать, «находящиеся при селении» водопой, выгон, прогон, базар или торговая площадь, регламентировалась рыбная ловля [8, с. 71].

Глава IV уставной грамоты содержала в себе информацию о количестве дворов в имении, и их разряд.

Глава V регламентировала повинности. Следует отметить, что в формулярах уставных грамот для издельных и оброчных крестьян, именно в этой главе содержались сведения, имевшие определенные различия. Так, в случае если крестьяне отбывали барщину, указывалось количество рабочих дней, которые необходимо было отбыть с каждого предоставленного по грамоте душевого надела. Отмечалось также количество рабочих дней во время зимнего и летнего полугодия, которые должно было отработать крестьянское общество в целом. Если крестьяне переходили на оброк, то указывались сроки этого перехода, а также размер нового оброка с каждой «душей мужского пола», а также со всего общества в целом [8, с. 73].

В конце уставной грамоты находилось «Приложение», в котором содержались различные уточнения к главам уставной грамоты.

Структура уставной грамоты, предопределявшая содержание сведений, которые в ней должны были содержаться, выступает в качестве одного из важных элементов, с помощью которого можно определить характерные проблемы, возникавшие как при принятии этих документов, так и при реализации реформы в целом. Попытки сокрытия обязательной для уставных грамот информации (уменьшение размеров, искажение данных о качестве земли, увеличение крестьянских повинностей и т. д.) дают возможность выделить наиболее важные проблемы, возникавшие между помещиками и крестьянами в реализации ключевых направлений реформы.

Довольно важным показателем выступают также сроки составления уставных грамот. Грамота должна была быть представлена помещиком в губернский город той губернии, где находилось имение, в течение одного года со дня получения «Положений о крестьянах, находив...». Если уставная грамота не была представлена владельцем в назначенный годовой срок, мировой посредник сам был обязан составить документ. Оконча-

тельное введение уставных грамот было решено провести в течение двух лет со дня утверждения Положений о крестьянах [3].

Рассмотрим реализацию сроков введения уставных грамот на примере Орловской губернии. По сведениям Министерства внутренних дел, в Орловской губернии на 1 января 1862 г. было введено в действие 53 уставных грамоты, на 1 января 1863 г. число введенных грамот по губернии составило 2445, что охватывало 73,76% душ. На 5 марта 1863 г., то есть когда был завершен срок введения грамот, ими было охвачено 82,66% душ [15, с. 7-9].

Участвовать в составлении уставной грамоты, по усмотрению владельца имения могли и крестьяне, но допускалось их составление и без участия крестьян. Если помещик намеревался представить уставную грамоту от себя и от крестьян как добровольную сделку, основанную на добровольном согласии, то он должен был предварительно сообщить об этом на сельском сходе. Если крестьяне соглашались со всеми статьями уставной грамоты, то она подписывалась грамотными членами общества, а за неимением между ними грамотных – посторонними лицами, уполномоченными на то мирским приговором [3].

Составленная уставная грамота представлялась местному мировому посреднику с обязательным указанием на то, подписана она крестьянами или нет. Получив документ, посредник должен был начать его проверку, обратив особое внимание на уставные грамоты, которые не были подписаны крестьянами. Завершив их рассмотрение, мировой посредник должен был самостоятельно ввести их в действие [3].

Анализ постановлений Орловского губернского по крестьянским делам присутствия, описи имений, составленных мировыми посредниками, позволяет выделить ряд проблем, связанных с введением уставных грамот. Во-первых, множество их не было подписано крестьянами; во-вторых, серьезной проблемой были массовые ухищрения со стороны помещиков, стремившихся внести в грамоты выгодные для них сведения.

Неподписание и неучастие крестьян в составлении уставных грамот носило массовый характер. Согласно ведомости о числе душ в сельских обществах, на 1 января 1863 г. по Орловской губернии в 335 сельских обществах, с числом душ 45941 уставные грамоты были подписаны крестьянами; в 2110 сельских обществах Орловской губернии с числом душ 182263, уставные грамоты подписаны не были [15, с. 10].

В причинах, приведших к такому результату, а он был характерен не только для Орловской губернии, попытался разобраться редактор-издатель газеты «Мировой посредник» Е. Карпович. В специальной статье,

написанной по этому поводу, под характерным названием «О подписании уставных грамот крестьянами», он утверждал, что общая неграмотность крестьян является причиной всех бед: «Нужно подписывать уставную грамоту, толкуют теперь между крестьянами, среди которых, даже в самых просвещенных местностях, едва ли 1 из 25 найдется грамотный, а ведь есть же такие околотки, где и на 500 крестьян одного грамотного не отыщется. При этом условии трудно требовать от крестьян такого действия, которое большинством из них не может быть исполнено физически», – отмечал автор статьи [7, с. 101-103].

Уставную грамоту вместо крестьян могли подписывать их поверенные. Это обстоятельство должно было решить проблему массовой безграмотности среди крестьянства, но, к сожалению, оно порождало новые трудности. Дело в том, что поверенными выступали в основном грамотные крестьяне. В большинстве случаев они должны были оставлять свою фамилию и подпись на уставной грамоте не только за себя, а за всю общину в целом. Е. Карпович в этой связи отмечал: «Подписанию придается такая важность, а между тем лично участвуют в нем не все. – Значит, могут думать грамотные крестьяне, если выйдет что-нибудь по грамоте не так, как следует, то потянут к ответу прежде всего тех, кто подписал ее. Ты, мол, – скажут ему, – человек грамотный, – ты знал что подписывал, а ведь другие знать не моги: они тебе верили, а теперь за их веру к тебе и отвечай, как знаешь...» [7, с. 102].

Крестьянская массовая безграмотность порождала недоверие к составлению документов, порождала страх ответственности у тех грамотных крестьян, которые выступали от имени всего крестьянского общества.

Советская историография видела проблему неподписания уставных грамот совершенно в другом свете. Ведущий советский исследователь проблемы реализации реформы 19 февраля 1861 г. П. А. Зайончковский видел в этом явлении зарождение классовой борьбы в деревне. На основании этого причины отказа исследователь условно делил на две группы. К первой группе относились причины, которые вызывались конкретным поводом (неудовлетворённость полевым наделом или размером повинностей), ко второй группе относилось нежелание крестьян подписывать уставные грамоты в связи с ожиданием «новой воли». Основанием для таких выводов П. А. Зайончковского стало выборочное изучение ситуации в ряде уездов Самарской губернии, при этом он отмечал, что подобные примеры можно привести и по другим губерниям.

Следующей и самой многочисленной была проблема различных ухищрений со стороны помещиков. В первую очередь они заключались в

неправильном или заведомо неточном определении размера надела, распределении повинностей среди крестьян в пользу помещика, определении разряда усадебной оседлости и земельного надела. Неразбериху и быстро преобразований помещики явно хотели использовать для собственной выгоды в обход нового законодательства.

Вот конкретные примеры для понимания ситуации, сложившейся в Орловской губернии в 1861–1863 гг. Интересна история о введении уставной грамоты в селе Сосновка, имении коллежского асессора Николая Семеновича Салова. По данной уставной грамоте мировой посредник оставил следующие замечания: «По рассмотрению этой грамоты оказалось: дворовых людей в ней показано 84 души м. п. (*мужского пола. – Н. Б.*), а по ревизским сказкам их числится 82 души, прибавлено 2 души. В общем количестве и подразделении земли под усадебной оседлостью подчищены и переправлены цифры и не оговорены, потому можно сомневаться в справедливости их» [15, л. 3].

По рассмотрению уставной грамоты, по имени лейтенанта Александра Петровича Хрипкова, оказалось, что в счет надела прибавлена 1 ревизская душа крестьян, не объяснено, почему 8 душ дворовых людей исключены из земельного надела, не обозначены размеры земельного надела [14, л. 3].

Интересна жалоба мировому посреднику Елецкого уезда г. Ростовцу от крестьян сёл Трегубова и Пальны (Елецкий уезд), которые были имением Стаковича. Суть жалобы состояла в том, что помещик в уставной грамоте указал уменьшенное количество земли. «Мировой посредник через местное дознание удостоверил: при написании уставной грамоты на имение Стаковича определение количества земли производилось по инструментальной съемке; покосов отдельно от господских крестьяне не имели; не включена в крестьянский надел земля стариков, которой они пользовались до обнародования положения» [13, с. 230].

Ухищрения помещиков в основном были связаны с быстрым и бесповоротным введением уставных грамот в имениях. Уставная грамота, несомненно, являлась основным документом реформы, и поэтому в ней должно было быть разъяснено все положительно, так что после не могло произойти никаких недоразумений в поземельных отношениях. Грамота определяла материальную сторону: назначение земель, определение подлежащего взносу оброка, следовательно, помещики и крестьяне искали всех средств устроиться для себя более выгодно [16, с. 9].

Третьей проблемой при составлении уставных грамот стали противоречия, которые возникали в связи с действиями помещиков до проведения реформы.

Приведем примеры таких противоречий. Мценский мировой съезд 15 октября 1862 г. уведомил губернское присутствие, что мировой посредник 1-го участка предоставил уставную грамоту по сельцу Кренину, имению умершей госпожи Сухотиной, которое состояло в заведывании опекуна некого Жедринского. По уставной грамоте крестьяне, в числе 34 душ, и дворовые, в числе 5 душ, не имея надела вовсе, должны были получить наследство в низшем размере надела нечерноземной части Мценского уезда (1 десятина 400 сажен). Это обстоятельство крестьян не устроило. Вызванные на мировой съезд, они объявили, что в 1852 г. покойная помещица сняла их с полевого надела, которым они пользовались в количестве 102 десятин, и посадила на месячину, в то же время были отобраны у них лошади и пахотные орудия [12, с. 112-113].

Отчасти схожая ситуация сложилась в другом имении Мценского уезда. В Мценский мировой съезд была предоставлена уставная грамота по сельцу Каменец имения Толубеева. В грамоте оказалось, что крестьяне, в числе 6 душ и дворовые, в числе 19 душ, не имея вовсе усадебной оседлости и полевого надела, должны были получить в низшем размере надела по 1 десятине 400 сажен. Ситуация возникла из-за того, что крестьяне перед реформой состояли на месячине, а весь полевой надел находился под господской запашкой [12, с. 116-117].

В двух представленных случаях, крестьяне освобождались от крепостного права, фактически не имея ничего: ни собственной усадьбы, ни полевого надела, ни сельскохозяйственных животных и орудий. Стоит отметить, что подобные случаи из-за своей распространенности подлежали рассмотрению в Министерстве внутренних дел.

В качестве итога можно сформировать некоторые выводы. Во-первых, уставная грамота являлась важнейшим документом первого этапа проведения реформы 19 февраля 1861 г. В ней определялись основные условия жизни крестьян во временно-обязанный период. Кроме того, уставная грамота являлась довольно важным статистическим источником. Во-вторых, введение уставных грамот осуществлялось специально созданными структурами, такими, как губернские по крестьянским делам присутствия, уездные мировые съезды и мировые посредники. Сохранился значительный пласт документации, которая позволяет нам увидеть противоречия, возникшие в ходе реформы. В-третьих, в первый год проведения реформы было введено в действие значительно меньшее количество устав-

ных грамот, по сравнению со вторым годом проведения реформы. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что, в основном, грамоты составлялись не помещиками, а мировыми посредниками. В-четвертых, быстрое и форсированное, в течение 2 лет, введение уставных грамот приводило к различным проблемам, в которых сложно кого бы то ни было винить. Помещики и крестьяне пытались в первые пореформенные годы приобрести большие выгоды для будущей жизни, которая для всех, кто соприкоснулся с отменой крепостного права, была неведомы.

Список источников и литературы

1. *Блохин В.Ф.* Участие орловского дворянства в «Определении главных начал для улучшения быта помещичьих крестьян» (1858–1859 гг.). Брянск: Курсив, 2013. 160 с.
2. *Буляк Н.Н.* Реформа 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии (на материале работ отечественных исследователей) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 24–29.
3. Высочайше утвержденные Правила о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 36. №. 36660.
4. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880. М.: Наука, 1978. 287 с.
5. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. 367 с.
6. *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3–24.
7. *Карпович Е.И.* О подписании уставных грамот крестьянами // Мировой посредник. 1962 г. № 6. 26 марта. С. 101–103.
8. *Кащенко С.Г.* Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян, орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Брянск: «Издательство Курсив», 2013. 340 с.
9. *Литvak Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1961–1995. М., 1972. 422 с.
10. Манифест 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. № 36650.
11. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. № 36660.
12. Постановления орловского губернского по крестьянским делам призыва «Об имении г-жи Сухотиной» от 20 октября 1862 г. // Орловские губернские ведомости. 1863 г. № 4. 26 января.

-
13. Постановления орловского губернского по крестьянским делам присутствия «Об уставных грамотах г. Стаковича» от 28 ноября 1862 г. // Орловские губернские ведомости. 1863 г. № 8. 26 января.
14. Список помещичьих имений Трубчевского первого мирового участка // ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.
15. Федоров В.А. Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Выпуск II «Положение 19 февраля 1861 года» и русское общество. М., Издательство Московского университета, 1967. 106 с.
16. Филиппов К. Заметки мирового посредника. СПб., 1867. 24 с.

N. N. Bulyak

THE INTRODUCTION OF CHARTERS AS THE REFLECTION OF THE MAIN CONTRADICTIONS WITH THE REALIZATION OF THE REFORM OF FEBRUARY 19, 1861.

Abstract: the charter is the main document of the reform of February 19, 1861. Being primary and main historical source by studying the reform, the charters reflect main contradictions, putting together at the beginning of realization of abolition of serfdom. Meanwhile there is a question about the introduction of charters in action, revealing the complexity and antipathy of creation new social organization. Detailed study of order by realization of the reform of February 19, 1861 gives us to choose main problems in which the government came into collision with introduction of new legislation in life

Keywords: charter, the reform of February 19, 1861, abolition of serfdom, world mediators, Orel province to peasant affairs presence

Сведения об авторе:

Буляк Николай Николаевич – аспирант, кафедра отечественной истории, факультета истории и международных отношений, Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bulak1992@yandex.ru

Bulyak Nikolay Nikolaevich – a postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: bulak1992@yandex.ru

**Дело В. А. Краинского
как отражение ключевых проблем переустройства отношений
между крестьянами и помещиками
в пореформенной России
(по материалам Брянского уезда Орловской губернии)**

Д. Ф. Смагина
Брянский государственный университет

Аннотация: осуществление реформы по отмене крепостного права требовало слаженных действий со стороны властей на всех уровнях. В статье анализируется дело уездного предводителя дворян Брянского уезда В. А. Краинского, чьи попытки защиты интересов местного дворянства не нашли поддержки у губернских властей. Не сумев добиться от губернатора смены мировых посредников, Краинский был вынужден оставить должность.

Ключевые слова: уездный предводитель дворянства, мировые посредники, дворянская опека, Брянский уезд.

«Великие реформы» Александра II положили начало новой эпохи в жизни общества Имперской России. Однако, как показала практика, изменения, связанные с крестьянской реформой 1861 г., а в дальнейшем и земской реформой 1864 г., не только не решили многих насущных проблем тогдашней действительности, но и ещё больше обозначили существовавшие противоречия – в том числе и в среде властных структур на местах.

В условиях, когда сложившийся порядок претерпевал изменения, с появлением новых законодательных актов и должностей, местной администрации требовалось уметь находить консенсус во всё чаще возникавших спорах между представителями дворянства и освобождёнными крестьянами. При этом представители местных властей зачастую сами не могли прийти к общему решению, что находило выражение как в подковёрных интригах, так и в открытых конфликтах. Типичным примером такой борьбы за верховенство может служить дело о предании суду предводителя брянского уездного дворянства В. А. Краинского.

Из материалов архивного дела видно следующее: 8 декабря 1862 г. Орловским губернским правлением был подан рапорт в Правительствующий Сенат. В рапорте говорилось, что в ходе проведённой в октябре того же года ревизии в Брянской дворянской опеке были обнаружены многочисленные нарушения, требовавшие вмешательства вышестоящих вла-

стей. Подобные рапорты не были уникальным явлением, поскольку Сенатом (по Первому департаменту) разрешались споры между администрацией и органами самоуправления [7, с. 279]; также Сенат имел право требовать объяснений от министров, министерств и губернских начальств, и отменять незаконные распоряжения этих органов [там же].

По словам подателя рапорта, уездный предводитель дворянства В. А. Краинский, занимавший также пост председателя дворянской опеки, позволял себе продолжительные отлучки без уважительной на то причины, и, судя по справке, полученной из указанной опеки, с момента своего назначения на должность (в мае 1860 г.) присутствовал на ее заседаниях всего лишь пять раз. Также в рапорте утверждалось, что кроме одного случая передачи полномочий по болезни, Краинский ни разу с момента назначения не обращался к уездному суду, чтобы назначить исполняющего должность уездного предводителя и председателя опеки на время своего отсутствия [6, л. 1-3].

После выздоровления заявления о возвращении к выполнению своих обязанностей также не последовало и на заседаниях опеки В. А. Краинский по-прежнему не присутствовал. Несмотря на это, он позволил себе обратиться к полиции для расследования по жалобе опекунов, недовольных результатами работы срочнообязанных крестьян, хотя подобные дела подлежали разбирательству мировых учреждений. Поскольку В. А. Краинский инициировал это разбирательство в то время, когда официально передал должность предводителя уездному судье, Орловское губернское правление находило виновными и остальных членов Брянской дворянской опеки, которые беспрекословно принимали «эти незаконные распоряжения к исполнению» [6, л. 2].

Претензии губернских властей вызывала деятельность Брянской опеки и в целом. Автор рапорта с негодованием отмечал, что В. А. Краинский «совершенно не занимаясь делами опеки, предоставил ведение их на произвол письмоводителя Мартынова» [там же], в то время как остальные члены также пренебрегали служебными обязанностями «и с ними вовсе не знакомы» [6, л. 2 об.]. Из такого невнимания к делам следовала огромная недостача опекунских отчетов (из 429, которые следовало направить в опеку, опекунами было предоставлено лишь 209 отчетов, на ревизию же был отправлен только 171), а из числа всех подлежащих опеке имений в десяти вообще не был назначен опекун (к одному из них, имению Жаковского – ещё с 1856 года). Также, опеке вменялась в вину слишком большая сумма недоимок, которая с 1840 г. уменьшилась лишь на 2936 руб. и всё ещё составляла значительную сумму в более чем 13 тыс. руб.

Податель рапорта повсюду находил «доказательства особенного равнодушия членов опеки к участии имений, подпавших управлению последней» [6, л. 3]. Учитывая, что целью создания дворянских опек как раз и было не допустить разорения поместий, подобная деятельность или, точнее, бездеятельность, шедшая вразрез с интересами государства, не могла не вызвать недовольства вышестоящих властей.

Примером бесполезности Брянской дворянской опеки, «бесплодно тратящей время и бумагу», а также понапрасну усложнявшей жизнь местной полиции, стало и дело о сдаче в опеку имения фон Лизандер, которое, несмотря на распоряжение Сената, предписаний губернского правления и земского суда не было передано опекуну. Связано это было с тем, что один из членов опеки, Надеин, не являлся на процедуру описи имущества, а согласно законодательству, без присутствия представителя опекунских органов опись производиться не могла. Ставший пристав, неоднократно приезжавший в имение для проведения описи, лишь напрасно тратил свое время, «которое он с пользою мог употребить на другое занятие» [там же].

Другой член дворянской опеки, Правиков, вовсе обвинялся в расхищении подведомственных имений, самовольно продавая имущество и постройки, а вырученную прибыль, кладя в собственный карман. При этом он даже не отрицал свою вину и сознался, что деньги, вырученные от продажи конопли в одном из имений, употребил на собственные нужды [6, л. 3 об.].

Для расследования этих злоупотреблений тогдашний глава Орловской губернии направил в Брянск чиновника для особых поручений, некоего Казакевича. Одновременно с этим губернатор отправил письмо в губернское правление с предложением подвергнуть членов Брянской дворянской опеки взысканию, а распоряжение по делу, связанному с крестьянскими работами признать незаконным и начать собственное дознание. Также орловский губернатор предлагал немедленно назначить опекунов к бесхозным имениям, обязав их погасить лежавшую на имениях недоимку к 1 января следующего года (последний призыв выглядит странно, учитывая, как мало времени оставалось до начала нового года). Он считал, что казенные недоимки на имениях были допущены «по нерадению членов опеки и уклончивости назначенных опекунов» [6, л. 4].

Губернатор был убежден, что члены опеки не только не устранили существовавшие с давнего времени беспорядки, но и ещё больше усугубляли ситуацию своим «нерадением и равнодушием» [6, л. 5], обвиняя их, таким образом, в крайне медленной и несвоевременной сдаче имений опекунам, оставлении опекунов без должного наблюдения,

наконец, в том, что даже не все имевшиеся опекунские отчеты были направлены на ревизию.

Из рапорта Сенату следует, что Орловское губернскоеправление также находило дворянскую опеку виновной в том, что даже в случае явного злоупотребления полномочиями её членов (прежде всего, вышеупомянутого Правикова), она ничего не предпринимает для его наказания. По делу о срочнообязанных крестьянах как председателю брянской дворянской опеки Краинскому, так и другим членам опеки: Правикову, Надеину и судье Васильеву, вменялось превышение пределов власти. Помимо того, что само такое обращение к полиции, основанное только на словесном заявлении опекунов, было не в их компетенции, Краинский на тот момент вообще не имел права отдавать распоряжения, так как на период болезни передал свои полномочия другому лицу.

По мнению подателя рапорта, это только убеждало в том, что «члены опеки подписывают бумаги и распоряжения опеки без всякого контроля, что может произойти или от того, что они не понимают дел, ведение которых они на себя добровольно приняли, или вовсе ими не занимаются» [6, л. 6]. В итоге, обращаясь к Сенату, Орловское губернскоеправление требовало предать суду уголовной палаты Брянскую дворянскую опеку, поскольку дела чинов административных ведомств и предводителей дворянства рассматривались именно им, равно как и отмена распоряжений и постановлений местных учреждений [7, с. 280].

Дальнейшее развитие событий показало, что члены дворянской опеки Надеин, Правиков и Васильев были подвергнуты судебному разбирательству за злоупотребления в Орловской уголовной палате. Что касается председателя опеки, орловскому губернскому исправнику было предписано истребовать с Краинского объяснения по предъявленным обвинениям, после чего направить их в Сенат. Однако тот заявил, что свои объяснения по возникшему делу он 19 февраля 1863 г. направил напрямую в Правительствующий Сенат.

На слушании Сената в марте 1863 г. послание Краинского было отклонено, поскольку председатели дворянства могли обращаться в этот орган лишь с прошениями, а потому объяснение было отослано обратно, с требованием к губернским властям продолжить разбирательство. Однако В. А. Краинский не сдавался. Он направил в Сенат новое послание, где просил защиты от «произвола местной административной власти» [6, л. 22] обвиняя орловского губернатора, генерал-майора Ефима Левашова, в преследовании ввиду «личной неприязни».

В. А. Краинский, выступая от лица всего уездного дворянства, неоднократно выражал недовольство действиями мировых посредников, назначенных Левашовым, которые, по его словам, способствовали разорению дворянских семей и преследовали цель «страхом заглушить страдальческий вопль брянских дворян» [6, л. 22 об.]. По версии брянского предводителя дворянства следовало, что назначенные орловским губернатором мировые посредники в спорах крестьян и помещиков явно склонялись в пользу крестьянства, либо вовсе оставляя без внимания помещичьи жалобы на плохое выполнение работ, либо принимая их «велеречиво, с явным пренебрежением и насмешками» [6, л. 23]. Кроме того, конфиденциальное письмо Краинского Левашову, с просьбой под благовидным предлогом отстранить от должности «ущемлявших дворянство мировых посредников», а на их место назначить людей, которые будут больше заботиться об интересах обоих сторон, было доведено до сведения губернского правления.

Здесь стоит сделать небольшое отступление. Как считает А. В. Новикова, столкновение интересов крестьянства и дворянства было заложено в самой основе проведенной реформы, существовало непрерывно, а в центре событий всегда находился мировой посредник [5, с. 130]. Так, в частности, она пишет, что в 1863 г. в одном из номеров журнала-газеты «Вестник мировых учреждений», созданном для повышения эффективности института посредников, особое внимание было уделено событиям в Брянском уезде, связанным как раз с письмом от Краинского [там же, с. 131]. По мнению исследователя, это было связано с типичностью проблем, поднятых в послании.

Для устраниния неугодного мирового посредника зачастую требовалось приложить немалые совместные усилия, поэтому письмо содержало коллективную жалобу брянских помещиков на действия мировых посредников уезда. В послании Краинского описано как бедственное положение местного дворянства, так и обнищание крестьян, которым даже в урожайный год пришлось прибегнуть к займам хлеба [там же].

А. В. Новикова замечает, что отношение помещиков к мировым посредникам было негативным почти повсеместно, поскольку считалось, будто они умышленно действуют вопреки интересам дворянства. В. А. Краинский был убежден в том, что пренебрежительное отношение мировых посредников к местным помещикам не могло не сказаться на престиже последних, а «благоразумным выходом» из подобной ситуации было освобождение этих чиновников от должности под любым благовидным предлогом и назначение более подходящих людей. Кроме того, предводитель брянского дворянства высказывал опасение

по поводу того, что враждя сегодня против дворян, завтра посредники могут отвернуться и от крестьянства [там же].

Однако мировые посредники Брянского уезда все выдвинутые в их адрес обвинения отрицали, выражая недоумение действиями предводителя дворянства: мол, если требования логичны, правильны и законны – зачем писать тайное послание? [5, с. 132]. В соответствии со справкой губернского присутствия, куда поступали жалобы на мировых посредников, всего от брянских помещиков таких прощений поступило менее десяти, и все они оказались не заслуживающими удовлетворения. Генерал-майор Левашов направил Краинскому ответное письмо, отмечая, что посредники могут быть удалены с должности только решением Правительствующего Сената, а потому требование брянского дворянства является незаконным (стоит заметить, что мировой посредник Брянского уезда Н. Т. Головин в итоге все же был отстранен от должности, но только в 1870 г.) [там же].

В новом послании Сенату В. А. Краинский отмечал, что, по его мнению, губернатор боялся, как бы при расследовании причин разорения брянских имений не вскрылась причастность к этому мировых посредников (ведь губернаторы несли личную ответственность за выбор их кандидатур) [5, с. 131]. Так, задолженности в Брянском уезде, по словам Краинского, были напрямую связаны с действиями крестьян. Одно из имений (имение Правиковых) имело долги из-за «непослушания дворовых людей» [6, л. 24 об.], в другом – из-за плохого выполнения работ крестьянами. Даже в урожайный год был собран чрезвычайно невысокий урожай [там же].

Дворянской опеке было приказано направить дело по имению Правиковых в земской суд и к мировому посреднику, однако губернатор Левашов решил «прибегнуть к давно известному выражению всякой личной вражды губернатора против предводителя – ревизии опеки» [там же], при этом якобы удачно подгадав время, когда Краинский не мог присутствовать на ревизии ввиду болезни.

Более того, предводитель брянского дворянства считал, что Левашов намеренно требовал отменить распоряжения опеки, а своего чиновника Казакевича и вовсе направил не для получения дополнительной информации, а чтобы замести следы. Он отмечал, что рапорт Орловского губернского правления «обходит всю важность дела и останавливается на канцелярских придирках, неловких и натянутых» [6, л. 25 об.], а заявления о якобы длительном беспричинном отсутствии являются «набором слов», ведь Краинский совмещал должность предводителя дворянства и председателя дворянской опеки с должностью посредника по делам полюбовного специального межевания [6, л. 4 об.]. Данная должность существовала в

Российской империи ещё с 1839 г. и была призвана способствовать улаживанию многочисленных земельных споров помещиков [1].

Будучи, по стечению обстоятельств, единственным на тот момент посредником по межеванию, Краинский вынужден был проводить время в постоянных разъездах и трудился, по его словам, «на глазах всех до полного истощения сил, здоровья и состояния» [6, л. 26 об.]. Возможно, это утверждение не было лишено оснований, ведь уездный предводитель, как и служащие его канцелярии, хоть и состояли на государственной службе, за свою работу жалованья не получали [8, с. 8]).

Отчасти это подтверждается Документы Брянской дворянской опеки также подтверждают постоянные разъезды В. А. Краинского. Так, в отчетности за 1861 г. можно найти неоднократные упоминания о том, что «предводитель дворянства не присутствовал, за отсутствием в уезде по делам службы» [3]. По мнению В. А. Краинского, в его действиях не было ничего незаконного, ведь остальные три члена опеки вполне имели право проводить заседания и заниматься опекунскими делами в его отсутствие. В поддержку этого можно привести мнение некоторых современных исследователей, считающих, что там, где участие предводителя носило представительский характер, оно часто становилось формальным и сводилось к росписи в журналах [4].

В. А. Краинский также заметил, что когда был вынужден оставить службу в декабре 1862 г., местные дворяне «благодарили (его) словесно и письменно» [6, л. 26 об.] за участие в их дела. Наконец, завершая свое прошение, предводитель брянского дворянства требовал наложения взыскания на Орловское губернское правление и лично на генерал-майора Левашова, за искажение фактов и нанесенное ему «тяжкое оскорбление».

Трудно судить об истинном положении дел в этой ситуации. В. А. Краинский, защищаясь от выдвинутых обвинений, сам перешел в активное наступление, направив свое объяснение напрямую в Сенат, используя в своих посланиях «цветистый слог» и крайне эмоциональный тон. Однако все это делалось для того, чтобы оправдать себя перед вышестоящими властями, смягчить возможное наказание или же с целью восстановить справедливость, снять незаслуженные обвинения? Могли быть задействованы и другие мотивы, т. к. для значительной части дворянства уездный предводитель уже ассоциировался с дореформенной эпохой, теряя свое прежнее исключительное положение [8]. Стремясь защищать интересы выбравшего его дворянства, В. А. Краинский выступал против мировых посредников, исполнявших предписания губернской власти. По-видимому, большая часть обвинений в адрес Брянской дворянской опеки имели под собой ос-

нования, но все же, были среди них и те, которые в действительности выдвигалась орловским губернатором с целью защиты мировых посредников, за действия которых он отвечал лично, от активного противодействия со стороны местного дворянства.

Таким образом, возникшее дело о недобросовестном исполнении служебных обязанностей в отношении дворянской опеки является отражением глубоких противоречий, разрушавших дореформенное единство дворянских органов самоуправления. Дворянство в сложившейся новой ситуации стремилось максимально защитить свои интересы, не желая идти на компромисс, отказываясь мириться с несправедливыми на их взгляд решениями [5]. В центре этого конфликта оказывались мировые посредники и губернская власть, вынужденная следовать правительльному курсу.

На смену робким пожеланиям, высказанным в заключительных фразах постановления Орловского дворянского комитета: «Это постановление Орловский Комитет позволяет себе смелость принять за несомненное свидетельство бескорыстности своих стремлений в деле осуществления благотворнейших желаний Государя Императора и вместе с тем Комитет позволяет себе надеяться, что участие его в столь важном деле будет, при помощи Божьей, совершенно с желаемым для всех успехом» [1, с. 140], приходят оппозиционные настроения в среде поместного дворянства. Отдельных его представители (в том числе и В. А. Краинский) [2, с. 47] в конечном итоге пришли к мысли о необходимости создания в России дворянской политической партии, призванной отстаивать их сословные интересы.

Список источников и литературы

1. *Блохин В.Ф.* Участие орловского дворянства в «определении главных начал для улучшения быта помещичьих крестьян» (1855–1859 гг.). Брянск: «Курсив», 2013. 160 с.
2. *Блохин В.Ф.* Уездные дворянские собрания на начальном этапе подготовки отмены крепостного права в России (на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 42-49.
3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 10. Оп. 2 Д. 367.
4. *Гарбуз Г.В.* Уездный предводитель дворянства в системе местного государственного управления в начале XX века. // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 3 (19).
5. *Новикова А.В.* Мировые посредники и поместное дворянство: особенности взаимоотношений (на материалах Орловской губернии) // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (66). С. 130-133.

6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 108. Д. 296.

7. Сазанкова О.В. Функции Правительствующего Сената Российской империи как высшего судебного органа // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-pravitelstvuyschego-senata-rossiyskoy-imperii-kak-vysshego-sudebnogo-organa> (дата обращения: 5.11.2018).

8. Шаповалов В.А. Председатель земской управы и предводитель дворянства: административный паритет, или борьба за лидерство в уездной жизни пореформенной России (60–90-е гг. XIX в.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. № 7 (102). Выпуск 18. С. 123-133.

Abstract: Abolition of serfdom required concerted action by the authorities at all levels. The article analyzes the case of the district leader of the nobility of the Bryansk district V. A. Krinsky, who attempted to protect the interests of the local nobility, but hasn't been supported by the provincial authorities. Unable to achieve a change of conciliators from the governor, Krinsky was forced to leave his duty.

Keywords: nobility, local administration, conciliators, noble guardianship, Bryansk district.

Сведения об авторе

Д. Ф. Смагина, магистрант, кафедра отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета, s.khk@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЦЕНЗУРНЫХ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЙ В НАЧАЛЕ 1880 г.

В. А. Ромащенко

Московский государственный университет

Аннотация: среди мероприятий, которые были направлены на восстановление порядка в стране, наряду с репрессивными мерами, присутствовал ряд уступок обществу, направленных на смягчение обострившихся противоречий. В их числе были и те, которые касались цензурных ограничений. В статье идет речь о том, что 1880 г. с точки зрения раздачи предостережений в значительной мере отличался как от предшествующего, так и последующих годов. В это время было выдано лишь пять таких видов административных наказаний столичным изданиям.

Ключевые слова: цензура, периодическая печать, Главное управление по делам печати, цензурная политика, политический кризис.

Перемены, начавшиеся в стране, вызванные политическим кризисом конца 1870-х гг. должны были неминуемо затронуть цензурный режим, существовавший в России. Пока же до начала апреля 1880 г. на посту начальника Главного управления по делам печати оставался В. В. Григорьев, до августа этого же года должность министра внутренних дел сохранял за собой Л. С. Маков.

В центре внимания властей по-прежнему находилась столичная печать, но и провинциальную прессу коснулись изменения, вызванные русско-турецкой войной. Если до этих событий большая часть изданий помещали на своих страницах различного рода «любопытные материалы», то теперь их «информационное пространство значительно расширилось». «Здесь находили место различного рода публикации, связанные с повседневностью как страны в целом, так и конкретного региона, причем определенный подъем и упадок этого рода изданий были теснейшим образом связаны с конкретной политической ситуацией в стране в целом» [1, с. 26]. В городах, где не было цензурных учреждений, надзор за периодической печатью возлагался на чиновников губернской администрации, а по указу от 30 сентября 1881 г. – на вице-губернаторов: «Цензирование частных периодических изданий в губернских городах, в которых нет цензурных учреждений, возложить, без производства особого вознаграждения, на Вице-

Губернаторов или на исправляющих эту должность, когда Вице-Губернаторы вступают в управление губернией» [2, с. 33].

Однако нас в рамках данной статьи все же в большей степени интересует судьба центральных изданий. Главное управление по делам печати, прежде всего, до логического завершения довело историю с журналом «Слово». После обвинений со стороны III Отделения в сочувствии террористическим актам и неудачной попыткой еще в декабре 1879 г. вынести изданию третье предостережение, было очевидно, что участь его решится в ближайшем номере. Так и произошло: целый ряд статей январского «Слова» были обвинены в «предосудительном» содержании: рассказ Максима Белинского (Иеронима Иеронимовича Ясинского) «На чистоту», стихотворения Мартова (Владимира Петровича Михайлова) «Мимо», статья Андрэ Лео «Государственное устройство Италии» и рассказы молодых французских писателей, имевшие политическую направленность, за подпись Quidam (Некто) «Слесарь Гамэн» и Леона Кладеля. «Генеральша с деревянной ногой».

Среди журналов этого периода, помимо «Слова», особым вниманием цензуры пользовались «Отечественные записки», но, вероятно, только авторитет М. Е. Салтыкова-Щедрина охранял издание от серьезных взысканий. Зато журнал претерпевал практическое действие предварительной цензуры.

«Разгромом» назвал редактор действия цензора в отношении февральского номера 1880 г. «Отечественные записки» вышли в свет без рассказа А. О. Осиповича-Новодворского «Карьера (Записки молодого человека)», без басни А. Л. Боровиковского «Воробей», были исключены две страницы из статьи Н. Ф. Анненского «Финансовые итоги последних лет», из-за чего текст пришлось пускать с разрядкой, было вырезано также «Внутреннее обозрение». Наконец, рассказ самого М. Е. Салтыкова-Щедрина под названием «Вечерок» по требованию цензуры был исключен из этого номера журнала. В следующем номере редактор сам отвел две статьи А. Н. Энгельгардта из-за опасения ареста книжки [3, с. 109].

Следующими изданиями, которые получили 14 марта 1880 г. предостережения, были «Русская правда», в этот же день наказание последовало и ежедневной газете, выходившей в Москве с 26 июня 1879 г. под названием «Русский курьер». На тот момент она принадлежала Екатерине Матвеевне Селезневой, а редактором являлся ее муж – Владимир Николаевич Селезнев.

Основанием стала передовая статья, в № 66 посвященная торжественному дню 19 февраля 1880 г., точнее, как сказано в газете «кабинетному» письму германского императора, адресованному Александру II, который в этот день праздновал юбилей его вступления на российский престол.

«Русский курьер» свое особое внимание к этому документу объяснял тем, что «в теперешнюю во всех отношениях тревожную эпоху, Россия, помня уроки истории, должна зорко следить за отношениями к ней иностранных государств и преимущественно ближайших соседей» [4]. Однако следует отметить, что изначально, принимаясь за подготовку к публикации, автор должен был учесть ряд ограничений, которые в своих временных распоряжениях определило Главное управление по делам печати для обсуждения затрагиваемых в передовой статье проблем.

Примечательно, что некоторые из них появились буквально накануне: в начале января. Согласно устному указанию председателя цензурного комитета, в статьях, посвященных предстоящему 25-летию царствования Александра II запрещались всякие сравнения с предшествующими правлениями [5, с. 66], в распоряжении от 18 января 1880 г. за № 255 не рекомендовалось распространяться о текущей политике Германии и Австро-Венгрии [6, с. 22], а 13 февраля 1880 г., уже при М. Т. Лорис-Меликове в качестве главы Верховной распорядительной комиссии было напомнено издателям, что «помещение каких бы то ни было раздражающих и вызывающих статей против германского правительства было запретным» [7, ед. хр. 478, л. 6].

Помимо этих «свежих» запретов были и продолжавшие действовать прошлогодние: 9 ноября было запрещено допускать «враждебный тон» в статьях о Германии и Австрии [7, ед. хр. 398, л. 16]. Более того, продолжало действовать устойчивое правило, которым руководствовалось Главное управление по делам печати при оценке освещения в прессе внешнеполитических проблем. Оно касалось жестких ограничений относительно несвоевременных разоблачений действий как российского Министерства иностранных дел, так и аналогичных ведомств зарубежных государств в ситуациях, когда отношения России с той или иной страной или группой стран обретали особую актуальность.

Между тем газета, вероятно, полагаясь на то, что ее статья несет в себе патриотический настрой, а поэтому не должна вызвать неудовольствие цензурного ведомства, заявляла, что юбилей явился удачным поводом для Германии засвидетельствовать свое дружественное отношение, тем более, что «русские патриоты», судя по ее поведению на Берлинском конгрессе, по действиям, к которым она «сочла нужным прибегнуть» и по настроениям германской прессы, сомневаются в этой дружбе [4]. Германский император Вильгельм подчеркивал, что эта дружба «доказана была на деле», но газета выразила сомнение в этом, приводя факты из истории взаимоотношений двух государств [4].

Автор статьи подчеркивал, что лавры, пожатые прусскими войсками под Седаном, являются результатом не только мужества прусских войск и даровитости прусских стратегов, но и могущественной дружбы России, «которая не вынимая меча, смогла парализовать в те времена» всякое вмешательство соседей в пользу «несчастной Франции» [4].

«Русский курьер» также обвинял Пруссию в двусмысленном нейтралитете в эпоху Крымской войны, упоминал польское Восстание 1863 г., когда она не присоединилась к коллективному заступничеству европейских держав. Однако и в этой ситуации газета усматривала в первую очередь соблюдение прусских интересов, сводившихся к «сохранению *status quo* на восточной границе», а также благоприятных отношений с Россией. В итоге, «Пруссия достигла того и другого» [4].

В год Франкфуртского мира, даровавшего Германии единство, совместно с другими державами она подписала 13 марта 1871 г. трактат, предоставившей России и Турции свободное увеличение их морских сил на Черном море, но и тогда Германия не могла поступить в отношении к России менее дружественно, чем сама Турция и ее покровители – Англия и Австрия. «Какими же положительными действиями в отношении к нам выказывалась дружба Германии <...> за последнее десятилетие?» – задавалась вопросом газета [4]. Ответить на него она обещала в следующей статье, но уже за этот опубликованный материал ей было выдано первое предостережение.

«Прощальное» предостережение было выдано В. В. Григорьевым на его последнем заседании Совета Главного управления по делам печати 27 марта 1880 г. в должности начальника цензурного ведомства газете «Молва». В 1879 г. «Биржевые ведомости» публициста Василия Аполлоновича Полетики, по профессии горного инженера, который свыше 25 лет являлся управляющим рудниками Алтайского округа, крупным владельцем предприятий в Петербурге, были переименованы в «Молву», с тем, чтобы сделать издание более универсальным, не ограниченным биржевыми новостями. Следует отметить, что в том же 1880 г. с 1 ноября снова стали выходить «Биржевые ведомости», но теперь это была уже другая газета, не имевшая отношения к «Молве».

Первое предостережение газета получила за статьи, помещенные в № 82 под рубриками «За неделю» и «Мимоходом». В недельном обзоре издания говорилось о тяжелом положении общества, находящегося в неведении из-за обрывочных сведений об угрозах со стороны таинственных революционных сил. Автор публикации отмечал при этом определенную тенденцию, становившуюся все более очевидной: «...не менее десяти лет явная и тайная полиция ловит этих невидимых разрушителей, но странная вещь – чем настойчивее эта ловля, чем строже кары, чем исключительнее меры, тем более усили-

вается таинственный враг, тем дороже его действия. Русское общество чувствует всем своим существом, что эта страшная, но происходящая как-то в стороне от него борьба обходится дорого всему строю русской жизни. Ради нее нарушается обычная законность, приостанавливаются обычные условия общежития; во имя нее создается своего рода осадное положение, ограничивающееся область действия суда и расширяется до небывалых, чрезвычайных пределов административная власть...» [8]

Публицист «Молвы» также затронул в своей публикации проблему нездорового морально-общественного климата, насаждаемого в этих экстремальных условиях: «Доносы, ложь, <...> лицемерные фразы, заподозривания каждого шага и каждого слова – вот та нравственная сфера, в которой мы прозябаем в последнее время [8].

«Молва» также укоряла официальные власти в неразборчивости средств, в том, что они пытаются пренебречь законностью, обычной нравственностью для достижения главной цели – «искоренению врагов». Газета упрекала также М. Н. Каткова, его «Московские ведомости» в том, что они бросают в лицо русскому обществу, интеллигенции, периодической печати тяжкие обвинения в потворстве "подпольной смуте". Газета отмечала, что во время встречи предводителей дворянства Тверской губернии с графом М. Т. Лорис-Меликовым, глава Верховной распорядительной комиссии заверил тверское дворянство в своей решимости выполнить установленную программу, действуя в союзе с обществом. «Молва» подчеркивала, что в сложившихся обстоятельствах эти слова способны внести успокоение, они резко противоречат тому недоверию, которое проповедуют «Московские ведомости», возбуждая общественное спокойствие, в том числе и обвинениями Верховной распорядительной комиссии в бездействии.

Сюжет о Каткове и «Московских ведомостях» был связан не просто с неприятием изданий друг друга. Создание Верховной распорядительной комиссии М. Н. Катков и его единомышленники восприняли как собственную победу, поскольку неоднократно высказывались о необходимости установления диктаторы для борьбы с крамолой. Историк В. А. Твардовская в своей работе, посвященной М. Н. Каткову, привела выдержки из писем Е. М. Феоктистова, Б. М. Маркевича, А. А. Киреева, А. И. Георгиевского, обращенных к редактору «Московских ведомостей», в которых они были единогласны в том, что именно благодаря ему Александр II пошел на решительные меры: «возвзвание Ваше к "Диктатуре", встреченное со скрежетом зубов нашими фельетонистами, по-видимому, совпало с решением, принятым государем» [9, с. 241]. Не только единомышленники, но и политические оппонен-

ты связывали современное им состояние общества с деятельностью М. Н. Каткова и его окружения.

Поводом для другого сюжета недельного обзора явился приказ петербургского градоначальника, направленный на упорядочение делопроизводства. Озабоченность вызывало увеличение нагрузки канцелярии за счет расширения переписки, мешавшей полиции заниматься «живым делом», подменяемым бесцельной, бессодержательной чисто технической работой.

Автор публикации в «Молве» отмечал, что «централизация составляет неизбежное последствие бюрократизма», что множество инстанций создано для того, чтобы подчинить «каждый шаг общества и частных лиц опеке, надзору и предварительному разрешению» [8], поэтому желание градоначальника избавиться от канцелярской рутины неисполнимо. Административный контроль, опека и надзор высших структур над средними, средних над низшими является единственным способом ограничения злоупотреблений.

Вместе с тем, забота о таком контроле порождает систему, тормозящую решение текущих дел. В результате, «низшие агенты смелее в отказах, но, естественно же, осмотрительнее в разрешениях. Отказ может вызвать только жалобу, новую просьбу в высшую инстанцию; разрешением же можно чаще не угодить начальству и лишиться его доверия» [8].

Единственный способ уменьшения вредного канцеляризма автор публикации видел в «законе и законности»: «Там, где деятельность общества и частных лиц ограничена законом, там обязанности администрации ясны и немногосложны. Она исходит только из принципа: всё то дозволено, что не запрещено законом. Бюрократизм же руководствуется иным принципом: здесь ничего не дозволено без особого разрешения» [8].

Другая статья, вызвавшая недовольство цензуры, была напечатана под рубрикой «Мимоходом. (Наброски, штрихи, заметки и пр.). «Мимоходом» в статье затрагивалось несколько проблем, которые представлялись газетой как одни из самых актуальных.

Первая включала в себя обзор ряда уголовных процессов, проходивших в Петербурге, Одессе и Варшаве. Все обвиняемые на них – молодые люди, офицеры, двое из них имели отличия за военные подвиги, все трое были на хорошем счету у начальства и все отличились, совершив жестокие убийства. Автор публикации утверждал, что одна из причин, влиявшая на рост преступности, была прошедшая война. «Резать и резаться, истязать и истязаться, вешать и вешаться, стрелять и стреляться, не дорожить своей жизнью и прекращать чужую – становится каким-то легким, обыденным делом» [11], – констатировал публицист «Молвы».

Продолжая тему преступности, газета отмечала, что за последние десять лет в уголовных процессах на скамье подсудимых побывали представители всех сословий: «Помещик или купец до полусмерти засекает жену и сажает ее на цепь; офицер нравственными, систематически рассчитанными и размеренными истязаниями доводит жену до самоубийства; крестьянин убивает жену топором или топит ее в колодце; крестьянка убивают мужа поленом или обваривает его сонного кипятком» [11]. Газета отмечает, что преступления в полной мере затронули институт семьи. Дети, «вырываясь из-под кулака, кнута и палки», сами становились преступниками. В тюрьмах находились 8–10-летние воры, на каторге – 15–17-летние убийцы-грабители, поджигатели и т. п. «Семейная и общественная русская жизнь отразилась в уголовном процессе, как в зеркале, со всеми ее скрытыми и замаскованными заплатами, швами и складками» [11].

«Молва» пыталась доказать, что именно печать должна хранить общественные идеалы как руководство для толпы, как залог для спокойствия и счастья в настоящем и будущем. «Горе народу и обществу, у которого печать стоит не на этой гражданско-государственной дороге» [11]. Продолжая эту мысль, публицист газеты обвинял те средства информации, в которых место общественных идеалов занимает «неусыпающий шовинизм», «скабрезную, циничную, скандальную» литературу, которая, по мнению автора, оказывала прямое «подстрекающее на преступления влияние» [11]. На выдаче предостережения «Молве» закончилась целая эпоха руководства Главным управлением по делам печати В. В. Григорьева.

Очевидные изменения в цензурной практике породили надежду если не на отмену, то, по крайней мере, на существенное сокращение использования системы административных взысканий. Вместе с тем, по словам начальника Главного управления по делам печати Н. С. Абазы: «Год этой деятельности доказал, что переход от системы административных кар к дарованию большей свободы печатному слову, не успел улучшить положение нашей печати, далеко еще не установившийся, он ознаменовался другим, весьма существенным результатом – русское общество не удовлетворяется более общими местами и устоями, проводимыми в печати, оно отвратилось от печати бессодержательной, вредной по-своему отрицательному направлению, перед которой прежде преклонялось, в нем проявляется потребность в печати разумной, патриотической, преданной интересам государства, способной знакомить страну ее действительными нуждами и облегчать заботы правительства о справедливом удовлетворении их. Разительное падение подписки на такие газеты и журналы, как «Молва», «Русский курьер», «Слово» и др. служит тому доказательством» [12].

Список источников и литературы

1. Блохин В.Ф. «Губернские ведомости» как зеркало Российской провинции (XIX – начало XX в.) // Вестник РГГУ. Серия: «Исторические науки. История России». 2009. № 17. С. 20-32.
2. Блохин В.Ф., Алферова И.В. Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32-48.
3. Теплинский М. В. «Отечественные записки» (1868 – 1884). История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изда-тельство, 1966. 399 с.
4. Русский курьер. 1880. № 66. 9 марта.
5. Самодержавие и печать в России / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: типо-графия А. Э. Венике, 1906. 80 с.
6. Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по де-лам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб.: 1900.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 6.
8. За неделю // Молва. 1880. № 82. 23 марта.
9. Твардовская В. А. Идеолог самодержавия в период кризиса «верхов» на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 217-266.
10. За неделю // Молва. 1880. № 82. 23 марта.
11. Мимоходом. (Наброски, штрихи, заметки и пр.) // Молва. 1880. № 82. 23 марта.
12. Письмо Н. С. Абазы – М. Т. Лорис-Меликову // РГИА. Ф. 776. Оп. 1.

V. A. Romashchenko

Annotation: Russian-Turkish war and the crisis in 1879 which come after it has laid the contours of a new relationship between the Russian government and the press. The article discusses the features of these relationships which has combined the traditional administrative interference with the financial means of pressure depending on the degree of impact of the press on public opinion.

Keywords: censorship, periodicals, the Main Committee for the Press Af-fairs, censorship policy, political crisis.

Ромашенко Валерия Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, Лаборатория общественно-политического раз-вития стран ближнего зарубежья, var_rus@mail.ru

Romashchenko Valeriya Aleksandrovna, Lomonosov Moscow State Uni-versity, var_rus@mail.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОВАЛА СОГЛАШЕНИЯ В БЬЕРКЕ В МЕМУАРАХ М. А. ТАУБЕ

А. В. Плещеева

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в исторической науке Бьеркское соглашение оценивается как малозначительный документ, который сыграл несущественную роль в истории международных отношений, но именно его провал можно рассматривать как один из важных этапов в формировании военно-политических блоков, участвовавших в Первой мировой войне. Доктор международного права М. А. Таубе в мемуарах дает свою оценку последствиям этого документа. В отличие от противников Бьеркского соглашения он не видел в нем угрозы для русско-французского союза. Кроме того, М. А. Таубе считал, что подписание договора российским императором без присутствия министра иностранных дел было юридически обоснованно нормами российского права.

Ключевые слова: мемуары, внешняя политика Российской империи, М. А. Таубе, российская дипломатия, Бьеркский договор, международное право, российско-германские отношения, Первая мировая война.

События 1904–1907 гг. в создании военно-политических блоков играют ключевую роль. Они стали «драматичным этапом в определении того, кто с кем будем воевать спустя несколько лет» [10, с. 61]. Анализируя Первую мировую войну, необходимо учитывать тот факт, что она представляла собой противостояние блоков, а не отдельных государств. Расстановка сил на протяжении предвоенного периода постоянно менялась. Еще летом 1905 г. сложно было представить себе Антанту к началу Первой мировой войны. Русские и британские карикатуры периода русско-японской войны наглядно иллюстрируют, что после Японии неизбежным противником России в этот время рассматривалась именно Великобритания. Противоречий внутри самих коалиций и союзов к началу войны было не меньше, чем между противниками.

Недалеко от острова Бьерке в Финском заливе 23 июля 1905 г. состоялась встреча российского императора Николая II и германского кайзера Вильгельма II. Она происходила в дружественной и семейной атмосфере. Однако на самом деле это были тайные переговоры, результатом которых стало русско-германское союзное соглашение от 11/24 июля

1905 г. В случае его дальнейшей ратификации оно могло «изменить ход мировой истории» [6, с. 32].

По мнению Л. А. Фейгиной, история этого договора представляет интерес «как с точки зрения международных отношений периода, предшествовавшего войне, так и с точки зрения характеристики дипломатических приемов и политических нравов двух соседних империй, из которых одна была в зените могущества, а другая переживала первые военные и гражданские потрясения» [9, с. 7]. Соглашение в Бьерке и его провал стали важным индикатором в изменении внешнеполитических сил. В конечном итоге эти события привели к той комбинации государств, которая сложилась перед Первой мировой войной. Если учитывать, что большая часть борющихся государств по форме правления были монархиями, одну из центральных ролей в подготовке мирового конфликта сыграл во многом «человеческий фактор» [10, с. 61].

Бьеркский договор упоминается в исторической, историко-дипломатической и учебно-дипломатической литературе, а также среди популяризаторов истории [3, с. 561 – 566; 12, с. 11–15; 13, с. 472–484]. Впервые документ и события вокруг него оказались предметом специального анализа в журнале «Красный архив» в 1924 г. [4, с. 5–49], а в 1928 г. вышла работа Л. А. Фейгиной «Бьоркское соглашение» [9]. Однако до настоящего времени договору и обстоятельствам его заключения не было посвящено комплексного исследования [11]. Главное внимание в исторической литературе обычно уделяется обстоятельствам подписания соглашения, его секретный и поспешный характер. Исследователи чаще оценивают его как малозначительный документ, который сыграл несущественную роль в истории международных отношений.

Стоит отметить, что соглашения в Бьерке с разных сторон касаются в своих воспоминаниях современники [1, с. 300 – 308; 2, с. 29–61]. М. А. Таубе также не мог обойти стороной этот политический эпизод. Он достаточно подробно освещает его во второй главе мемуаров на французском языке [15], а в воспоминаниях на русском языке останавливается на последствиях этого документа, которые «усложнили собою всю русскую политику и не только внешнюю, но и внутреннюю» в конце 1905 г. [8, с. 85]. По мнению М. А. Таубе, данный документ хоть и был заключен в необычной для международного договора форме, тем не менее, с юридической точки зрения представлял собой политическую личную декларацию немецкого и российского правителей «о продолжающейся в их лице традиционной дружбе между их соседними империями и их царственными домами» [8, с. 85].

Для русского царя подписание соглашения полностью соответствовало его настроениям в напряженной внешнеполитической обстановке, вызванной провалами в войне с Японией, которая пользовалась поддержкой со стороны Англии. Определенную роль сыграло обострение англо-русских отношений из-за инцидента в Северном море [5, с. 293]. Этот эпизод внес смятение в российских кругах, почувствовавших необходимость искать помощи не только у Франции. Кроме того, на фоне неудачной войны внутри страны уже начались революционные беспорядки. В этом отношении российское правительство могло найти в опору в лице монархической Германии.

В историографии отмечается, что Николай II быстро согласился на предложения Вильгельма, так как видел в Бьеркском договоре «руку помощи» в борьбе с военными и революционными потрясениями [9, с. 56; 1, с. 300; 10, с. 64]. В телеграммах к русскому царю кайзер всячески подчеркивал, что Франция на протяжении всей русско-японской войны оставляла Россию без поддержки, в отличие от Германии [4, с. 37]. Вильгельм выбрал и наиболее подходящую внешнеполитическую обстановку. В это время союзница России Франция была занята марокканскими делами. Э. М. Розенталь считает, что «развязывая конфликт в Марокко, немцы тем самым подготавливали почву для Бьерке» [7, с. 138].

В этом соглашении, по мнению М. А. Таубе, можно прежде всего увидеть стремление произвести «перезагрузку» отношений давних союзников. В 1890 г. Германия отказалась возобновить тайный союзный договор с Россией 1881, 1884 и 1887 гг., созданный Бисмарком. Это привело к сближению российского правительства Александра III с Францией и оформлению франко-русского союза 1891 г. [8, с. 92]. До Крымской войны российское государство чаще всего сохраняло дружественные отношения с Германией. Франция и Англия наоборот исторически выступали на противоположной стороне. Именно поэтому столкновение между российской и немецкой стороной в начале XX в. «воспринимается в различных кругах нередко как нечто противоестественное и нетрадиционное» [10, с. 65].

В Бьеркском соглашении просматривается последняя попытка воссоздать подобие старого союза трех северных государств [14, р. 254]. В этот период российское правительство было связано с Веной балканскими соглашениями 1897 и 1903 гг. И заключение договора между Россией и Германией означало бы возрождение прежних союзных связей. Однако формирование континентальной коалиции потерпело крах с заключением англо-французского соглашения 1904 г.

М. А. Таубе указывает на «капитальную ошибку», которую допустил германский император при подписании договора: вместо адмирала А. А. Бирилева необходимо было пригласить для заверения декларации министра иностранных дел России графа В. Н. Ламздорфа, который «не почувствовал бы себя обиженным таким забвением его министерских функций и не примкнул бы, вместо этого, к противникам соглашения, подписанного Николаем II» [8, с. 85].

Против соглашения выступили великий князь Николай Николаевич, С. Ю. Витте и В. Н. Ламздорф. Они полагали, что соглашение двух императоров составлено против Франции и противоречит российским обязательствам перед французской стороной. М. А. Таубе считает, что это было «явной ложью», так как договор предусматривал привлечение Франции к русско-германскому союзу [8, с. 86]. Больше всего противники Бьерке опасались, что этот документ поставит крест на необходимых для российской экономики французских кредитах и инвестициях [10, с. 64].

А. П. Извольский тоже считал, что Бьеркский договор «не был изменой Франции». По его мнению, он создавался только против Англии, наиболее враждебно настроенной в отношении России [2, с. 45], но воспоминания А. П. Извольского требуют более детальной критики из-за его очевидного желания реабилитировать российского императора, в том числе и в отношении Бьеркского соглашения.

В. Н. Ламздорф полагал, что истинной целью германского императора было разрушить союз Франции и России. Министр иностранных дел не хотел «жертвовать» этими отношениями «ради сомнительной и трудно осуществимой комбинации трех держав» [4, с. 30]. Позицию В. Н. Ламздорфа разделял российский посол во Франции А. И. Нелидов. В их переписке, посвященной этому вопросу, он подчеркивал, что интересы России сталкивались с Англией в Азии, где Германия не могла оказать нам поддержку. В то время в европейских делах английская сторона нам не угрожала. Экономическое соперничество же немцев и англичан на континенте не касалось России [4, с. 32].

По мнению Э. М. Розенталя, для Вильгельма главное было устранить В. Н. Ламздорфа, который мог оказать сопротивление его планам. Для достижения этой цели он планировал сделать «приверженцем Бьеркского договора» С. Ю. Витте, который имел большое влияние на министра иностранных дел [7, с. 158]. Однако противодействие со стороны французского правительства заставило С. Ю. Витте перейти в лагерь противников Бьеркского соглашения.

Из-за отсутствия на переговорах министра иностранных дел текст договора был заверен морским министром А. А. Бирилевым, что противоречило традициям европейской и русской дипломатии. Канцлер Германии Б. Бюлов считал, что адмирал, только назначенный на пост морского министра, «не имел никакого представления о политике» [1, с. 303]. Сам же А. А. Бирилев позднее рассказал, что Николай II закрыл от него текст подписываемого акта. Отсутствием на подписании министра иностранных дел впоследствии воспользовались противники соглашения для непризнания его юридической силы [2, с. 49]. Однако, согласно М. А. Таубе, заключение международного договора противоречило «лишь обычаю, но не нормам русского государственного права, для которого ясное волеизъявление самодержавного монарха оставалось всегда законным и обязательным» [8, с. 93].

Таким образом, историография, которая касается Бьеркского договора, обрисовывает заинтересованность императоров России и Германии в союзе консервативных сил, а также русско-английские и германо-английские противоречия как второстепенные и незначительные [10, с. 67–68]. Разбор дипломатической обстановки середины 1905 г. вместе с тяжелой внутриполитической обстановкой в России говорит об актуальности поиска альтернативных подходов во внешней политики царского правительства. М. А. Таубе не видел в Бьеркском договоре угрозы для союза Франции и России, а его подписание императором без присутствия министра иностранных дел юридически обоснованным нормами российского права. В то же время сворачивание Бьеркского соглашения можно считать еще одной отправной точкой в процессе формирования франко-русского-английского союза, и одновременно оно окончательно поставило крест на попытках восстановить союз трех императоров.

Список источников и литературы

1. *Бюлов Б.* Воспоминания / перев. с нем. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. М. ; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 562 с.
2. *Извольский А.П.* Воспоминания / перев. с англ. А. Сперанского. Пг. ; М.: Изд-во «Петроград», 1924. 192 с.
3. История дипломатии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 2. 823 с.
4. Красный архив: исторический журнал. 1924. Т. 5. С. 5-49.

5. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание Общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939. Т. 1. 385 с.
6. Поливанов Я.М. К вопросу о причинах Первой мировой войны: политico-дипломатические аспекты // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 3. С. 32-36.
7. Розенталь Э.М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 272 с.
8. Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: «Памятники исторической мысли», РОССПЭН, 2007. 272 с.
9. Фейгина Л.А. Бьоркское соглашение: Из истории русско-германских отношений. М.: М. и С. Сабашниковы, 1928. 93 с.
10. Хлевов А.А. Бьоркский договор как поворотный пункт российской внешней политики XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 3 (43). С. 60-68.
11. Хлевов А.А. «Точка невозврата» или дипломатический курьёз? Бьёркский договор в современной историографии // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции 20–21 ноября 2014 г. СПб.: Издательство ГПА, 2014.
12. Шацилло В.К. Первая мировая война: 1914–1918: факты, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 480 с.
13. Широкорад А.Б. Россия–Англия: неизвестная война 1857–1907 гг. М.: ООО «Издательство ACT», 2003. 512 с.
14. Jelavich B. A century of Russian foreign policy, 1814–1914. Philadelphia; New York: Lippincott, 1964. 308 p.
15. Taube M. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'empire des tsars, 1904–1917. Paris.: Leroux, 1928. 412 p.

A.V. Pleshcheeva

THE OUTCOMES OF FAILURE TO THE AGREEMENT IN BJÖRKÖ IN MEMOIRS OF M. A. TAUPE

Abstract: In historical science the Björkö Treaty is evaluated as an insignificant document that played an insignificant role in the history of international relationships. But its failure can be considered as one of the important stages in the organization of the military-political blocs participating in the First World War. The doctor of international law M. A. Taube in the memoirs estimates outcomes of this document. Unlike his opponents to the Björkö Treaty, he did not

see it as a threat to the Russian-French alliance. In addition, M. A. Taube considered that the signing of the treaty by the Russian emperor without the presence of the Foreign Secretary was legally justified by the norms of Russian law.

Keywords: memoirs, Russian foreign policy, M. A. Taube, Russian diplomacy, Björkö Treaty, international law, Russian-German relations, First World War.

Сведения об авторе

Плещеева Анна Валерьевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, annplesh@gmail.com

Pleshcheeva Ann Valeryevna, graduate, Saint Petersburg University, Russia, annplesh@gmail.com

«БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ» НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)*

Ю. Н. Устинова

Брянский государственный университет

Аннотация: статья освещает профилактические мероприятия правительства по борьбе с чрезмерным употреблением алкоголя, проводимые в годы Первой мировой войны на территории Минского военного округа. Показаны основные направления работы, раскрыты методы и содержание мероприятий, обозначены структуры, реализовывавшие данную политику.

Ключевые слова: Первая мировая война, антиалкогольная кампания, периодическая печать, «борьба за трезвость», профилактические мероприятия.

Начало проведению антиалкогольной кампании в Российской империи было положено правительством еще до Первой мировой войны, в период мобилизации в июле 1914 г. Первые запретительные меры были связаны с продажей и употреблением крепких спиртных напитков в период мобилизации, затем перешли к закрытию питейных заведений различного уровня.

Население стремилось обойти запреты: набирала темпы незаконная торговля алкоголем на дому, в питейных заведениях и аптеках; отдельные «кулибины» даже изготавливали самогонные аппараты и занимались самогоноварением, процветало производство спиртосодержащих суррогатов. Результаты от употребления некачественного алкоголя были драматичны: на улицах появилось не только огромное количество пьяных, но и регулярными становились сводки об отравлении и смертельных исходах от чрезмерного употребления алкоголя, увеличилось количество драк и ограблений.

В сложившейся ситуации, когда вызовы времени диктовали необходимость строгой дисциплины и стабильной моральной обстановки, для

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губерний. 1915-1917 гг.) № 17-21-01010-ОГН.

выравнивания положения правительство прибегало к различным формам и средствам воздействия. В непростой психологической обстановке военного времени особенно остро это обстоятельство ощущалось в регионах прифронтовой полосы, таких как Орловская, Минская и Могилевская губернии Минского военного округа, население которых часто привлекалось для оказания помощи фронту.

С июля 1914 г. до конца февраля 1915 г. только в Минской губернии было выявлено 59 случаев торговли денатуратом, 99 случаев тайной торговли спиртными напитками, зафиксировано 10 смертельных случаев употребления денатурата и 38 задержаний пьяных [10, с. 3].

Нужно отметить, что местная власть в пропаганде трезвого образа жизни проводила целенаправленную, планомерную и разноплановую работу, задействовав все структуры: общественные организации, церковь, периодическую печать, образовательное сообщество, медицинские учреждения, контролирующие и надзорные органы. Среди многообразия методов и форм работы с населением, преимущество отдавалось проведению превентивных мер, нежели карательных и надзорных. Однако последних также избежать не удалось [7, с. 289-303]. Перед праздниками количество проводимых профилактических мероприятий увеличивалось.

Государство выстраивало систему противодействия алкоголизации населения путем организации попечительств о народной трезвости. В конце XIX в. на основании «Устава попечительства о народной трезвости» от 20 декабря 1894 г. были созданы губернские и уездные комитеты попечительства о народной трезвости, выполнявшие просветительские и надзорные функции. Каждая структура разработала свои методы работы. Сотрудники попечительств содействовали открытию читален, библиотек, «народных домов», лечебных приютов с целью общения на религиозно-нравственные темы о вреде чрезмерного употребления алкоголя; а также должны были следить за продажей спиртных напитков в питейных заведениях, пресекать их нелегальную продажу, сообщать о сомнительной деятельности избранных лиц [2, с. 648-649].

Появление различного рода антиалкогольных правительственные указов общественными организациями и обществами было воспринято как руководство к действию: обсуждались, разрабатывались мероприятия по пропаганде трезвого образа жизни. Активную роль в создании обществ трезвости играла церковь посредством регулярного общения священников с прихожанами с целью просвещения.

Дополнительно проводилась работа и с управляющими акцизных сборов на местах. От министерства финансов им поступали предписания,

чтобы в местах продажи спиртных напитков были размещены плакаты с надписями «Ядовитая жидкость "денатурированный спирт"», содержащие информацию об опасных последствиях употребления, которое могло привести к слепоте и иметь смертельный исход [1, с. 3].

Еще одной формой профилактической работы с населением стало распространение печатной продукции, содержащей информацию о вредных последствиях употребления суррогатов спиртных напитков [9, с. 4]. Так, в газете «Минский голос» на данную тему была опубликована статья рекомендательного характера [8, с. 2]. Автор подметил, что в борьбе за трезвость одними запретами продажи алкоголя проблему не решить. Люди проводили время в трактирах и закусочных, так как не представляли и не имели возможности другого времяпрепровождения. Автор предложил разнообразить досуг населения, заполнить свободное время. В статье была такжезвучена идея одного читателя о постройке в Минске городского (или народного) дома для проведения досуга жителей. В дополнение к этому земствам и городам предлагалось проводить просветительные мероприятия: организовывать лекции и народные вечера, открывать чайные. В чайных должна была играть музыка, выступать певцы, в распоряжение посетителей должны были предоставлены газеты, журналы, справочные издания. Такого рода заведения были призваны стать местом встреч для общения, проведения чтений на различные образовательные и культурные темы, художественных выставок и мероприятий научно-образовательного характера.

В чайных должны были также продаваться по доступным ценам чай, кофе и другие напитки; пирожные, бутерброды, холодные закуски; из горячих блюд должны были присутствовать простые: яичница, сосиски, жареное мясо. Так, речь шла об организации планомерной культурно-просветительской работы среди населения, об устройстве быта горожан и, тем самым, улучшении криминогенной обстановки в городах (уменьшилось количество столкновений среди пьяных) [5, с. 3].

Профессоров обязывали читать лекции о воздействии вина на организм. Разъяснялось, что за рубежом пьют пиво, так как у них нет водки [6, с. 3]; что «употребление в качестве напитка денатурированного спирта и всевозможной с ним смеси» [4, с. 3], а также последствием питья спирта в чистом виде является смерть или тяжелые заболевания, в большинстве случаев слепота.

В определенной степени и проводимые полицией мероприятия можно назвать превентивными. Ее сотрудники не только контролировали исполнение распоряжений правительства на местах, проводили розыскную

работу, но и пресекали незаконную продажу алкоголя, организовывали облавы, своевременно реагировали на доносы. Так, в Минской губернии благодаря своевременному проведению ревизии аптек помощником губернского врачебного инспектора С. В. Балковцем были выявлены факты необоснованной чрезмерной продажи спиртосодержащих веществ населению. В конце марта 1916 г. аптека получила 600 бутылок виноградного вина, в том числе 350 коньяка, 60 вёдер спирта, которые были реализованы в короткие сроки. Земская управа обратилась в акцизное управление с разрешением приобрести для аптеки 900 бутылок вина, 170 бутылок коньяка и 5 бутылок рома. В акцизном управлении усомнились в такой потребности спиртного для аптеки и связались с врачебным инспектором С. Н. Урванцевым, который согласился с выводами управления и обратился к губернатору, обосновав факт превращения аптеки в винную лавку [11, с. 3].

С приближением праздничных дней деятельность полиции активизировалась. Регулярные наблюдения чинов полиции вскрывали факты незаконной продажи спиртных и спиртосодержащих жидкостей. Так, в 1915 г. перед пасхальными праздниками чинами полиции были выявлены тайные места продажи денатурата в Гомеле и Белище. Все виновные в нарушении закона продавцы были привлечены к ответственности и посажены в тюрьму. Благодаря этому праздники прошли спокойно и на улицах не было замечено пьяных людей [16, с. 3].

В Мстиславле чинами полиции была пресечена продажа спирта мещанином А. Л. Леином, который продал еврею Черниловскому за 2 рубля 30 копеек бутылку спирта. При обыске у него было обнаружено ещё 17. Для нелегальной торговли он приобрёл у неизвестного 20 бутылок спирта за 40 рублей [3]. Гомельские жандармские чины в июле выявили факты продажи спирта супругами Е. и И. Сморыгиними. Они незаконно торговали им на пароходной пристани из сундука со съестными припасами [14, с. 3].

Популярными местами незаконной продажи были привокзальные и рыночные площади. Так, околоточным надзирателем, установившим наблюдение за нетрезвыми рабочими на базаре, было выявлено место продажи спирта. Его продавали в здании неиспользуемого пожарного депо фонарщики З. Уренков, Ф. Глазков, Т. Батурина по 15 копеек за рюмку. Они получили денатурат, который использовался при освещении улиц в фонарях. Сотрудник задержал продавцов и одного покупателя, остальным удалось скрыться [13, с. 3].

На железнодорожной станции в Гомеле в конце июля чины полиции остановили для досмотра неизвестного человека с корзиной. При досмотре

в ней было обнаружено 20 бутылок дорогого коньяка. Задержанным оказался купец 2-ой гильдии из Рогачёва Л. Казачин. Коньяк, предназначавшийся для продажи, был конфискован, а на Л. Казачина составлен протокол [12, с. 3]. В конце июля, на основании поступившей от населения информации, полицией был сделан обыск на квартире у жительницы Гомеля И. Е. Любиной, где обнаружили ведро спирта-сырца, предназначавшегося для продажи. Его ей доставил житель губернии Л. Каплун с неизвестного завода. Были предприняты соответствующие меры [15, с. 3].

Антиалкогольная кампания и борьба за трезвость проводились параллельно: профилактические мероприятия соседствовали с надзорными. Активизация деятельности различных структур возрастила в предпраздничное время. Чтобы достичь цели – сократить количество употребляемого алкоголя и предупредить негативные последствия от употребления суррогата – использовались различные методы. Мероприятия просветительского характера: чтение лекций, организация культурно-образовательных мероприятий, а также проведение досмотров и другие меры были распространены преимущественно в городах, в отдаленных пунктах и местечках подобные меры были сведены к минимуму.

Список источников и литературы

1. Бобруйский день // Бобруйский курьер. 1915. 2 августа.
2. Могилёвская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е.К. Анищенко [и др.]; сост. Ю.Н. Снапковский, Д.Л. Яцкевич. Минск: Беларусь, 2014.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2096. Л. 8-8 об., 9, 11.
4. По нашему краю // Орловский вестник. 1915. 2 декабря.
5. По нашему краю // Орловский вестник. 1915. 22 июля.
6. По нашему краю // Орловский вестник. 1915. 6 августа.
7. Устинова Ю.Н., Василенко В.В. Антиалкогольная кампания на территории Минского военного округа в 1914–1916 годы (по материалам периодической печати) // Научный диалог. 2018. № 11.
8. Хроника Минского дня // Минский голос. 1915. 20 февраля.
9. Хроника Минского дня // Минский голос. 1915. 22 февраля.
10. Хроника Минского дня // Минский голос. 1915. 24 февраля.
11. Хроника Минского дня // Минский голос. 1916. 13 августа.
12. Хроника. Арест коньяка // Гомельская копейка. 1915. 27 июля.
13. Хроника. Продажа денатурата // Гомельская копейка. 1915. 22 июня.
14. Хроника. Продажа спирта // Гомельская копейка. 1915. 2 июля.

-
-
- 15. Хроника. Торговля спиртом // Гомельская копейка. 1915. 24 июля.
 - 16. Хроника. Трезвость в городе // Гомельская копейка. 1915. 28 марта.

Y. N. Ustinova

"THE FIGHT FOR SOBRIETY" ON THE TERRITORY OF THE MINSK MILITARY DISTRICT DURING THE FIRST WORLD WAR (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS)

Abstract: The article highlights the preventive measures of the government to combat excessive alcohol consumption carried out during the First World War on the territory of the Minsk Military District. The basic directions of the work, disclosed the methods and content of the measures designated structure that implements this policy.

Keywords: World War I, anti-alcohol company, periodicals, fight for sobriety, preventive actions.

Сведения об авторе

Устинова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Российская Федерация, e-mail: julija0404@rambler.ru

Ustinova Yuliya Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of "Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky ", Russian Federation, e-mail: julija0404@rambler.ru

**ВОИНСКИЙ УСТАВ 1874 г.
И ЗАКОНЫ 25 ИЮНЯ 1877 и 1912 гг.
О КАЗЕННЫХ ПОСОБИЯХ
ДЛЯ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ,
ВЫСТУПИВШИХ В ПОХОД**

А. Д. Грудина

Брянский государственный университет

Аннотация: статья посвящена вопросу о государственной системе мер социальной поддержки семей солдат, оказавшихся на фронте в годы Первой мировой войны. Подчеркивается, что социальная политика государства была направлена в первую очередь на семьи, оставшиеся без кормильцев, но организация материальной поддержки вступала в противоречие с ведомственными интересами. Поднимается вопрос об эффективности принимаемых государственных мер. Новизна исследования видится в том, что на основе целого комплекса источников, в том числе и вводимых впервые в научный оборот, иллюстрируются особенности формирования государственной социальной политики накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: законы Российской империи, Первая мировая война, законы о социальной помощи семьям военнослужащих, паёк.

Первого января 1874 г. в России был опубликован Манифест «О введении всеобщей воинской повинности». Для подготовки воинского Устава, основанного на новых принципах комплектования армии, была создана специальная комиссия из представителей различных ведомств, которая после предварительного обсуждения представила текст документа на утверждение Государственного совета. В нем говорилось: «По действовавшим доныне узаконениям повинность эта возлагалась лишь на сословия мещан и крестьян, и значительная часть русских подданных изъята была от обязанности, которая должна быть для всех одинаково священна» [1, с. 1].

Среди прочих новшеств, Устав провозглашал принцип оказания обязательной социальной поддержки в военное время семей нижних чинов (рядовых). В статье 35 говорилось: «Семейства чинов запаса, призванных в военное время на действительную службу, призываются земством, равно как городскими и сельскими обществами, в среде коих сии семейства находятся» [1, с. 7]. В случае невозможности этими обществами собственными

средствами обеспечить потребности солдатских семей предусматривалось необходимое пособие от казны. В виде примечания к статье было сказано, что о способах признания семей, о порядке распределения этих обязанностей между земством, городскими и сельскими обществами, а также о принципах назначения и расходования казенных пособий, будет сказано в специальных правилах, которые предстояло еще разработать [1, с. 7].

Государственный совет совместно с Департаментом государственной экономии 2 мая 1877 г. провёл совместное заседание, на котором пришёл к выводу, что возлагаемые подготовленным законом на земство, а также на городские и сельские общества обязанности по оказанию помощи семьям в случае призыва чинов запаса и ратников на действительную службу в военное время ограничиваются бесплатным отводом помещений и выдачей продовольствия в размере солдатского пайка. Этот конкретный способ поддержки семей устанавливался для всей империи.

Одновременно Государственный совет признал, что предполагаемыми мерами не исчерпывается попечение, «на которое беспомощные семейства лиц, жертвующих собой на защиту Отечества, имели бы, по всей справедливости, право рассчитывать» [2, с. 753]. Он посчитал желательным установить отношения земства и обществ к поручаемому им попечению семей таким образом, чтобы они не ограничивались чисто внешним исполнением возложенных на них обязанностей, сохраняя возможность относиться к призываемым «с тем теплым участием, которым, вернее всяких законодательных постановлений, обеспечивается успех дела, основанного прежде всего на сознании гражданского долга и на чувстве человеколюбия» [2, с. 753].

Еще одно важное замечание Государственного совета относилось к возможностям издания исчерпывающего закона с установленными мерами признания. Отмечалось, что «по причине разнообразия местных условий в различных частях Империи, способы и размеры признания не могут быть повсеместно одинаковые. Так, в черноземной полосе, где земля почти обеспечивает безбедное существование сельского населения, положение семьи, глава которой призван на военную службу, далеко не столь беспомощно, как в северной или средней полосах, в коих большая часть жителей кормится так называемыми отхожими промыслами, привлекающими к себе труд мужского населения» [2, с. 753]. Утверждение различных конкретных мер признания для той или иной местности представлялось невозможным из-за отсутствия необходимых практических указаний о потребностях, которые будут ощущаться семьями военнослужащих в различных частях государства.

Исходя из этих соображений, Государственный совет постановил: «Не утверждая ныне, в законодательном порядке, постоянного по сему предмету закона, преподать предназначенные Правила в руководство подлежащим учреждениям, в виде меры временной, предоставив, вместе с тем, министру внутренних дел сообразить те указания, которые получатся при применении издаваемого постановления на практике...» [2, с. 754]

Министерство внутренних дел 25 июня 1877 г. представило разработанный им документ «О призрении семей чинов запаса и ратников государственного ополчения*, призванных в военное время на службу», а Государственный совет совместно с департаментом Государственной экономии рассмотрел проект и определил, что его нельзя утвердить в качестве постоянного закона, поскольку он не решает всех проблем, стоявших перед семьями ушедших на войну. В итоге были утверждены временные правила, которыми определялось, что правом на предоставление помощи от земств, городских и сельских обществ могли пользоваться жены и дети призванного на военную службу, «к какому бы обществу, сословию или состоянию они не принадлежали» [2, с. 751]. Если у них не было собственного жилья, то от городских и сельских властей им полагалась выдача бесплатного помещения с отоплением. Земство, «в пределах которого находятся на жительстве» призреваемые, должно было обеспечивать их «продовольствием натурой или деньгами, полагая на каждое призреваемое лицо без различия возраста, не менее 1 пуда** 28 фунтов*** муки, 10 фунтов крупы и 4 фунта соли в месяц» [2, с. 751-752].

Такие расходы для земской кассы были обременительны и в различных местностях являлись неравномерными, то есть зависели от доходности земств, но именно на основании этого документа осуществлялись меры социальной защиты в отношении членов солдатских семей в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Тогда из обследования Московской губернии вытекало, что на каждого запасного, взятого на службу, приходилось по 2,76 члена семьи, в начале Первой мировой войны это число выросло до 3 человек.

На практике в ответ на поступившие от семей воевавших солдат заявления на получение пособия неоднократно следовал отказ по причине «непоступления земских сборов» [3, с. 21]. Большие трудности были связа-

* В Уставе о воинской повинности было сказано: «Вооруженные силы государства состоят из постоянных войск и государственного ополчения. Последнее созывается лишь в военное время» (Раздел 1. Гл. 1).

** 1 пуд = 16,38 кг.

*** 1 фунт = 0,45 кг.

ны с соблюдением требования закона о праве на призрение лишь семей, не имевших достаточных собственных средств к существованию (статья 1) [4]. Многочисленные разногласия на почве определения этого права усугублялись также тем обстоятельством, что земские управы, имевшие большое количество обязанностей в области ведения местного хозяйства, не могли проводить тщательное имущественное обследование и вынуждены были на большинстве территорий прибегать к помощи волостных старшин, которые зачастую крайне субъективно подходили к определению тех, кому полагалось казенное пособие [5, с. 1-2]. Иного результата нельзя было ожидать не только по причине предвзятости в действиях старшин, но и из-за отсутствия единых условий оценки имущественной состоятельности просителей. Результат не замедлил сказаться, и «отовсюду как губернаторам, так и в центральные учреждения сыпались жалобы на неправильный отказ в выдаче пособий» [4].

Впрочем, земские учреждения также были заинтересованы в уменьшении числа пособий, поскольку этот вид признания закон относил к числу местных повинностей, а потому со стороны земств требовалось принимать меры к возможному сокращению расходов из их довольно скромных бюджетов. Отказы в выдаче пособий солдаткам чаще всего следовали на основании наличия родственников и взрослых сыновей, которые могли оказывать им материальную поддержку. Поводом к невыдаче могло служить наличие собственного дома у просительницы, работа, которая могла приносить ей определенные средства к существованию [3, с. 21].

Затрудняло получение помощи и то обстоятельство, что закон 1877 г. возлагал на самих нуждавшихся обязанность заявлять о сложности своего положения. Статья 5 закона гласила: «Жена и дети призванного на действительную службу, нуждающиеся в признании (статья 2), заявляют о том словесно или письменно: а) жительствующие в городских поселениях – уездной земской или городской управе, по принадлежности, или полицейскому управлению и б) из проживающих в уезде: принадлежащие к местным волости или сельскому обществу – своему волостному старшине, а все остальные – уездной земской управе или становому приставу. За больных,увечных и малолетних, не имеющих возможности сделать о себе заявление лично или через родственников, обязаны заявлять владельцы домов, в которых они проживают, а в селениях, сверх того, и сельские старосты» [2, с. 752].

Поголовная неграмотность населения, страх перед большими и малыми начальниками, незнание законов привело к тому, что заявления не направлялись в нужную инстанцию, и большинство нуждавшихся, осо-

бенно в первые месяцы с момента начала военных действий, оставались без учета. К тому же правом на получение пособия могли пользоваться главным образом жены и дети, а остальные близкие родственники имели возможность претендовать на помощь не земских и городских учреждений, а сословных обществ, которые в своем большинстве такими средствами не обладали. Проведенное статистическое исследование на основании материалов Тамбовской губернии показало, что в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «лишь 37% солдатских жен и детей получали, хотя и не регулярно и не в полном объеме, положенное им пособие», а в некоторых уездах таких семей было всего 17% [3, 21]. Приблизительно такое же соотношение проявилось и в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Следует также отметить и еще одно немаловажное обстоятельство, касающееся Временных правил 25 июня 1877 г.: они «не задавались целью поддержания хозяйственной состоятельности населения, отвлеченного войной от обычных занятий, и не создавали ни для кого определенного права на пособие, а заключались исключительно в призрении, стремясь предоставить необходимую помощь семьям запасных в минуту острой нужды, вызванной призывом главы семьи на защиту родины» [6, с. 219].

В дальнейшем эти Правила вошли в виде приложения к статье 35 в Устав о воинской повинности в 1886 г. и в его новом издании в 1897 г., но уже к статье 38. Новый закон и приложенное к нему «Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств» был Высочайше утвержден 25 июня 1912 г.

Положение состояло из четырех разделов: «I. Общие постановления; II. О пенсиях нижним воинским чинам; III. О пенсиях вдовам и сиротам нижних воинских чинов; IV. О призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах». Для нас наиболее важен последний раздел, поскольку именно он затрагивал интересы значительной массы населения России и мог повлиять на отношение к государству, на ход военных действий.

Раздел IV включал в себя статьи с 60-й по 82-ю. Статья 60 Положения определила нижних чинов, семьи которых имели право на государственную помощь: «1) призванных на действительную службу при мобилизации, – со дня отправления на службу; 2) задержанных по случаю мобилизации на действительной службе более определенного для службы мирного времени срока, – со дня окончания этого срока; 3) принятых при мобилизации на действительную службу охотниками и добровольцами, – со

дня вступления на службу; 4) поступивших на службу в государственное ополчение, – со дня отправления на службу, и 5) поступивших на службу в военные дружины, образованные по распоряжению военного начальства, – со дня поступления в дружины» [7, с. 943].

Новый закон не отменял в целом статью 38 Устава, сохраняя все определенные ранее права семей «выступивших в поход», но изменил «продовольственную форму призрения». Теперь к пайку был добавлен фунт растительного масла на душу, но зато уменьшен на половину размер пособия для детей до 5-летнего возраста (статья 63) [7, 943]. Трудно однозначно ответить на вопрос о том, выиграли или проиграли семьи рядовых от этого нововведения, но, например, Галичское уездное земское собрание в Костромской губернии пришло к выводу, что «прежний порядок выдачи пособий более обеспечивал призывающие семьи, чем новое положение и давал возможность скромными остатками от полного пайка малолетних до пяти лет удовлетворять другие насущные потребности» [8, с. 12]. В результате, чтобы восполнить этот пробел Костромское губернское земское собрание отпустило губернской управе 100 тыс. руб. для выдачи детям, не достигшим пятилетнего возраста, компенсацию за другую половину пайка [8, с. 12].

Выработанный Министерством внутренних дел проект нового закона о призрении семей нижних чинов рассматривался Комиссией по государственной обороне Государственной думы, которая внесла один весьма существенный принцип в постановку дела призрения, а именно: право на призрение жены и детей нижнего чина было признано безусловным, независимым от их материального положения: «Из состава членов указанных в предыдущей (60) статье семейств пользуются призрением: 1) жена и дети нижнего чина» [7, с. 943]. Тем самым в статье 61 была устранина основная часть споров, возникших в процессе обсуждения проекта закона.

Призрение остальных родственников призванного, перечисленных в пункте 2 статьи 61 Положения, было поставлено в зависимость от их трудоспособности и от факта содержания в мирное время за счет труда призванного: «2) отец, мать, дед, бабка, братья и сестры описанного чина, если они содержались трудом последнего» [7, с. 943]. Статья также имела особое примечание, в котором речь шла о семьях старообрядцев и сектантов, браки которых не фиксировались в церковных книгах православной церкви. Для них в качестве подтверждения их прав требовалась справка от волостного (гминного, станичного, а в Закавказье сельского) правления. В остальном же их права не отличались от остальных, пользовавшихся государственной помощью [7, с. 943].

Не имели право на пособия по статье 61 закона 25 июня 1912 г. не-законная жена, внебрачные дети, не усыновленные и приемные дети, сводные братья и сёстры, а также тёстъ, тёща, отчим, мачеха и все другие боковые родственники, даже если они и находились на содержании призванного.

Министерство внутренних дел должно было следить за назначением и выдачей продовольственных пособий, поэтому от лица этого ведомства 23 июля 1913 г. была выпущена специальная инструкция в отношении последнего пункта статьи, оговаривавшей права и ограничения по назначению государственных пособий. В ней присутствовало указание: «если они содержались трудом последнего» [9]. Ограничительное требование говорило о том, чтобы родственники не просто жили за счет труда призванного, но и не могли самостоятельно себя обеспечивать: были нетрудоспособными, малолетними и т. п. Эти разъяснения противоречили 2 пункту статьи 61, вернее, они дополняли его весьма существенными деталями, которые не были прописаны в законе и давали возможность широкого его толкования в пользу государства.

В отношении семей задержанных из-за начавшейся войны солдат срочной службы инструкция признавала право на получение государственной помощи и при отсутствии факта нетрудоспособности или малолетства членов семьи, но при условии, что они «содержались трудом нижнего чина» до призыва его на действительную службу (§ 15 и 16 инструкции).

Статья 62 Положения отмечала необходимость специальной заботы об обеспечении семей тех нижних чинов, которые являлись вдовцами, а в их семье оставались малолетние дети. Еще одной категорией, на которую распространялось особое внимание этой статьи, были семьи тех солдат, жены которых не могли самостоятельно заботиться о детях из-за состояния здоровья или по причине определенных моральных причин. В этой ситуации необходимо было принять незамедлительные меры в отношении малолетних и несовершеннолетних детей для опеки над ними или попечительства [7, с. 943].

В статье 65 было определено, что стоимость пищевых продуктов, входивших после объявления войны в состав «кормовой нормы (пайка)», конкретно определялась для каждой отдельно взятой территории, а при неизбежном изменении продуктовых цен к 1 сентября каждого года должна была пересматриваться [7, с. 943]. Были учтены и некоторые другие недостатки предыдущего законодательства.

Новое Положение существенно изменило систему поддержки семей военнослужащих, учло, насколько это тогда представлялось, выявленные недостатки принимаемых в этом направлении мер в период русско-турецкой и русско-японской войн, но, естественно, не могло предвидеть возникновение тех проблем, с которыми неминуемо должно было столкнуться государство в деле признания нижних чинов в будущей войне, еще более масштабной и затяжной. Во-первых, Положение 25 июня 1912 г., вступившее в действие с 1 января 1913 г., изменило источник финансирования, переложив основные расходы по поддержке семей воинов на государство, земства же, а точнее – земские управы, от решения этих вопросов были устраниены. Во-вторых, на местах предполагалось создать особые органы: «1) в сельских местностях – на избираемые для сей цели волостные (гминные, станичные, а в Закавказье – сельские) попечительства, а при неизбрании по каким-либо причинам попечительства – на волостных старшин (гминных войт, станичных атаманов, а в Закавказье – сельских старшин) и 2) в городских поселениях – на городские управы (при упрощенном управлении – на городских старост) или на особые исполнительные комиссии в тех городах, где городские думы признают избрания таких комиссий необходимым, или на особые городские попечительства, где последние будут образованы» (Статья 67) [7, с. 943-944]. Попечительства обязаны были отслеживать изменения, которые могли произойти в составе семей военнослужащих, присутствовать при выдаче пособий.

Статьи Положения с 68 по 78-ю включительно были посвящены деятельности создаваемых попечительств. В них регламентировались выборы волостного (гминного, станичного, а в Закавказье – сельского) попечительств, которые должны были избираться волостным (гминным, станичным, а в Закавказье – сельским) сходом (сбором). Избранные таким способом попечители должны были быть возрастом не моложе 25 лет, не состоять под следствием и судом, постоянно проживать на этой территории. Наконец, они обязаны были пользоваться доверием населения и быть согласными на безвозмездное выполнение своих обязанностей по попечению (статья 68) [7, с. 944]. Деятельность волостных (гминных, станичных, а в Закавказье – сельских) попечительств должна была контролироваться земскими участковыми начальниками или соответствующими им должностными лицами (статья 69) [7, с. 944]. Министерством внутренних дел была разработана специальная инструкция, согласованная с Министерством финансов и государственным контролером, в которой устанавливался подробный порядок избрания попечительств, определялись их обязанности и входивших в них должностных лиц, осуществлявших контроль (статья 70) [7, с. 944].

Статья 71 устанавливала двухнедельный срок с момента объявления мобилизации для проведения обследования семей военнослужащих в городской и сельской местности, а статья 72 уполномочивала уездный съезд или соответствующее ему учреждение окончательно устанавливать размеры пособий каждой семье на основании проведенных обследований. Полученные данные сообщались губернскому (областному) присутствию для сообщения о размере необходимого кредита казенной палате [7, с. 944].

В случаях, когда была установлена неполнота или запутанность предоставленных данных, уездный съезд или соответствующие ему учреждения обязаны были немедленно возвращать эти сведения для необходимого дополнения и исправления (статья 73), а возникавшие жалобы на принятые постановления передавать в месячный срок в губернское присутствие: «Определения губернских присутствий по делам сего рода признаются окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежат» [7, с. 944].

В статье 75 было определено, что деньги, предназначенные для выдачи одновременно по всему уезду, с входящими в его черту городами, казённой палатой должны были переводиться в уездное казначейство, после чего выдаваться под расписку волостному старшине (гминному войту, станичному атаману, в Закавказье – сельскому старшине), а в городе – члену городской управы (городскому старосте). Порядок выдачи пайковых средств и отчётность по расходам определялись особыми инструкциями от Министерства внутренних дел [7, с. 944-945]. В соответствии с первоначально введенным правилом, которое впоследствии было изменено, пособия должны были в сельской местности выдаваться на три месяца вперед, т. е. четыре раза в год (в марте, июне, сентябре и декабре), а в городах – ежемесячно (статья 76) [7, с. 945]. Волостные и городские попечительства обязаны были осуществлять постоянное наблюдение за изменением личного состава семей, получавших пособие (статья 77). Правильно выданное от казны пособие не подлежало возврату даже в том случае, если до истечения срока, на который оно было выдано, произошли изменения в составе членов семьи призванного или было утрачено право на него. Исключением являлись случаи, когда для получения пайка были предприняты какие-либо обманные действия.

Необходимые побочные расходы (канцелярские, разъездные) возлагались на счет местных средств (статья 78). Статья 79 определяла сроки осуществления государственной помощи. Для большинства этот срок определялся возвращением с воинской службы. В случаях назначения пенсии самому военнослужащему из-за потери им трудоспособности, а также вдовам, сиротам убитых на войне рядовых или без вести пропавших. Наконец,

«во всех вообще случаях – не далее истечения годового срока со дня объявления Высочайшего повеления о приведении на мирное положение или о расформировании подлежащих частей, либо о роспуске государственного ополчения или военных дружин» [7, с. 945]. Статьи 80 и 81 определяли возможность сохранения за призваными из запаса на действительную службу вольнонаемными служащими всего или частичного денежного содержания, которое поступало в распоряжение их семей, на этом основании лишавшихся права на продовольственное пособие [7, с. 945].

Последняя, 82 статья Положения, гласила: «Наблюдение за своевременным и надлежащим признанием нуждающихся семейств нижних чинов принадлежит губернаторам, начальникам областей и градоначальникам, которые, в случае неисполнения подчиненными им должностными лицами или органами общественного управления возложенных на них настоящим Положением обязанностей, принимают предоставленные им законом меры» [7, с. 945].

Одновременно с приобретением новым законодательством некоторых черт, которые можно отнести к достоинствам, с началом войны проявились и существенные недостатки. Возложив расходы по признанию семей запасных всецело на казну, функции реализации закона также были поручены органам местной администрации (уездным съездам и губернским присутствиям), исключив участие в этом деле земств.

Закон 1912 г. ограничил помочь семьям призванных на действительную службу, исключив право на получение квартирного пособия с отоплением. Именно такой вид поддержки получил в годы войны с Японией широкое применение в городах. В сельской же местности квартирные пособия выдавались лишь в редких случаях. В своем большинстве там практиковалась натуральная помощь семьям воинов в обработке и уборке полей, подвозе дров и т. п. [10]

Министерство внутренних дел, как это следует из телеграммы министра на имя московского градоначальника от 3 августа 1914 г., считало паёк далеко недостаточным для удовлетворения минимальных потребностей «семей запасных»: «Казенным пособием не исчерпываются, – сказано в телеграмме, – разнообразные нужды, которые могут встретить семьи призванных на войну, особенно в городах, где неизбежно возникает вопрос об обеспечении этих семейств кровом, отоплением и одеждой, не говоря о других видах помощи» [11, с. 558-565]. Участие земств в этих условиях превращалось в необходимый элемент проводимой социальной политики. В состав губернского присутствия входили члены губернской земской и го-

родской управ, а особые уездные и городские попечительства стали осуществлять обязанности уездного съезда.

Важно определить место закона 25 июня 1912 г. в системе российского законодательства. Устав о пенсиях, предусматривал обеспечение чиновника и его семьи материальной поддержкой государства за выслугу лет и не учитывал материального положения и трудоспособности претендента на это пособие. В случаях потери трудоспособности или смерти на войне нижних воинских чинов по закону от 25 июня 1912 г. предусматривалась пенсия: «а) нижние чины и казаки, потерявшие трудоспособность от ран иувечий, полученных на войне, имеют право на пенсии из казны, в зависимости от степени повреждений, от 216 руб. в год и ниже. Эти пенсии для чинов унтер-офицерских званий повышаются на 10%, а для сверхсрочнослужащих, пробывших на сверхсрочной службе не менее 5 лет, на 20%; б) вдовам и не достигшим семнадцати лет от роду круглым сиротам нижних чинов, погибших на войне в боях или умерших от ран и болезней, назначаются пенсии в размерах от 84 до 48 руб. в год, и сиротам: одному – половина оклада матери, двум – три четверти и трём – полный оклад матери» [12, л. 29]. Опять же трудоспособность и материальное благополучие в расчет не брались.

Устав об общественном призрении был принят в России еще в 1857 г. Он был направлен на социальную поддержку малоимущего населения, ставил задачу смягчения нищеты, возникавшей от несовершенства общественных отношений, сложившихся в государстве. Документ предусматривал оказание благотворительной помощи, на которую могли претендовать неимущие слои населения, но их материальное положение не давало гарантии получения такой поддержки. Помощь можно было ожидать лишь как акт общественного милосердия.

Размещение законодательных мер 25 июня 1912 г. в Уставе о воинской повинности в качестве особого Приложения предусматривало обязанность государства оказывать поддержку семьям тех, кто жертвовал собой при защите Отечества, определял право отправившихся на фронт на эту поддержку. Этому фактору придавалось огромное значение на фронте и Верховный главнокомандующий 20 августа 1914 г. высказал желание о широком оповещении «всех нижних чинов армии, как и чем именно обеспечивается в военное время от казны семья каждого нижнего чина» [12, л. 4].

В начале Первой мировой войны выписка из закона 25 июня 1912 г. о государственной поддержке семей нижних чинов в виде приказа по военному ведомству за № 448 и за подписью военного министра

В. А. Сухомлинова была прочитана «во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях, командах и на сборных пунктах уездных воинских начальников в присутствии нижних чинов запаса и ратников ополчения» [12, л. 6]. «В годы Первой мировой войны общественное мнение играло важнейшую и в известной степени беспримерную роль в сравнении с предшествующими периодами. Сформировавшийся тогда новый тип военной мобилизации требовал участия в военных событиях не только армии, но и различных общественных сил, олицетворявших целостность и единство национальных интересов» [13, с. 37].

Однако необходимо согласиться со справедливым утверждением Л. А. Булгаковой о том, что «назначением в военное время женам и детям воинов, независимо от их имущественного положения, государственного пособия – пайка, нарушался один из основных принципов рациональной филантропии, требующей индивидуализации признания и оказания помощи по мере нужды и с разбором. Фактически такое "признание" было равносильно пенсии» [14, с. 431]. Она также подчеркнула, что уравнительный подход к признанию солдатских семей был вызван негативными результатами проводимой в этом направлении политики в период русско-японской войны. Тогда, как уже отмечалось, из-за невозможности более-менее тщательного семейного обследования решение о назначении пособий было отдано на откуп волостным старшинам, становым приставам и чинам местной полиции, которые делали это по своему разумению, зачастую пренебрегая интересами призванных [14, с. 431]. Не избежал этих недостатков и новый закон 25 июня 1912 г.

Список источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 49 (1874). Часть 1. № 52982.
2. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503.
3. Есиков С.А., Мягкоход Л.Т., Щербинин П.П. Оказание помощи солдатским семьям в Тамбовской губернии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках: Сб. статей междунар. науч. конф. / Под ред. О.М. Ярцевой. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. С. 19-21.
4. Временные правила 25 июня 1877 года и закон 25 июня 1912 года по признанию семей запасных и ратников государственного ополчения // Признание и благотворительность в России. Пг., 1914. Август-сентябрь. Стлб. 637.
5. Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рас-

смотрения вопроса о задачах земства в деле признания семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914.

6. Фаворисов Е. В. Признание семейств нижних чинов, призванных в военное время на действительную службу (1874–1912 гг.) // Молодой ученый. 2010. № 9 (20). С. 217-223.

7. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507.

8. Сборник постановлений Галичского уездного земского собрания. Чрезвычайного заседания 8 августа 1914 г. Кострома, 1915. 19 с.

9. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. 1913. Ст. 2164.

10. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату 29 августа 1914 г. О порядке приведения в действие закона 25 июля 1912 года, в части, касающейся признания семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу // Признание и благотворительность в России. Пг., 1914. Август-сентябрь. Стлб. 641-642.

11. Из доклада председателя городского комитета по оказанию помощи семьям призванных на действительную службу и лицам, прибывающим из района военных действий, С. В. Бахрушина в Особый комитет е. и. в. в. кн. Елизаветы Фёдоровны с предложением объединить усилия комитетов для оказания более действенной помощи лицам, пострадавшим от войны. 29 августа 1914 г. // Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы / Главное архивное управление города Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы»; Сост. Н. В. Антонова, А. С. Балакирев, Е. В. Иванова, Н. А. Филаткина, В. А. Шевченко. М., 2014. С. 564. 1104 с.

12. О признании семейств нижних чинов, призванных из запаса // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 836.

13. Блохин В.Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914–1917 годов // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Материалы всероссийской научной конференции «Печать и цензура в истории России». Научный редактор В.Ф. Блохин. Брянск, 2016. С. 37-60.

14. Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века : материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 429-493.

A. D. Grudina

MILITARY CHARTER 1874 AND THE LAWS OF JUNE 25, 1877 and 1912 ABOUT PUBLIC BENEFITS FOR LOWER RANGE FAMILIES, WHO HAD GONE TO HIKE

Annotation: The article is devoted to the issue of the state system of measures of social support for families of soldiers who were on the front during the World War I. It is em-

phasized that the social policy of the state was aimed primarily at families left without breadwinners, but the organization of material support conflicted with departmental interests. It is raised the question of the effectiveness of government measures. The novelty of the research is seen in the fact that, on the basis of a whole complex of sources, including those entered for the first time in scientific circulation, are illustrated the features of the formation of state social policy on the eve of the World War I.

Keywords: laws of the Russian Empire, World War I, laws on social assistance to families of servicemen , ration.

Сведения об авторе

Грудина Алексей Дмитриевич, аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, grudina_81@mail.ru.

Grudina Alexey Dmitrievich, post-graduate student of the Chair of the National History, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail grudina_81@mail.ru.

ГОРОДСКИЕ САДЫ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Е. С. Фишер

Брянский государственный университет

Аннотация: в статье на основе исторических источников, а именно периодической печати Орловской губернии, которая остается недостаточно изученной и в настоящее время, предпринята попытка выявить отдельные составляющие городской провинциальной повседневности периода Первой мировой войны. Определены некоторые аспекты деятельности городских садов в довоенное время и после начала военных действий, прослежена специфика их трансформации. Изданиями, которые стали основой для написания статьи, явились: «Орловские губернские ведомости», «Орловский вестник», «Орловский край», «Орел». Использованы некоторые архивные материалы.

Ключевые слова: провинция, повседневность, Первая мировая война, периодическая печать, городской сад.

Тема повседневности занимает важное место как в отечественной, так и зарубежной историографии XX в., путь к которой проложила известная историческая школа «Анналов» [1]. Предназначение истории, по убеждению ее основателей, заключалось не в простом описании событий, не в беззаботном повествовании о них, а в проникновении в глубины исторического движения, стремлении к синтезу, к охвату и объяснению всех сторон жизни общества в их единстве. Переплетение в различных историко-культурных, политico-событийных контекстах разнообразных практик воспитания, труда, функционирования властных структур, участия индивидов в общественных процессах выступают важными, а зачастую и ключевыми составляющими исторического процесса.

В настоящее время большое число историков говорят о пользе истории «снизу». Такое обращение к повседневности является переосмыслением экономических, культурных и социальных процессов по отношению к

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губерний. 1915-1917 гг.) № 17-21-01010-ОГН.

конкретной ситуации и позволяет по-иному рассматривать происходящие в обществе события и процессы.

В отечественной историографии основу этого направления в истории продолжали Б. А. Романов [2], А. Я. Гуревич [3], Л. П. Репина [4]. В центре внимания их исследований – история быта, т. е. та среда, в условиях которой проходило удовлетворение потребностей человека в еде, жилище, развлечениях и т. д., история событийная, которая влияла на повседневное поведение людей и их быт, а также история ментальности, которая показывает нам переживания, страхи и радости, образ мыслей людей, их идеалы и реакцию на принимаемые законы и существовавшие правила в обществе.

К проблемам повседневности на региональном материале Орловской губернии обращались в своих работах С. В. Букалова [5], И. В. Алферова, В. Ф. Блохин [6]. В том числе исследователи интерпретировали отдельные аспекты повседневности российской провинции в период Первой мировой войны [7, 8].

В представленной статье на основе исторических источников, главным образом периодической печати Орловской губернии, мы постарались выявить некоторые составляющие городской среды Орловской губернии, специфика трансформации которой в годы Первой мировой войны практически не рассматривалась исследователями.

Основными изданиями, которые стали основой для написания статьи, явились «Орловские губернские ведомости», «Орловский вестник», «Орловский край» и «Орел».

Провинциальные газеты на первых полосах размещали, прежде всего, информацию, полученную из официальных источников: освещали ход военных действий на Восточном фронте, успехи и неудачи союзников, события внутриполитической российской жизни. «Орловские губернские ведомости», по-прежнему печатали распоряжения верховной власти, губернатора и местной администрации. Кроме этого отдельные стороны «бытования» населения губернии находили отражение на страницах местной периодической печати, что предоставляет возможность реконструировать повседневную жизнь региона, которая с неизбежностью трансформировалась под влиянием военных реалий, сохраняя при этом свою специфику.

В большинстве городов вся «жизнь» традиционно тяготела к его центру – главной площади и примыкавшим к ней улицам, которые были местами массового скопления людей. Здесь обычно размещались дворянские и общественные собрания, городской сад и театр, нередко музеи, рынки и различные лавки. Такие «центры» городской жизни были как в губернских

городах, так и в самых маленьких селениях. Города Орловской губернии не были исключением.

Орловский публичный городской сад был заложен в 1822 г. по инициативе тогдашнего губернатора Н. И. Шредера на левом берегу реки Оки и традиционно назывался («Шредерский сад».)

Место для устройства сада было выбрано не случайно: напротив находилось здание «присутственных мест», рядом размещался губернаторский дом и возвышался главный кафедральный Петропавловский собор Орла. Чуть позже в непосредственной близости от городского сада было построено здание дворянского собрания. Таким образом, «Шредерский сад», действительно, находился в центре административной и культурной жизни города. «Не знаю, есть ли еще где в провинции такое любопытное место, как наш городской сад, он принадлежность только города Орла, – констатировал Л. Д. Андреев в одном из своих писем. – Бывал я в разных городах, но подобного учреждения не встречал. Коротко говоря, сад наш представляется единственным местом, где сосредотачивается Орловская общественная жизнь» [9].

К началу XX в. городской сад оброс беседками, эстрадами, скамейками, кофейней и пр. Изначально он был разделен на две части: общественную – бесплатную и «аристократичную» – платную. Сад уже не содержался за счет городской казны, а сдавался Орловской городской управой в аренду предпринимателям, которые предлагали наивысшую арендную плату с выгодными условиями эксплуатации обеих частей сада, а также устраивали за свой счет летний театр [10, № 159, 20 июля]. Накануне Первой мировой войны городской сад сдавался «Орловскому обществу для устройства народных развлечений» [10, № 159, 20 июля]. Одним из условий сдачи было наличие в обеих частях оркестра, музыки и других развлечений.

Помимо «Шредерского сада» в губернском Орле популярными местами отдыха населения были «Сад Орловского семейного собрания», сады «Купеческий» и «Витебский», в уездном Брянске – «Сад народной трезвости» и др. Помимо гуляний, фейерверков, лотерей в сады для привлечения публики приглашали артистов различных жанров, в том числе и оперных исполнителей. Так, в саду «Орловского семейного собрания» давались оперные спектакли, например, исполнялись сцены из оперы «Кармен» [10, № 159, 20 июля]. В Брянске в «Саду народной трезвости» проводилась систематическая антиалкогольная пропаганда, спектакли, беседы, доклады, с которыми выступали работники городской думы и управы, медики, учителя, молодежь. В пропаганду включалось брянское духовенство. «Сад

трезвости» был доступен всем. Вход туда был свободный, в то время как в «Сад общественного собрания» допуск публики ограничивался.

«Обязательные постановления», изданные по причине введенного в Орловской губернии «Положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия» запрещали «всякого рода сходбища и собрания для совещания и действий, противных государственному порядку и общественному спокойствию, а также всякого рода уличные демонстрации и манифестации» [11, № 56, 26 июля]. Однако, несмотря на «обязательные постановления» городской сад продолжал действовать, но содержание устраиваемых там мероприятий стало видоизменяться.

Так, например, правление Пятницкой вольно-пожарной дружины города устроило в городском саду гуляние, сбор от которого поступил в ее распоряжение, причем одна часть дохода пополнила фонд дружины, а вторая предназначалась на раздачу семьям нижних чинов, призванных с началом войны [10, № 159, 20 июля]. В саду Купеческого собрания прошло большое гуляние, весь сбор от которого поступил в Орловский дамский комитет, который в свою очередь также оказывал помощь семьям призванных [10, № 167, 29 июля].

В целом развлекательных представлений стало заметно меньше. В виде исключения в газетах упоминался «Витебский сад», находившийся недалеко от вокзала, в котором некий Горячkin демонстрировал номер «Человек-аквариум», «проделывал всевозможные феноменальные номера на сцене при участии жюри из публики» [10, № 195, 31 августа].

С началом войны и появления «обязательных постановлений» городские власти стали строже относиться к поддержанию общественного порядка в городских садах. Так, еще накануне войны в газете «Орел» появилась критическая заметка о работе «Витебского сада», в которой он характеризовался как «притон всяческого разврата». «Одна из матерей», по словам автора заметки, жаловалась на то, что «дети раньше на праздники ходили в церковь, а теперь бежали к Витебскому саду, чтобы посмотреть через щелки забора, как безобразничали разные "Маруси", "Женюши", и разные бесстыдницы» [12, № 50, 10 июля]. Подобная ситуация, как считал автор, складывалась и в «Купеческом саду», в котором работало «Кабаре». «Каждый день в саду собирались люди разных возрастов и полов, в формах разных ведомств, даже военного, пестрили и тужурки высших учебных заведений, – сокрушался автор [12, № 50, 10 июля]. Особое внимание полиции привлекала в связи с подобными явлениями и бесплатная часть «Шредерского сада» [12, № 47, 29 июля].

Часы работы городских садов стали ограничиваться. Так, губернатором было объявлено о прекращении музыки и других увеселений в городских и клубных садах города Брянска и их закрытии в 10 часов вечера, за исключением зимних электротеатров и возможных спектаклей, а также концертов приезжих гастролирующих групп. Представления, которые устраивались в закрытых помещениях, должны были заканчиваться не позднее 11 часов вечера [13, с. 199].

Особые правила посещения мест массовых развлечений были установлены для военнослужащих и учащихся военных школ. Тем более, что в газетах стали появляться сообщения о большом количестве нижних чинов, которые вплоть до позднего вечера гуляли по улицам губернских городов без знаков отличия. Так, воспитанникам кадетских корпусов и военных школ, юнкерам и всем нижним чинам разрешалось посещать театры при садах «Общественного собрания и трезвости». Однако они не имели права гулять по саду, заходить в буфет и курительные комнаты, а по окончанию спектакля должны были покинуть сад [14, ф. 52, оп. 1, д. 47, л. 73].

После того как молодой офицер, проигравший в карты большую сумму денег в одном из общественных собраний, покончил жизнь самоубийством, офицерам, врачам и чиновникам на период войны было запрещено играть в карты в офицерских собраниях, клубах и буфетах [15, л. 537].

Продолжавшаяся война заметно изменила привычную среду городских садов губернии. По заведенному порядку они официально начинали работать 1 мая. Однако в 1916 году к назначенному сроку публичный городской сад Орла не был приведен в должный вид главным образом по причине того, что большинство построек, располагавшихся на территории сада, были заняты под размещение нижних чинов [16, № 24, 22 апреля]. «Городской сад ныне пребывает в очень плачевном виде», – сообщалось в газете «Орловский край» накануне его открытия. – Поломанные скамейки, сор, грязные постройки, всюду сушится белье, поэтому приходится удивляться, зачем ворота его растворены так гостеприимно для входа публике. Нам кажется, что пока сад отдан для жилья и общество для устройства народных развлечений, взявшее в аренду сад, не приведет его в должный вид, не следует отворять сада и допускать проводить в нем время нянькам с детьми и учащимися» [16, № 18, 15 апреля].

Городские власти пытались изменить сложившуюся ситуацию, ходатайствовали о скорейшем очищении построек сада от квартирующих там солдат и о назначении комиссии для выяснения и определения убытков, причиненных садовым постройкам постоеем нижних чинов [16, № 19, 16

апреля]. Тем не менее, благоустройством сада пришлось заниматься и после его открытия.

Еще одним веянием военного времени стало появление девушки-кассиры у входа в городской сад (до войны должность кассира традиционно занимали мужчины). В связи с их неопытностью недовольным посетителям приходилось по вечерам простоять по полчаса в очереди.

Подорожание продуктов питания и дефицит некоторых из них отразились и на ценах в буфетах городских садов в 1916 г. В то же время, несмотря на неудобства сад по-прежнему охотно посещали местные жители. Так, например, сбор от входных билетов только за один день в июне 1916 г. составил 835 рублей, т. е. сад посетило четыре тысячи человек.

К лету 1916 г. в публичном городском саду Орла был снят забор, разделявший платную часть от бесплатной. Сад стал полностью доступен для бесплатного посещения населением три дня в неделю. Остальные четыре дня плата состояла из одной копейки за вход и 10 копеек военного сбора. Вход «дамам сомнительного поведения» не разрешался, в кинотеатре показывали картины патриотического содержания, запрещалось исполнение легкомысленных музыкальных произведений. За порядком наблюдали члены «Общества разумных развлечений». Так, в печати упоминаются фамилии Казанский, Басов и др. в работе проявилось взаимодействие городской управы и общества разумных развлечений [12, № 27, 12 июня].

Список источников и литературы

1. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 5-7.
2. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Ломоносов, 2013. 228 с.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» М.: Индрик, 1993. 327 с.
4. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже ХХ–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
5. Букалова С.В. Орловская губерния в годы I мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005.
6. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Российская провинция: повседневная жизнь второй половины XIX века (на материалах Брянского уезда) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянск, 2016. С. 4-33.

-
7. Алферова И.В. Беженцы Первой мировой войны: проблемы аккомодации на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 9-16.
8. Алферова И.В., Фишер Е.С. «Принять», «организовать», «устроить»... : беженцы в Орловской губернии (июль-август 1915 г.) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 9-18.
9. Из письма Л.Н. Андреева орловской знакомой Л.Н. Дмитриевой (Тухиной) 17 марта 1892 года / Цит. по: Власова О.П. «Орловский городской сад», 1984 года. [URL] <http://www.orelvkartinkax.ru/gorsad.htm> (Дата обращения: 7.11.2018).
10. Орловская жизнь. 1914.
11. Орловские губернские ведомости. 1914.
12. Орел. 1916.
13. Фишер Е.С. Антиалкогольная кампания в Орловской губернии в начальный период Первой мировой войны // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Выпуск IV. Брянск: Курсив, 2017. С. 198-207.
14. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 52. Оп.1. Д. 47.
15. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 4223.
16. Орловский край. 1916.

E. S. Fisher

CITY GARDENS OF ORYL PROVINCE DURING THE WORLD WAR I

Annotation: in an article based on historical sources, namely, the periodical press of the Oryol province, which remains insufficiently studied and at present, it was made the attempt to identify the individual components of the urban provincial daily life on the period of the World War I. It was identified some aspects of the activities of urban gardens in the prewar period and after the outbreak of hostilities, it was traced the specificity of their transformation. The publications that became the basis for writing the article were: "Oryol Provincial Gazette", "Orlovsky Vestnik", "Oryol Region", "Orel". It was used some archival materials.

Keywords: province, daily life, World War I, periodical press, city garden.

Сведения об авторе:

Фишер Екатерина Сергеевна – аспирант, кафедра отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fisher.keit@yandex.ru

Fisher Ekaterina Sergeevna – a postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: fisher.keit@yandex.ru

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II ОТ ПРЕСТОЛА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

О. С. Щерба

Брянский государственный университет

Аннотация: вопрос об отречении Николая II остается открытым и актуальным и сейчас. До сих пор историки спорят о подлинности документа, о том, был ли документ написан по собственному желанию Николая, или же император находился под давлением военных и представителей Государственной думы. В статье мы постараемся определить факторы, предопределившие отречение Николая II.

Ключевые слова: Февральская революция, Николай II, Государственная дума, командование русской армией, отречение, революционные потрясения.

В ходе Февральной революции 2 марта 1917 г. российский император Николай II отрекся от престола. Этому способствовала затянувшаяся Первая мировая война, которая изначально вызвала прилив патриотизма, но впоследствии приняла затяжной характер и способствовала возникновению непонимания между царем и народом. «Широко распространенное мнение о готовности русского народа умереть за "веру, царя и отчество"», оказалось иллюзорным [1, с. 11]. Главнокомандующий Западным, а затем Юго-Западным фронтами А. И. Деникин. В своих известных «Очерках русской смуты» он сокрушался: «Увы, затуманные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма» [2, с. 18].

В результате, социально-экономическое положение Российской империи ухудшилось, в городах, в том числе и в Петрограде, начались мятежи против власти.

Акт об отречении императора Николая II от престола это документ, который не только ознаменовал окончание правления династии Романовых, но и вызвал немало вопросов, касающихся достоверности акта, его законности, причин его написания. В качестве внешних факторов, способствующих подписанию отречения, следует выделить, прежде всего, резкое обострение социально-политической ситуации в Петрограде в феврале 1917 г., неспособность правительства контролировать положение в столи-

це, идеи о введении конституционной монархии, требование председателя Государственной думы М. В. Родзянко отречься от власти ради прекращения народных волнений в условиях участия России в войне, поддержка командующих фронтами позиции М. В. Родзянко.

В данной статье мы постараемся определить ряд факторов отречения Николая II на основе документов, которые могут хотя бы в некоторой степени раскрыть новые аспекты этого важного для истории России события.

Вопрос о причинах и факторах отречения Николая поднимали в своих исследованиях О. А. Платонов, В. М. Пронин [3], С. С. Ольденбург [4] и др. Так, О. А. Платонов отмечал, что Николай принял такое решение в надежде на то, что те, кто пожелал его отречения смогут довести войну до победного конца и спасти Россию. Николай боялся, что его сопротивление послужит поводом к гражданской войне. Таким образом, по мнению историка, Николай отрекся ради спасения России [5, с. 475].

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко 26 февраля в телеграмме Николаю описал события, происходившие в Петрограде. По его словам, народные волнения приобрели угрожающие размеры, и основой их был недостаток печного хлеба и муки, а также недоверие к власти. Люди не верили, что император сможет вывести страну из тяжелого положения [6, д. 2089, л. 1].

В. В. Шульгин, русский политический и общественный деятель, непосредственный свидетель подписания Николаем отречения, в своей книге «Дни», посвященной событиям Февральской революции, подчеркивал: «Но дело было, конечно, не в хлебе... Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала...» [7, с. 133].

Ухудшились отношения между властью и Думой вызванные разногласиями в проведении реформ. Дума требовала создания правительства, ответственного перед не, а не перед царем, но Николай II был против этого.

Император вначале не придавал большого значения событиям в Петрограде, но 27 февраля, когда волнения достигли больших размеров, Николай II отправил войска генерала Н. И. Иванова для наведения порядка, но они были задержаны.

Николай II 28 февраля решил вернуться в Царское село, но этому помешали восставшие, и 1 марта ему пришлось остановиться в Пскове.

Командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский предложил единственный способ ликвидировать восстание – создать правительство,

ответственное перед Думой. Однако Николай II все еще не решался на это, заявив: «Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело...» [8, с. 110].

Результатом явилось то, что утром 2 марта председатель Думы М. В. Родзянко сообщил, что теперь сохранить династию возможно только при условии передачи власти наследнику Алексею при регентстве младшего брата Николая II – Михаила. Оказавшись в таком положении, император поручил запросить по телеграфу мнение командующих фронтами.

Всем командующим фронтами, кроме Северного, начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев составил и отправил телеграмму, в которой сообщил, что одержать победу в войне можно только при том условии, если Николай подпишет отречение от престола в пользу сына при регентстве брата Михаила. Как отмечал Г. М. Катков, текст телеграммы М. В. Алексеева был составлен таким образом, что у генералов не оставалось другого выбора, как согласиться с необходимостью отречения. В ней говорилось, что если командующие фронтами разделяют взгляд М. В. Алексеева и М. В. Родзянко, то им следует «телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству» об отречении. При этом ничего не упоминалось о том, что следует делать, если они этого взгляда не разделяют. От адресатов требовалось дать ответ как можно быстрее: «Время не терпит, дорога каждая минута, иного исхода нет» [9, с. 68].

Вскоре начали поступать ответы от командующих фронтами. Дядя императора, великий князь Н. Н. Романов, командующий Кавказским фронтом в своей телеграмме «коленопреклонённо молит» Николая II отречься от престола и тем самым спасти Россию и наследника. Другого выхода он не видел [6, д. 2102, л. 1-2].

Командующий Западным фронтом генерал-адъютант А. Е. Эверт заявил, что армия не в силах подавить внутренние беспорядки, и главная ее задача – спасти Россию от порабощения злейшим врагом. Но чтобы добиться победы, необходимо подавить волнения, а единственный путь к этому – отречение Николая. Сделав этот шаг, Николай сможет спасти и родину и династию [6, д. 2102, л. 1-2].

Командующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант А. А. Брусилов также считал самым главным победу над врагом, без которой Россия пропадет. Единственное, что может спасти положение – отречение Николая в пользу наследника при регентстве Великого князя Михаила Александровича [6, д. 2102, л. 1-2].

Генерал К. В. Сахаров, обозвав Государственную думу предательской «разбойной кучкой людей», все равно дает такой ответ: «Рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом, является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний» [6, д. 2102, л. 1-3].

На вопрос о желательности отречения положительно высказался и командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин, он сам отоспал телеграмму и просил Николая не медлить с решением, хоть М. В. Алексеев и не запрашивал мнения адмиралов. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак предпочел не излагать свое мнение [10, с. 140]. Таким образом, практически все генералы поддержали позицию М. В. Родзянко и выступили за отречение Николая.

Получив ответы командующих, император принял решение отречься от престола в пользу сына при регентстве брата великого князя Михаила Александровича. Вот текст телеграммы с сообщением об этом: «Нет той жертвы, которую я бы не принес бы во имя действительного блага для спасения родимой матушки России. Поэтому я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы оставался при мне до совершеннолетия при регентстве брата моего, Великого Князя Михаила Александровича» [11, д. 1488, л. 39]. Однако после разговора с лечащим врачом мальчика, который подтвердил, что болезнь Алексея неизлечима, император поменял свое решение и отрекся за себя и за своего сына.

Из воспоминаний очевидцев следует, что голос и поведение Николая II в этот момент отличались спокойствием. В. В. Шульгин так описывал этот критический момент: «Голос его звучал спокойно, просто и точно. – Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца... Последнюю фразу он сказал тише... К этому мы не были готовы» [7, с. 241].

Николай II в полночь подписал карандашом новый текст отречения. Время, указанное в нем, – 15 часов, соответствовало не фактическому подписанию, а времени, когда Николаем II было принято решение об отречении.

В подписанном акте об отречении говорилось: «...Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу» [12, д. 25, л. 9-10].

В. В. Шульгин отмечал: «Так благородны были эти прощальные слова... И так почувствовалось, что он так же, как и мы, а может быть, гораздо больше, любит Россию...» [7, с. 247].

Дворцовый комендант В. Н. Войков констатировал, что после такого тяжёлого дня Николай, который всегда отличался самообладанием, не смог сдержаться: «он обнял меня и зарыдал... Сердце моё разрывалось на части при виде столь незаслуженных страданий, выпавших на долю благороднейшего и добрейшего из царей» [13, с. 249].

После этих событий император записал в дневник: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!» [14, с. 296].

Следует отметить, что заявление Николая о передаче престола Великому князю Михаилу Александровичу привело к новой проблеме. Во-первых, народ не сможет адекватно среагировать на воцарение Михаила в обход законного наследника, Алексея Николаевича. А во-вторых, Михаил имел нехорошую репутацию: он, несмотря на запрет Николая, женился на Наталье Брасовой, у которой за плечами было 2 брака. В конечном счете, уже имея общего ребенка, Михаил с Натальей заключили морганатический брак, вызвавший скандал.

Было решено повременить с публикацией отречения Николая, о чем свидетельствуют переговоры по аппарату связи генерала Н. В. Рузского с М. В. Родзянко и князем Г. Е Львовым [11, д. 1488, л. 54]. М. В. Родзянко в время этих переговоров заявил: «Провозглашение императором Великого Князя Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить» [11, д. 1488, л. 54]. Таким образом, воцарение Михаила неизбежно привело бы к новым революционным потрясениям, гражданской войне и поражениям на фронтах.

Михаил Александрович ничего не знал о событиях в Пскове до того как ему ранним утром 3 марта не позвонил А. Ф. Керенский с просьбой принять утром членов Кабинета. Поздним утром деятели нового Кабинета и Временного комитета Государственной думы собрались у претендента на престол. После совещания Михаил решил, что хочет отказаться от императорской власти. В акте отречения он заявил, что мог бы взять власть только по воле народа, выраженной Учредительным собранием, а пока

призвал всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству [6, д. 2100 а, л. 7].

По поводу подписанного великим князем Михаилом акта об отказе от власти Николай II записал в дневнике: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше» [14, с. 296].

Монархия в России перестала существовать.

Причины отречения ясно указаны в самом акте. Николай II вынужден был пойти на такой шаг из-за восстаний, вспыхнувших в России. Внутренние волнения не давали возможности стране объединиться и собрать свои силы для борьбы с врагом и довести войну до победного конца, а Николай уже не пользовался авторитетом среди своих подданных. Из телеграфной переписки Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале-марте 1917 г. следовало: «В народе глубокое сознание, что положение создалось ошибками власти, а именно верховной власти, и потому нужен какой-нибудь акт, который воздействовал бы на сознание народное. Единственный путь – это передать бремя верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию...» [15].

Николай был поставлен перед фактом, что ради спасения Родины и доведения войны до победного конца, ему надо отречься от престола, поэтому он пошел на уступки и подписал этот акт. «Неужели это правда! Да, мне изменили все. Мне объявили, что в Петрограде анархия и бунт и я решил ехать: не в Петроград, а в Царское Село и с Николаевской дороги свернуть на Псков, но дорога туда уже была прервана, я решил вернуться на фронт, но и туда дорога оказалась прерванной... И вот один, без близкого советника, лишенный свободы, как пойманный преступник, я подписал акт отречения от престола и за себя и за наследника сына. Я решил, что если это нужно для блага родины, я готов на все. Семью мою жаль!» [16, с. 23], – так передал размышления Николая его духовник, протоиерей А. И. Беляев.

Подписывая акт о своем отречении, Николай и его окружение рассчитывали на сохранение монархического строя в России. Все командующие фронтами поддержали акт отречения, но это не был заговор военных против монархии, они не думали, что из-за этого отречения монархия рухнет. Генералы оказались в сложной ситуации: в армии не хватало оружия, боеприпасов и продовольствия, доставка которых была затруднена из-за захвата восставшими железнодорожных путей. Народ же не хотел воевать, росло недовольство в столице, сол-

даты не подчинялись офицерам. Командующие фронтами опасались, что начнется восстание и тогда ни о какой победе не могло бы идти и речи и их поддержка требования отречения свидетельствует о катастрофической обстановке, сложившейся в этот момент в России.

Сегодня подлинность этого документа подвергается сомнению. Многие считают, что Николай не мог отречься за своего сына, потому что это запрещал акт о престолонаследии Павла I. Но в России была самодержавная монархия. Самодержец – источник закона, поэтому отречение было полностью в его прерогативе. Помимо этого стоит учесть факт, что в тот момент у Николая и его окружения не было времени и возможности советоваться с юристами, обсуждать правомерность решения, списываться с Михаилом. На счету была каждая минута, ведь столица империи находилась на грани революции, поэтому императору пришлось подписывать отречение не в Петрограде, а в вагоне поезда, находившегося в Пскове.

Отрекаясь за своего сына, Николай не исходил исключительно из отцовских соображений. Известно, что изначально император хотел передать свою власть сыну, но посовещавшись с хирургом, последний сказал, что наследник очень болен и может умереть в любую минуту. Поэтому Николай не смог передать престол в руки смертельно больному ребенку, и понимая, что сильного монарха из мальчика все равно не получится, он передал престол своему брату Михаилу.

Важную роль сыграли резко изменявшиеся политические обстоятельства в чрезвычайно короткий срок, отведенный для принятия решения, на причину отречения повлияли и личные качества и позиция Николая II, желавшего предотвращения гражданской войны, переживавшего за будущее России.

Список источников и литературы

1. Алферова И.В. «Армейский вестник» и «героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7-12.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. 1. Париж, 1921. Т. 1. 200 с.
3. Пронин В.М. Последние дни Царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) Белград: Русская типография. 1929. 88 с., 2 л. портр.
4. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. В 2 томах. М.: Феникс. 1992. 672 с.
5. Платонов О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке: в 2 т. / О. А. Платонов. М.: Родник, 1997. Т. 1. 896 с.

-
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089.
7. Шульгин В.В. Дни. Россия в революции 1917. Под ред. А.М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа. 2016. 286 с.
8. Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. Новейшая история России: учебник. М.: Проспект. 2017. 480 с.
9. Красный архив. М. ; Л., 1927. Т. 2 (21).
10. Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб. «Дмитрий Буланин». 2012. 200 с.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2031. Оп. 1.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 516. Оп. 1 (I доп.).
13. Войков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат. 1995. 431 с.
14. Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. 2: Ч. 2: 1914–1918. Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.
15. Цветков В.Ж. Телеграфная переписка Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале-марте 1917. [Электронный ресурс]: <http://www.dk1868.ru/telegramm/oglavlenn.htm> (дата обращения 12.12.18).
16. Семья Романовых в марте – июле 1917 года Дневник протоиерея А. И. Беляева // Исторический архив. 1993. № 1. С. 20-44.

Olga Shcherba

Czar Nikolay The Second's demise: some aspects of the research

Annotation: the matter of Nikolay The Second's demise is still pending and essential. Even now the chronologists argue whether the document is authentic and whether it was signed by Nikolay of his own free will or under the duress of the militarists and Imperial Duma's members. In this article we will try to define the factors, which influenced Nikolay The Second and made him to demise.

Keywords: February Revolution, Nikolay The Second, Imperial Duma, officership of Russian Army, Demise, revolutionary upheavals.

Сведения об авторе

Ольга Щерба, студент, факультет истории и международных отношений Брянского государственного университета, E-mail: olya1017@gmail.com

Olga Shcherba, Bryansk State University, E-mail: olya1017@gmail.com

СССР И ЯПОНИЯ НА ОЗЕРЕ ХАСАН ЛЕТОМ 1938 г.: ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР КОНФЛИКТА

А. С. Шумилова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье дан краткий обзор развития советско-японских отношений в 1930-е гг., а также рассмотрены события, непосредственно предшествовавшие началу военного конфликта. Предпринята попытка пересмотреть традиционные взгляды советской историографии и опровергнуть ограниченность хасанских боев исключительно наличием агрессивных тотальных планов японских милитаристов.

Ключевые слова: СССР, Япония, XX век, озеро Хасан, Красная Армия.

В истории советско-японских отношений 1930-е гг. являются одним из наиболее напряженных периодов, для которого было характерно нарастание взаимных противоречий, локальные пограничные столкновения на границе и создание потенциально опасной ситуации на Дальнем Востоке.

Неоднократно отказывая Советскому Союзу в заключении пакта о ненападении, Япония 18 сентября 1931 г. напала на Маньчжурию и сформировала прояпонское марионеточное государство Маньчжоу-го. Разместив на маньчжурской территории контингенты Квантунской армии, Япония начала ориентироваться в своей политике на Германию. В итоге, 25 ноября 1936 г. был подписан Антикоминтерновский пакт, согласно условиям которого стороны обязывались не заключать политических соглашений с СССР на время действия договора [4, с. 155], а менее чем через год, Япония развязала войну с Китаем.

СССР в это время, делая выводы о бесперспективности попыток обезопасить себя на Дальнем Востоке путем укрепления отношений с Японией, обратил внимание на Китай. 21 августа 1937 г. с китайским правительством был подписан пакт о ненападении, а также Советский Союз принял на себя обязательство помогать Китаю вооружением и финансовой поддержкой в ходе его войны с Японией [6, с. 118].

Ближайшими результатами такой политики Японии и СССР стало нарастание противоречий и взаимного недоверия, локальные столкновения на государственной границе [7, с. 455], ставшие перманентными ко второй половине 1930-х гг., и, как следствие, появление очагов военного

противостояния, одним из которых стала территория вокруг оз. Хасан летом 1938 г. [5, с. 421-422].

Формально причиной развязывания военных действий стало занятие 9 июля советской резервной заставой, усиленной станковыми пулемётами, сопки Заозерная. Япония предъявила официальный протест 15 июля, в ответ на который ей были предъявлены Хунчунские соглашения, подписанные царским правительством с Китаем в 1886 г. Согласно этим соглашениям, граница между государствами проходила по западной стороне оз. Хасан (Чанчи), достигая северной оконечности песчаной гряды [2, с. 365]. В дополнение японскому поверенному в делах Японии в СССР Ниси Харухико была предоставлена карта, составленная на основе Хунчунских соглашений [2, с. 366].

Японская сторона не была удовлетворена соглашениями, и Ниси указал, что присутствие советских войск на территории Маньчжурии и строительство укреплений не только обостряют советско-японские отношения, но и могут привести к «неприятным последствиям» [2, с. 367]. Впоследствии Ниси отмечал, что карта представляла собой черно-белую фотокопию, однако граница на ней была проведена красным [10, с. 297].

Основанием, которое позволило японским властям оспаривать заявление советских властей, являлось то, что в Хунчунских соглашениях сопки Заозёрная и Безымянная не были поименованы. Помимо этого, на этом участке давно были утрачены какие-либо столбы, проволочные или деревянные ограждения, призванные обозначить границу [8, с. 45]. Поэтому Япония настаивала на том, что линия границы (линия «А» на карте Хунчунского протокола) пересекает другие сопки таким образом, что, проводя через них пограничную линию, Заозёрная и Безымянная высоты полностью оказывались на территории Маньчжурии [8, с. 45].

Следующий разговор состоялся 20 июля между народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым и японским послом в СССР М. Сигемицу. Японская сторона требовала отвода советских войск и определения границы участка на основании данных, которыми располагают обе стороны [4, с. 163]. М. Сигемицу также отмечал, что спорный вопрос об установлении границы должен решаться на основании карт, которыми располагали бы обе стороны, однако в данный момент вопрос стоит в такой плоскости, что нужно как можно скорее восстановить спокойствие на границе. М. М. Литвинов указал на официальный статус Хунчунских соглашений и приложенных к нему карт. В дополнение к этому советская сторона указывала на то, что Япония не предоставила никаких документов в защиту своей точки зрения.

Положение осложнялось тем, что на спорном участке территории отсутствовали какие-либо демаркационные знаки. Расположение здесь стратегически значимых сопок в условиях ухудшения отношений двух стран потенциально содержало в себе опасность зарождения и эскалации конфликта.

Другим важным событием, предшествовавшим развязыванию вооруженных действий, являлась работа пограничной комиссии В. К. Блюхера, командующего Особой Дальневосточной армией, а с 1 июля 1938 г. Особым Дальневосточным фронтом. Организованная по инициативе самого В. К. Блюхера, эта комиссия выявила нарушение советскими войсками соблюдения пограничного режима: в результате ознакомления на высоте Заозёрная окоп № 1 (правый на гребне) передним краем выступал за водораздел госграницы на три метра, № 2 средний окоп передним краем совпадал с водоразделом госграницы, № 3 находился на советской территории три метра от водораздела [1, оп. 3 а. д. 1084. л. 46]. О нарушении было доложено вышестоящим лицам – И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову и Н. И. Ежову, однако выводы комиссии были отвергнуты [там же, л. 50], и до начала военных действий никаких мер не принималось.

29 июля Сузака Камэдзо, главнокомандующий 19-ой пехотной дивизии Корейской армии, самостоятельно отдал приказ о нападении на сопку Безымянная, посчитав, что подобное решение не относится к ранее отданному приказу императора об исключительно оборонительном характере действий армии на высоте Заозерная [3, с. 298]. После занятия обеих сопок и получения приказа от императора о запрете расширения конфликта (используя танки и авиацию), армия перешла в оборону [там же, с. 305]. В результате двух контратак Красной Армии удалось вернуть обе сопки, и конфликт на оз. Хасан завершился 11 августа победой Советского Союза.

Несмотря на поражение Японии, советская сторона согласилась на создание смешанной демаркационной комиссии, однако демаркация советско-маньчжурской государственной границы на данном участке проходила в соответствии с документами, предоставленными СССР [9, с. 444].

Таким образом, причины конфликта на оз. Хасан не сводятся лишь к агрессивным намерениям Японии по отторжении части советской дальневосточной территории. Япония в этот период, действительно, проводила агрессивную внешнюю политику, проявившуюся в нападении на Маньчжурию и Китай, а также с ориентацией на Третий рейх после заключения Антикоминтерновского пакта, однако попытки японских властей дипломатически уладить возникший вопрос о спорных территориях, а затем во время самого конфликта быстрый переход к обо-

ронительным действиям свидетельствует о том, что Япония не стремилась к развязыванию полномасштабной войны с Советским Союзом и её цели носили ограниченный характер.

СССР стремился защитить территории, принадлежавшие ему. Однако непримиримость позиции советских властей в вопросе о спорности Хунчунских соглашений, отрицание высшим командованием результатов пограничной комиссии В. К. Блюхера, выявившей нарушением пограничного режима советской стороной, свидетельствует о неоднозначности занимаемой Советским Союзом позиции и требует дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987 (Секретариат Председателя РВС СССР)
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол. Г.К. Деев (ответ. ред.) [и др.]. М. : Политиздат, 1977. Т. 21. 729 с.
3. *Касахара К.* Бои у озера Хасан: анализ числа и характера потерь Японии и СССР // Liberal Arts in Russia. 2017. № 4. С. 298-311.
4. *Кошкин А.А.* Россия и Япония : узлы противоречия. М. : Вече, 2010. 475 с.
5. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и Идеи. М. : Вече, 2012. 480 с.
6. *Славинский Б.Н.* Россия и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945. М. : ЗАО «Япония сегодня», 1999. 540 с.
7. *Черевко К.Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США : (2-я половина XVII – начало XXI века). М. : Институт русской цивилизации. 2010. 682 с.
8. *Черевко К.Е.* Семь десятилетий тому назад на Хасане и Халхин-Голе // Мир и политика. 2009. № 7 (34). С. 47-52.
9. *Шишов А.В.* Россия и Япония : История военных конфликтов. М. : Вече, 2000. 572 с.
10. *Cook D.A.* The anatomy of a small war : The Soviet-Japanese struggle for Changkufeng/Khasan, 1938. 409 p.

A. S. Shumilova

THE USSR AND JAPAN AT LAKE KHASAN IN THE SUMMER OF 1938: THE CAUSES AND THE NATURE OF THE CONFLICT

Abstract: The article provides a brief overview of the development of Soviet-Japanese relations in the 1930s, and also describes the events preceding the

beginning of the military conflict. The attempt was made to review narrowness of the military conflict only the existence of aggressive plans of Japanese militarists and to reconsider the positions of the both countries.

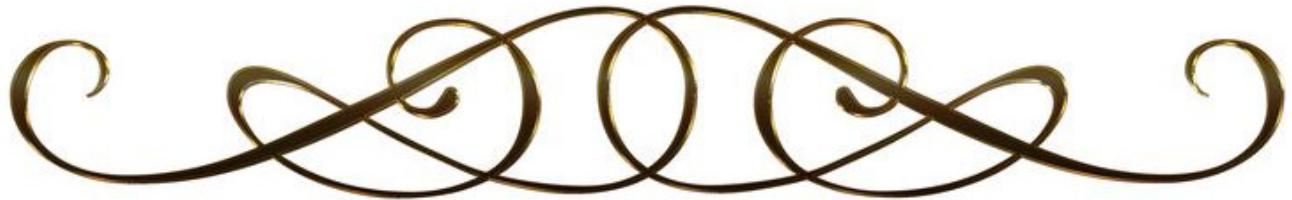
Keywords: the USSR, Japan, XX century, Lake Khasan, the Red Army.

Сведения об авторе

Шумилова Арина Сергеевна, бакалавр, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: shumilova97@mail.ru

Shumilova Arina Sergeevna, bachelor, Institute of the history, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: shumilova97@mail.ru

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

СОВРЕМЕННИКИ И ПОТОМКИ О МАСТЕРСТВЕ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА А. Л. ШАПИРО

Рецензия на сборник «Историческое исследование и повествование»: традиции научной школы А. Л. Шапиро. Труды международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Александра Львовича Шапиро (1908–1994) / Отв.ред. Б. В. Ананьевич, Р. Ш. Ганелин, С. Г. Кащенко, А. Ю. Дворниченко, Е. В. Петров, Д. Г. Янченко и др. СПб ИИ РАН, СПбГУ. – СПб: «Издательский дом СПбГУ», 2013. 29,5 п. л.

А. В. Соловых

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в декабре 2008 г. в здании исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета состоялась международная конференция, посвящённая академическому наследию и творческому пути А. Л. Шапиро. В программу заседаний входили спорные моменты социально-экономической истории России, вопросы историографии отечественной истории, источниковедения в области военной истории России, а также проблемы, связанные с методологией исторического исследования. В состав вышедшего в 2013 г. сборника включены научные статьи участников данной конференции, которые заслуживают внимания своей научностью и многофакторным изучением заявленных тем. Данная статья включает в себя анализ публикаций сборника и размышления над преемственностью, новаторством, а также над перспектиками развития научной школы А. Л. Шапиро.

Ключевые слова: историография, Россия, источниковедение, история, научная школа.

Профессор Александр Львович Шапиро был учеником А. Е. Преснякова, заимствовал некоторые приёмы исторического исследования у своего учителя. Однако невозможно не обратить внимания на новаторский подход историка в области источниковедения и историографии. Сфера интересов профессора Ленинградского государственного университета не ограничивалась изучением крестьянского хозяйства в петровское время. Это и история морского флота России, и новые тенденции в историографии, и методология научного исследования. Под руководством А. Л. Шапиро была издана многотомная «Аграрная история Северо-Запада России» [1; 2; 3; 4]. Кроме того, советский историк издал курс лекций «Русская историография с древнейших времён до 1917 г.» [5], где изучил взгляды на события истории России не только советских, дорево-

люционных историков, но и представителей зарубежной русистики, что было сделано впервые в отечественной науке в 1982 г.

Актуальность рецензируемой работы не вызывает сомнений, поскольку А. Л. Шапиро внёс весомый вклад не только в отдельные аспекты социально-экономической истории, но и в методологию исторической науки в целом. Необходимо иметь представление о преемственности и новаторстве принципов созданной им научной школы, работы учеников которой (Б. Н. Миронова, С. Г. Кащенко, Л. В. Выскочкова и др.), как и самого её основателя, признаны не только среди отечественных исследователей, но и за рубежом.

Прежде всего, в сборнике уделено внимание психологическому портрету А. Л. Шапиро и его роли в научном мире. Р. Ш. Ганелин в статье «А. Л. Шапиро. Штрихи к портрету» [6, с. 5] справедливо отмечает связь между введением дореволюционной русской историографии в советский научный оборот Н. Л. Рубинштейном в 1941 г. и созданием историографических курсов А. Л. Шапиро. Это было, действительно, важным шагом в развитии исторической мысли в условиях фальсифицированных утверждений, связанных с наследием сталинского времени и развитием советской академической науки в изоляции. Упоминается также практика Аграрного семинара, основная идея которого заключалась в сопоставлении аграрного положения необходимых территорий на протяжении нескольких веков для изучения аграрной истории региона. Основным ресурсом такого исследования являлись массовые источники – писцовые книги, которые, в конечном итоге, должны были способствовать моделированию крестьянского бюджета и определению уровня крестьянского хозяйства. Стоит отметить, что до 1970-х гг., в условиях отсутствия электронно-вычислительных машин (ЭВМ), цифровых технологий и современных вычислительных программ, цель семинара представлялась труднодостижимой.

Если петербургские исследователи делают акцент исключительно на положительных достижениях А. Л. Шапиро в области научных изысканий, то московские историки представляют ситуацию не столь однозначно. Доктор исторических наук Г. Н. Ланской в статье «Особенности развития советской исторической науки в исследованиях А. Л. Шапиро» [6, с. 19-20] прослеживает в историографическом курсе советского историка европейскую традицию осмысления предмета российской историографии, однако отмечает мнение А. Л. Шапиро о неспособности «русских и зарубежных буржуазных историков» понять специфику Октябрьской революции 1917 г. и дальнейшего развития Советского государства. Это позволяет определить отношение историка к европейским исследованиям по истории России.

Первый раздел посвящён проблемам аграрной истории и исторической демографии России. Важным аспектом, затронутым в данном труде, являются взгляды зарубежных историков на проблемы экономического развития и «модернизации» России. Обращаясь к исследованиям в области исторической демографии, И. И. Дитрих в статье «Земство и развитие народного образования в Псковской губернии в 1905 – 1914 гг.» [6, с. 44] отмечает в качестве недостатков образования отсутствие практических навыков в обучении. Также сделан вывод об отсутствии общедоступного образования, несмотря на реализуемую правительственную программу 1908 г. Историографическому дискурсу подвергается вопрос о расширении источниковой базы исследования экономического положения России за счёт монгольских переписей, а также княжеских уставных грамот, существовавших в период обособленности древнерусских княжеств. Это замечание справедливо в условиях комплексного подхода к изучению системы сбора налогов на Руси. Более того, монгольские переписи не обусловили предпосылок возникновения российских земельных кадастров, по мнению М. Ю. Зенченко в статье «К вопросу о влиянии «монгольских переписей» на формирование русских земельных кадастров» [6, с. 63]. Следовательно, истоки образования принадлежат к более раннему периоду и имеют древнерусское происхождение.

Среди исследований советского периода стоит отметить разработку моделей миграционных и демографических процессов в СССР в послевоенный период. Однако научный интерес Ю. В. Кривошеева и В. А. Шорохова в статье «Разработка моделей миграционных и демографических процессов и трудовых ресурсов в СССР в послевоенный период (на материалах Ленинградской области)» ограничен Ленинградской областью, Республикой Карелия и Калининградской областью в силу их интенсивного заселения в обозначенных 40-х – начале 50-х годов XX в. на основе комплексного подхода к изучению материалов. Среди результатов такого подхода стоит отметить не только уточнение экономического и социально-правового положения крестьян, но и выявление нового фундаментального источника XIX в. – справочных изданий органов местной власти под названием «Памятные книги». Однако документ требует критического подхода, поскольку существуют ошибки в названиях и хронологии. Таким образом, посредством изучения массовых источников, применяя данные статистики, выявляется общая картина экономического и демографического состояния отдельных регионов России в XVIII – начале XX вв., а впоследствии и в СССР.

Второй раздел материалов конференции представляет собой размышления исследователей в области отечественной исторической науки. Затрагивается вопрос создания эмоционально окрашенных выводов о деятельности человека в историографии без подтверждения со стороны массовых источников. В частности, речь идёт о статье А. Ю. Бендиня «Интерпретация образов генерал-губернаторов М. Н. Муравьёва и В. Калиновского в современной белорусской историографии» [6, с. 190], где рассматривается оценки деятельности М. Н. Муравьёва и В. Калиновского в период национальной борьбы поляков за восстановления Речи Посполитой. Автор статьи показывает, как с помощью привлечения данных статистики развеиваются мифы этнической национальной историографии, и меняется взгляд на деятельность генерал-губернатора М. Н. Муравьёва. Более того, Ю. В. Гераськин и А. Ю. Михайловский в статье «Вопросы историографии Русской Православной Церкви в советский период» [6, с. 210] уделили внимание проблемам взаимоотношений власти и Русской Православной церкви (РПЦ) в СССР. Заметная тенденция к регионализации исследований в этой сфере позволяет уточнить детали взаимоотношений двух институтов. В дальнейшем нами предлагается выявить закономерности связей РПЦ и власти, а, впоследствии, прибегнуть к сравнительному анализу особенностей взаимодействия и построить модель существования данных систем по регионам и стране, в целом.

Необходимо обратить внимание на вопрос особенностей инакомыслия в отечественной науке. А. И. Лушин в статье «О специфике отечественного инакомыслия» [6, с. 245-246] справедливо отметил причины и обусловленность такого явления: отсутствие единства между обществом и властью в совокупности с национальными, экономическими и социальными проблемами; geopolитические факторы и внешняя угроза. Рассмотрено влияние событий 1900–1920-х годов XX в. на изменения особенностей инакомыслия уже в новом государстве с тоталитарным режимом.

Следующий раздел освещает проблематику источниковедения военной истории России, где отмечена заслуга А. Л. Шапиро в том, что впервые военно-историческое исследование по истории морского флота было удостоено докторской степени. Кроме того, профессору Шапиро удалось обнаружить новый пласт источников – «Заручные записи» 1718 г., содержащих статистические и демографические сведения в области аграрной и социально-экономической истории России. Е. М. Лыкова в статье «Полемика о задачах полковой историографии в дореволюционной периодической печати конца XIX – начала XX в.» [6, с. 302] отмечает скучность сведений о полковой историографии как вида военно-исторической литерату-

ры, проблему источников информации, одним из которых являются и периодические издания.

Представляется необходимым подчеркнуть интерес последователей А. Л. Шапиро к техническим характеристикам судов, кораблей, принимавших участие в сражениях, развитию миноносного флота, а также к деталям осады крепостей Северо-Западного региона и теме участия казачества в Северной войне. В качестве источников используются научно-техническая документация из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота, печатные сметы Морского министерства, полковые дневники и т. д. Комплексный подход к изучению большого количества источников позволяет проследить линию подчинения военных ведомств и установить истинного ответственного, «виновного» за то или иное событие. Важно учитывать то, что военные представляли себе решение проблемы, не зная заранее об исходе ситуации.

Последний аспект, рассмотренный на международной конференции, затрагивает вопросы источниковедения и методологии исследования. Авторами отмечены некоторые сложности в изучении исторических источников: особая специфика развития провинциальной печати, необходимость взаимодействия с другими дисциплинами, регионализация сведений, невозможность охвата абсолютно всех источников. Несмотря на вышеперечисленные трудности, выявлено становление библиографии костюма в России, провинциальная периодическая печать как исторический источник, междисциплинарный подход к составлению библиографических описаний и т. д.

Также одной из важных задач исследования в этой области является реконструкция датировки текста, что, несомненно, влияет на характер информационного содержания исследуемого источника. Кроме исследования источников XIX в. представлена проблема восстановления причинно-следственных связей и хода событий в конце XX в. Историческое повествование не находилось в области истории, а принадлежало к культурному аспекту или литературоведению. Л. К. Рябова в статье «Нarrатив как способ исторической презентации» [6, с. 475] проводит линию разграничения между историческим повествованием и воспроизведением фактов. Автором справедливо отмечено, что исторической науке, не связанной идеологическими доктринаами, клише и ориентированной на проникновение в массы, необходимо прибегать к историческому повествованию как к разновидности исторической презентации. Более того, Н. А. Сидоренко в статье «Современные тенденции в развитии отечественной исторической библиографии» [6, с. 494] выделяются основные особенности современной

отечественной историографии: создание сводных библиографических работ, обобщающих справочных изданий, указателей по тематике, развитие биобиблиографии, электронных библиографических баз данных.

Исследования, вошедшие в состав сборника, позволяют сделать вывод о том, что профессор А. Л. Шапиро, опубликовав курс лекций по отечественной историографии, стал преемником Н. Л. Рубинштейна в вопросах изучения отечественной историографии дореволюционного периода в условиях изоляции академической науки СССР. Кроме этого, научная школа А. Л. Шапиро впервые путём многофакторного изучения массовых источников с помощью математических и статистических методов выявляет закономерности экономических и демографических процессов российского общества в XVIII – начале XX вв. Однако необходимо заметить, что изучение данного аспекта с такими же методологическими установками не охватывает всю территорию России, а сосредотачивается, в основном, в отдельных регионах страны. К тому же, использование данных статистики, даже с учётом корреляционного анализа и комплексного подхода к изучению источников, позволяет построить общую модель процессов. Соответственно, частные случаи выпадают из области исследований. Интересно было бы рассмотреть исключения из правил той или иной модели экономических или демографических процессов. Кроме того, с учётом современных тенденций в изучении экономического и социального положения сословий, представляется актуальной перспектива изучения ментальности сословий и степени осознания их «значимости» в социальной иерархии государства.

Необходимо учитывать важность статистических данных при исследовании вопросов историографии, в частности, в оценках деятельности отдельных персоналий (взгляды на деятельность генерала Муравьёва и др.). В сфере военной истории уделяется особое внимание осадам крепостей, кораблям Военно-морского флота России и полковой историографии. Основной задачей в перспективе является реконструкция картины происшедшего и выявление основного комплекса причин событий. Более того, предполагается расширение источников базы за счёт полковых дневников и других материалов морских ведомств. Возможна систематизация военно-технической оснащённости военно-морского флота, издания библиографических справочников или фундаментального труда, охватывающего все флоты России за определённый период времени. Кроме того, требуют переоценки действия многих военных деятелей истории России с использованием психолого-личностного подхода к изучению данного вопроса.

Перспектива исследования методологии истории может быть заключена в составлении библиографического пособия с учётом Интернет-

ресурсов, или в создании всероссийского специального портала, сайта с материалами академической исторической направленности в различных областях отечественной истории. Это позволит, в конечном итоге, применить компаративный метод изучения событий для систематизации исследований в регионах и, впоследствии, выявления общей картины положения России в той или иной период времени.

Таким образом, сборник «Историческое исследование и историческое повествование» оставляет положительное впечатление является фундаментальным трудом, посвящённым А. Л. Шапиро, поскольку сегодня историческая наука не знает монографической работы о творческом пути и научных достижениях советского историка. Отечественные исследователи поднимают актуальные вопросы по источниковедению, методологии истории и рассматривают значительные проблемы в различных периодах русской истории. Однако противоречие заключается в том, что в сборнике мало внимания уделено историческому повествованию, несмотря на справедливое указание его важной роли в популяризации истории и привнесение новых идей в массовое сознание. Тем не менее, следует отметить высокий научный уровень представленных статей, а также порекомендовать их широкому кругу читателей и специалистов, интересующихся вопросами источниковедения, методами исторического познания и историографией отечественной истории.

Список источников и литературы

1. Абрамович Г.В., Осьминский Т.И., Шапиро А.Л. Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV в. – начало XVI в. / под рук. А. Л. Шапиро. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1971. 402 с.
2. Абрамович Г.В., Алексеева Ю.Г., Амромина Р.А. Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины / под рук. А.Л. Шапиро. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1974. 322 с.
3. Дегтярев А.Я., Копанев А.И., Васильев Ю.С. Аграрная история северо-запада России XVI века: Север. Псков: общие итоги развития северо-запада / рук. А.Л. Шапиро. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1978. 221 с.
4. Шапиро А.Л., Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Аграрная история северо-запада России XVII века: (население, землевладение, землепользование) / отв. ред. А.Л. Шапиро. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1989. 231 с.
5. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времён до 1917 г.: учебное пособие / А.Л. Шапиро. М.: Ассоциация «Россия» Культура, 1993. 761 с.
6. «Историческое исследование и повествование»: традиции научной школы А.Л. Шапиро. Труды международной конференции, посвящённой 100-летию со

дня рождения Александра Львовича Шапиро (1908–1994) / Отв. ред. Б.В. Ананьевич, Р.Ш. Ганелин, С.Г. Кащенко, А.Ю. Дворниченко, Е.В. Петров, Д.Г. Янченко и др. СПб ИИ РАН, СПбГУ. – СПб: «Издательский дом СПбГУ», 2013. 29,5 п. л.

SHAPIRO'S "UNACHIVABLE RESEARCH MASTERPIECE" AND ACADEMIC INHERITANCE

Annotation: The international conference devoted to academic inheritance and creative development of A. L. Shapiro was held in historic department building of Saint-Petersburg State University in 2008, December. A program of session included controversial moments of socio-economic history of Russia, historiographic items of domestic history, source study in the range of military history of Russia, also the issues connected with methodology of historical investigation. The scientific articles of participants of the conference are made part of the digest, that was published in 2013. They are to be noticed because of their scientific accuracy and variation of contemplation of declared topics. Represented paper includes an analysis of collection publications and a reflection about succession, innovation and prospects of development of A. L. Shapiro scholar school.

Key words: historiography, Russia, source study, history, scholar school.

Сведения об авторе:

Соловых Анастасия Владимировна – бакалавр Института истории СПбГУ. anasolov4@gmail.com

**ПОСЛЕДОВАТЕЛИ Я. К. ГРОТА
В СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ
АЛЕКСАНДРОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ
В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА
(И. МАНДЕЛЬШТАМ, С. КОРФ, А. ИГЕЛЬСТРОМ)**

К. С. Гаврилова, Е. В. Петров

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье освещаются вопросы комплектования, описания и каталогизации фондов русской коллекции библиотеки Александровского университета в Гельсингфорсе на рубеже XIX-XX вв. Особое внимание авторы уделяют уточнению биографических данных руководителей и инспекторов, курирующих работу славянской коллекции с 1897 по 1924 годы. В статье прослеживается значение трудов Мандельштама, Корфа и Игельстрома в деле укрепления и преемственности традиций книжного собрания славянской библиотеки, превращения последней в ведущий информационно-славистический центр европейской культуры.

Ключевые слова: Русская коллекция Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе, Яков Карлович Гrot, Иосиф Емельянович Мандельштам, Сергей Александрович Корф, Андрей Викторович Игельстром.

Изначально, большинство финских специалистов трактует историю вопроса складывания и развития Славянской библиотеки с небезызвестных событий пожара 1827 г. в Академии Або (Турку). Отправной точкой в истории формирования коллекции принято считать перемещение библиотеки в Гельсингфорс (Хельсинки). К тамошнему комплектованию библиотечных фондов приложили усилия многие видные деятели науки. Изначально она задумывалась в качестве «образца для всех университетских библиотек мира». Коллекция формировалась за счет поступления «обязательного экземпляра», а также за счет пожертвований и даров.

Главное пожертвование было совершено Академией Наук, большим активистом себя проявил ректор Дерптского университета Густав Эверс. Годом официального основания Русской библиотеки стал 1848 г., когда ее отделили от остальных фондов.

В настоящее время Славянская библиотека содержит обширные фонды на славянских языках: более 500000 изданий, среди которых кни-

ги с вензелями Павла Первого, автографами Михаила Ломоносова и др. Библиотека является крупнейшим мировым центром лингвострановедческих исследований, с собраниями и коллекциями которой работают ведущие славистические институты и специалисты из разных стран Европы, Америки, Азии.

История создания и развития Славянской коллекции основательно освещалась в книге А. Йоргсена [1]. Данной тематике он посвятил самостоятельный раздел своего исследования. Книга А. Йоргсена была переиздана в 1980 г. (*Helsingin yliopiston kirjaston julkaisuja XIV*). Более поздние работы его коллег воздают должное компетентности автора и используют его труд в качестве ценного историографического источника.

Во второй половине XX века вопросами изучения рукописных собраний Славянской библиотеки в равной мере, как и биографией её создателя Грота, профессионально занималась Мария Виднес. Она весьма тщательно с библиотековедческой точки зрения проанализировала и описала историю Славянской библиотеки во времена автономии Великого княжества Финляндского [2]. М. Виднес упоминает имена руководителей библиотеки, указывая и определяя их роль в деле формирования книжных коллекций и рукописных собраний. На основании выводов и положений работы Виднес можно говорить о подвижничестве Грота, который выступал просветителем и популяризатором скандинавской и финской литературы в русском обществе, занимался вопросами распространения книжной культуры в Финляндии.

В его ведении находилась забота о фондах библиотеки Хельсинки, комплектование и контроль качества фондов библиотеки, каталогизация книг, принцип переплетения книг. На момент ухода Грота по данным ревизии в библиотеке насчитывалось более 10000 изданий [3]. Со своим помощником Степаном Барановским (позднее руководитель библиотеки в 1853–1862 гг.) он занимался подбором книг для библиотеки. После Грота ответственность за русскую библиотеку входила в обязанности профессора русского языка и литературы Александровского университета в Гельсингфорсе. После Степана Барановского этот пост занял Маттиас Акиандер (1863–1868), затем Фритьоф Арвид Нордквист (1868–1889) и Виктор Семенов (1889–1897) [4].

В 2004 г. к переосмыслению данных вопросов возвращался профессор Эско Хякли, представив на IV международном симпозиуме по немецкой культуре Северо-Востока Европы содержательный доклад о роли библиотечных собраний в системе российско-финляндских культурных и научных взаимоотношений. На протяжении многих лет Э. Хякли исполнял

обязанности директора Университетской библиотеки Хельсинки – Национальной библиотеки Финляндии, являлся президентом Европейской лиги научных библиотек и президентом объединения «Библиотека Балтика» [5]. Он начинает с периода, предшествующего автономии Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, описывая научные связи и контакты между Россией и шведской Финляндией.

В 2012 г. на эту тему обратила внимание в прошлом сотрудник славянской библиотеки Кирсти Эконен. В статье под названием «Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 годы: История организации» она рассмотрела эволюцию книжных собраний в контексте российско-финляндских отношений [6, 7]. Особое место в исследовании уделено принципам организации коллекции, роли обязательного экземпляра в формировании фондов русской библиотеки. Кирсти Эконен раскрыла особую роль, которую Яков Карлович Гrot (1812–1893) играл в учреждении русской коллекции Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе.

Гrot был назначен ординарным (штатным) профессором в 1841 г. по предложению ректора Санкт-Петербургского университета Петра Александровича Плетнева (1792–1865) и оставался в Финляндии вплоть до 1853 г. Именно с его деятельностью связывают процесс активного комплектования и систематизации фондов – он предложил делить книги по языковому принципу.

В 2015 г. коллега Кирсти Эконен по работе в университете Хельсинки Лисса Бюклинг, опубликовала свое исследование «Отражение русской души в зеркале Севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX вв.» [8], в рамках которого она изучала значение трудов Якова Грота по распространению русского языка и культуры, высказав точку зрения о разочаровании, которое постигло классика – финское общество было крайне осторожным в вопросах языковой диглоссии, боясь вытеснения своего языка русским.

Таким образом, благодаря трудам финских специалистов Арне Йоргсен, Марии Виднес, Эско Хякли, Кирсти Эконен, и Лиссы Бюклинг в современной исторической литературе достаточно обстоятельно изложена история формирования русской коллекции, определена просветительская миссия и значение трудов Я. К. Грота.

В отечественной историографической традиции трудам и заслугам Грота воздали должное его потомки в конце XIX в. В 1896 г. стараниями его сына К. Я. Грота была опубликована переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым [9]. В более поздний период она обстоятельно и успешно изучалась в

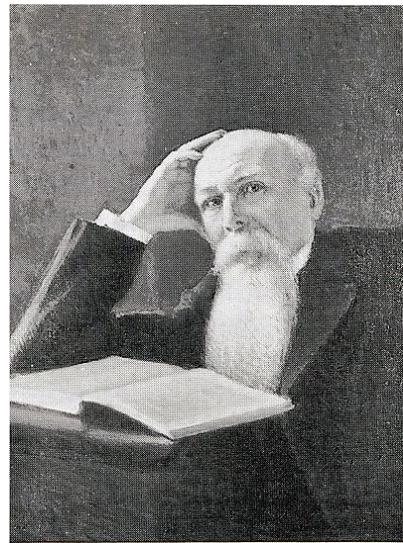
качестве исторического источника по истории русской коллекции в трудах профессора В. Г. Науменко [10, 11, 12].

В советской историографии к наследию Грота проявлял интерес ка-рельский лингвист Э. Г. Карху, который подробно изучал его деятельность в контексте развития российско-финляндских литературных связей [13]. В новейшей российской исторической литературе появляется всё больше работ, которые расширяют предмет и проблемное поле исследований. В 2002 г. старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН А. И. Терюков, опубликовал статью, посвященную пребыванию Грота в Финляндии. В ней он характеризует и оценивает переписку Грота с Плетневым, опираясь на сложный и противоречивый контекст исторических событий [14]. При всём обилии имеющихся работ по истории Славянской библиотеки до сих пор остаются открытыми для изучения вопросы преемственности традиции Грота и его последователей в деле комплектования, систематизации, описания и каталогизации книжных собраний.

В исторической литературе отсутствуют исследования по видной фигуре российско-финляндских научных и культурных контактов начала XX в. профессоре Александровского университета Иосифе Емельяновиче Мандельштаме, который возглавил работу славянской библиотеки в 1897 г. В работах о его преемнике на должности куратора библиотеки, бароне С. А. Корфе (1876–1924), не раскрыты аспекты профессиональной деятельности последнего на посту инспектора Русской библиотеки с 1911 по 1914 гг.

Не менее интересна личность Андрея Викторовича Игельстрома (1860–1928). Он руководил работой библиотеки в ключевой период с 1917 по 1924 гг. Однако и его профессиональная деятельность должным образом не изучалась.

Высокого академического стандарта работы библиотеки заложенного классиками в XIX в. придерживался Иосиф Емельянович Мандельштам (1846–1911). Он совмещал работу по руководству коллекцией с преподаванием русского языка в университете с 1897 по 1911 гг. В 1905 г. им был опубликован «Шведско-русский словарь», составленный по заказу Финляндского Сената. На правах председателя он руководил работой «Комитета для подачи помощи нуждающимся русским эмигрантам», основанным в результате объединения местной интеллигенции Финляндии для поддержки либеральной оппозиции. Таким образом, происходило единение общественных настроений под флагом борьбы с самодержавной властью.

Фотоизображение И. Е. Мандельштама. Источник: Helsingin yliopisto 1640–1990: Keisarillinen Aleksanterin yliopisto 1808–1917, p. 455. Otava, Helsinki 1989.

Иосиф Емельянович был известен и как основатель общества «Молодая Россия и Финляндия». Его участники занимались просветительской деятельностью: организовывало лекции на русском языке, что позволяло финской и русской интеллигенции обмениваться взглядами и идеями. Среди членов общества значились его коллеги по Александровскому университету и работе в Славянской библиотеке Сергей Александрович Корф, Андрей Викторович Игельстром, Владимир Мартынович Смирнов и др.

Барон Сергей Александрович Корф оказался в Гельсингфорсе в годы Первой русской революции не без поддержки своего родственника Н. Н. Герарда, занимавшего должность генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. В 1905 г. Корф распоряжением канцлера Императорского Александровского университета был назначен сверхштатным преподавателем русского государственного права и истории русского права [15].

Будучи в Финляндии, С. А. Корф занял активную политическую позицию, которая не совпадала с идеологией российских властей. Являясь приверженцем либеральных взглядов, он вошел в состав «Комитета для подачи помощи нуждающимся русским политическим эмигрантам». Деятельность комитета сводилась к организационной поддержке русских политических эмигрантов, волей судьбы оказавшихся в Великом княжестве Финляндском.

Накануне своего приезда в Гельсингфорс Корф заявил в интервью газете «Нью-Йорк Трибьюн» о многообещающем развитии реформ и инсти-

тута земского самоуправления в России и охарактеризовал ситуацию в стране как «полную надежд и ожиданий» [16]. Комитет, в который вошёл Корф, «...при поддержке других социалистических организаций повсеместно в Финляндии устраивали... революционные собрания в виде митингов и танцевально-музыкальных вечеров». В числе других активных участников комитета, Корф подписал опубликованное в местных газетах «HYA Pressen» и «Hufvudstadbladet» воззвание к «Свободным гражданам в свободных странах» с призывом оказать материальную поддержку, изгнанным из России «борцам за свободу».

Фotoизображение Сергея Александровича Корфа. Источник: New York University Archives. Guide to the Papers of Serge A. Korff 1928–1989 MC 110

Свободным гражданам в свободных странах

Освободительная борьба изгоняет из России за границу сотни и тысячи жертв. По своему географическому положению Финляндия назначена быть той страной, куда направляется главный поток принужденной эмиграции. Без всяких средств существования, не зная местных языков, не имея надежды получить работы, изнуренные борцы за свободу переступают финляндскую границу, по эту сторону границы их ожидают страдания, голод весь ужас неизвестности завтрашнего дня. Старания отдельных лиц облегчить участь изгнанников, далеко не достаточны. При таковых обстоятельствах мы считаем своим долгом учредить «Комитет для подачи помощи нуждающимся русским политическим эмигрантам».

Мы обращаемся ко всем свободным гражданам в свободных странах. Граждане не откажите помочь борцам свободы! Финляндия должна служить убежищем

для всех, которые принуждены покинуть свое отчество вследствие условий борьбы.

Мы Вас умоляем в интересах всех свободных. – Где бы ни велась борьба за свободу, она ведется во имя человечества.

Гельсингфорс, 20 ноября 1906 г.

Деньги принимаются председателем комитета, Унионская улица № 7.

Председатель комитета проф. Иосуа Мандельштам

Члены комитета:

Библиотекарь: А. Игельстрэм.

Учитель при университете: Барон С.А. Корф.

Лектор при университете: В. Смирнов.

С марта 1907 г. С. А. Корф занимал должность профессора по кафедре русского государственного права и истории русского права [17]. Ранее он неоднократно получал приглашения от американских университетов, прочитать лекции по общей теории государства и права. В мае 1910 г. американские газеты сообщали о выступлениях Корфа с публичными лекциями в Балтиморе. Будучи в Нью-Йорке, Корф вступил в ряды Академии политических наук.

Научные связи и контакты с местными университетами сыграли, по его признанию, определяющую роль для участия Финляндии в международных программах книгообмена. По возвращению из Америки Корф в 1911 г. занял должность временного инспектора славянской коллекции Александровского университета в Гельсингфорсе, в которой состоял до начала Первой мировой войны.

В этот период им были подготовлены статьи справочного характера о Финляндии для Нового энциклопедического словаря (1910–1916). Корф сочетал работу в библиотеке с активной общественной и просветительской деятельностью. В дальнейшем служба Корфа в качестве помощника генерал-губернатора ВКФ в 1917 г. проходила в условиях напряженной политической обстановки в Финляндии, где с новой силой разгорелась борьба за независимость.

Другой коллега Корфа и Мандельштама по работе в библиотеке А. В. Игельстром исполнял обязанности директора и заведовал библиотекой Хельсинского университета в непростое для Финляндии время с 1917 по 1924 гг. В прошлом кадровый военный, он по воле жизненных обстоятельств вынужден был перебраться в Финляндию в 1900 г. Игельстром состоял лектором русского языка в местном политехническом институте. Печатался в финляндских изданиях, преимущественно в научно-

литературном журнале «Valvoja», публиковал работы о русской литературе. Ряд статей Игельстрома о Финляндии были напечатаны в «Вестнике Европы», «Образовании», «Народном Хозяйстве», «Русской Школе», «Русских ведомостях», в сборнике «Финляндия» (1898), в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» и других изданиях.

В 1907 году в издательстве «Другъ Народа» под редакцией и с предисловием А. Игельстрома вышла книга «Всеобщая забастовка в Финляндии». Важным аспектом в деятельности Игельстрома стало основание бюро по международному книгообмену. Игельстром помог пополнению коллекции библиотеки Конгресса США и стал одним из её агентов в Северо-Восточной Европе [18]. Эта связь осуществлялась Игельстромом во многом с подачи Корфа эмигрировавшем в США в 1918 г. и являвшимся давним проводником идеи книгообмена между Америкой и Финляндией. После 1917 г. стараниями Игельстрома существенным образом пополнилась книжное собрание Славянской библиотеки коллекциями эмигрантских изданий.

Фotoизображение: (справа налево) А.Игельсторм, М.Горький, В. Мансикка. Дом учёных в Петрограде (1921). Источник: Славянский отдел Национальной библиотеки Финляндии.

Окружение Игельстрома, Корфа и Мандельштама было связано академической работой, но были и те, как например В. М. Смирнов (1876–1952), которые входили в профессиональный круг революционеров. Владимир Мартынович Смирнов получил от Гельсингфорского университета приглашение на должность лектора русского языка, а также – помощника библиотекаря русской библиотеки в 1908 г. Он пользовался доверием в оппозиционных кругах. Одной из ярких страниц в его биографии была Пер-

вая русская революция. В. М. Смирнов участвовал в создании «Комитета для подачи помощи нуждающимся русским эмигрантам» и служил его секретарем. Как отмечает биограф Смирнова Г. С. Усыскин «В. М. Смирнов часто использовал библиотеку университета для встречи русских друзей-революционеров» [19]. Он поддержал тесные связи с левым крылом Финляндской социал-демократической партии. Об этом свидетельствуют, в частности, записи в дневнике социал-демократа Карла Харальда Вийка. В ноябре 1905 г. на квартире Смирнова, которая располагалась по адресу Елизаветинская (Лийсанкату, 19), конспиративно останавливался В. И. Ленин.

Таким образом, в начале XX в., стараниями целой плеяды специалистов и в первую очередь, благодаря трудам Мандельштама, Корфа, Игельстрома, Славянская библиотека в Хельсинки сохранила своё предназначение и в последующие десятилетия превратилась в ведущий информационно-славистический центр европейской и мировой науки.

Список источников и литературы

1. *Jörgensen, A.* Universitetsbiblioteket i Helsingfors. Helsingfors. 1930.
2. *Widnäs, Maria.* Jacob Grot et la Bibliothèque Russe de l'Université de Helsinki, 1947; Widnäs M. Jacob Grot och universitetets ryska bibliotek // Miscellanea Bibliographica, 5. Helsinki, 1947. P. 144-163; Widnäs, Maria La collection des manuscrits de la Section Slave de la Bibliothèque Universitaire de Helsinki, 1971.
3. *Карху Э.Г.* Финляндская литература и Россия, 1800–1850. Таллин, 1962. Бюклинг Л. Отражение русской души в зеркале Севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX вв. СПб., 2015.
4. *Widnäs Maria.* La constitution du fonds slave de la Bibliothèque de Helsinki. In: Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 2, n°3, Juillet-septembre 1961. P. 395-408.
5. *Хякли Эско.* Как это было. Доклад на IV международном симпозиуме по немецкой культуре Северо-Востока Европы (перевод Н.Л. Володиной) // Библиотечное дело. 2004. № 8 (20).
6. *Эконен К.* Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 гг. История организации // Гельсингфорс – Санкт-Петербург. Страницы истории (вторая половина XIX – начало XX вв.): сборник статей / под. ред. Т. Вихавайнена, С.Г. Кащенко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 8-23.
7. История России и Финляндии в зеркале Славянской библиотеки Хельсинки // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей. СПб., 2011. Вып. 6. С. 13-22.

-
8. *Бюклинг Л.* Отражение русской души в зеркале Севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX вв. СПб., 2015.
9. *Гром Я.К.* Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. С приложением портретов Грота и Плетнева / Под ред. К.Я. Грота. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1896. Т. 1. 702 с.
10. *Науменко В.Г.* Гельсингфорс Я.К. Грота // LiteraruS – Литературное слово». Историко-культурный и литературный журнал.
11. *Науменко В.Г.* «Я каждый день ходил в библиотеку...»: обзор переписки Я.К. Грота и П.А. Плетнева как источник сведений о Русской библиотеке Александровского (Гельсингфорского) университета // Библиотековедение. 2008. № 5. С. 86-94.
12. Соединяя времена и народы. О «Трудах Я.К. Грота» // Библиотековедение. 2014. № 3. С. 58-62.
13. *Карху Э.Г.* Финляндская литература и Россия, 1800–1850. Таллин, 1962.
14. *Терюков А.И.* Я. К. Грот и Финляндия // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2002. С. 19-28.
15. *Klinge M.* Eine Nordische Universität, Die Universität Helsinki 1640–1990. Helsinki, 1992.
16. New-York tribune. New York [N.Y.]. 1905. May 12. P. 7.
17. *Петров Е.В.* С.А. Корф (1876–1924): правовед, дипломат, общественный деятель. СПб: «Изд-во СПбГУ», 2017.
18. *Пивоваров Е.Г.* Книгообмен академии наук с американскими научными центрами в 1765–1939 гг // Социология науки и технологий. 2014. № 3.
19. *Усыскин Г.С.* В.М. Смирнов («Паульсон») в Петербурге, Финляндии и Швеции // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. С. 40-45.

Annotation: The article deals with the history of the Russian library at Helsinki University (Slavonic Library) at the beginning of the XX century. The article explores how the curators of Russian Library such as Mandelshtam, Korff and Igelstrom were associated with Grot's tradition and how its were preserved in activities of their successors.

Key words: Grand Duchy of Finland, Slavonic library, University of Helsinki, Yakov Grot, Josef Mandelstam, Sergei Korff, Andrei Igelström

Гавrilова Ксения Сергеевна, бакалавр, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,
gavrilova1ksenia@gmail.com

Петров Евгений Вадимович, профессор кафедры источниковедения истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия pyotroff@gmail.com

«ОН БЫЛ ОДИН ИЗ САМЫХ ОСВЕДОМЛЁННЫХ И ТВОРЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»

Рецензия на книгу Россика и русистика новейшего времени. Труды международной конференции памяти академика РАН А. А. Фурсенко (1927–2008) / Отв. ред. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, С. Г. Кащенко, Е. В. Петров и др. СПБИИ РАН и СПбГУ (4–5 июля 2009 г.). – СПб: Издательский дом СПбГУ, 2010. – 375 с.

В. А. Чикина

Научный архив Русского географического общества

Аннотация: в статье приводится анализ статей сборника, посвященного вопросам изучения теории и истории зарубежной русистики и россики. Он был составлен по итогам международной конференции «Россика и русистика новейшего времени. Памяти академика РАН А. А. Фурсенко (1927–2008)» и опубликован в 2010 году. В сборник вошли статьи российских и зарубежных специалистов, затрагивающих источниковедческие и историографические аспекты изучения истории России.

Ключевые слова: А. А. Фурсенко, зарубежная архивная россика, историческая русистика, русские историки-эмигранты, историческая наука русского зарубежья.

Сборник статей посвящен рассмотрению сущности вопросов изучения теории и истории зарубежной русистики и россики. Издание было опубликовано по итогам международной конференции, которая прошла в Санкт-Петербурге в июле 2009 года. Многие статьи из сборника посвящены личности Александра Александровича Фурсенко. Издание собрало работы не только отечественных специалистов, но и зарубежных [1].

Основные части сборника сформированы по названиям и содержанию секций конференции. Первая часть посвящена истории и теории зарубежной русистики. В ней содержатся статьи Е. В. Петрова, У. Г. Розенберга, А. А. Чернобаева, Г. Л. Соболева и других. Вторая часть представлена меньшим числом работ, чем две другие, и повествует о русском зарубежье и зарубежной архивной россике. Однако эта часть представляется нам наиболее интересной, в ней впервые идет речь о неопубликованных документах отечественных и зарубежных архивов. Это работы А. В. Попова, А. В. Антошина, Э. П. Лайдинена, С. А. Овсянникова. Третья часть посвя-

щена «исторической русистике» и ее тематическому кругу. В ней есть ряд работ зарубежных ученых.

Помимо трех основных частей в сборник включены несколько вступительных работ в целом об истории русистики. Начинается сборник с некролога об А. А. Фурсенко, который написал В. Н. Плешков. Окончание сборника посвящено материалам личного фонда академика А. А. Фурсенко.

Во вступлении сборника находится статья Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха об Александре Александровиче Фурсенко. Эта работа является жизнеописанием известного деятеля исторической науки и рассказом о его учителе Борисе Александровиче Романове. Статья написана в знак памяти и уважения к известным специалистам.

Разберем подробнее некоторые статьи из сборника основной части, чтобы сформировать полное представление о нем. Статья Уильяма Розенберга «Советская история в метанарративе: о школе Л. Хеймсона» рассказывает нам о школе Л. Хеймсона. Автор, прежде всего, подчеркивает достижения Александра Александровича Фурсенко. Затем Уильям Розенберг говорит о школе Леопольда Хеймсона, полагая, что основным поводом к заинтересованности в области Российской истории служит желание рассказать о проблемах, которые наметились в последние годы существования Российской империи. Автор статьи считает, что политические аспекты зачастую портят работу историка. В западной и советской историографии, на его взгляд, было уделено слишком много внимания этим вопросам. Автор говорит о двух метанарративах, которые четко утвердились в зарубежной русистике.

Следующая статья, которая привлекла наше внимание – работа А. А. Чернобаева «М. Н. Покровский и зарубежная историография». Она посвящена творчеству известного русского историка, автора ряда публикаций, академику АН СССР, который хорошо был известен за рубежом. М. Н. Покровский имел большое влияние на историческую науку, поэтому его имя неоднократно позднее встречалось в отечественной и зарубежной историографии. Автор статьи остановился подробнее на двух моментах: на зарубежной исторической науке в трудах М. Н. Покровского, а также на оценке его творчества в западной историографии.

М. Н. Покровский занимал пост одного из руководителей народного образования в стране, поэтому зарубежные ученые имели особый интерес к его персоне и к его взглядам на историю. Особый интерес вызывали освещенные в трудах проблемы внешней политики, истории революционного движения и методологии. А. А. Чернобаев рассказывает чи-

тателю о некоторых работах М. Н. Покровского, о его вкладе в развитие исторической науки, говорит об упреках со стороны зарубежных специалистов в том, что ряд тем остались неосвещенными. А. А. Чернобаев пишет, что сейчас деятельностью М. Н. Покровского почти никто не занимается, в то время, как его труды и жизнь недостаточно хорошо описаны в зарубежной историографии.

Статья П. Н. Базанова «Професор русской истории в Йельском университете: Н. И. Ульянов (1904–1985 гг.) в Америке» рассказывает нам о зарубежной деятельности Н. И. Ульянова, который находился в эмиграции долгое время. Он работал в Германии, а затем в Америке, где с большим успехом выступал со своими лекциями. Н. И. Ульянов слыл острым polemистом, его статьи и выступления вызывали бурное обсуждение. Он постоянно публиковался в журналах «Возрождение», «Новое Русское Слово», «Новый журнал». Однако делал он это чаще всего за свой счет, так как американцы печатать его нетривиальные мысли не хотели.

Самым большим трудом, опубликованным в печати, принято считать монографию «Происхождение украинского сепаратизма» [2]. Эта работа вплоть до сегодняшнего дня остается основной по данной тематике. Монография условно делится на три части: первая посвящена рассмотрению сепаратистских настроений казацкой старшины в XVII веке, вторая – вопросам возрождения «малороссийского казакофильства» в начале XIX века, а третья – оформлению идеологии самостийничества в конце XIX – начале XX века. Автор статьи подчеркивает, что Н. И. Ульянов, будучи профессором Йельского университета, был одной из самых значимых фигур в зарубежной исторической науке.

Американской русистике посвящена не только вышеупомянутая статья, но и ряд других. К примеру, публикация в сборнике Е. В. Петрова «Русские американцы» и «американская русистика» в 1930–1950-е годы: отечественная и зарубежная историография вопроса» рассказывает читателю о людях, которые трудились в Америке в начале XX века за развитие исторической науки. Стоит подчеркнуть, что русским профессорам-эмигрантам удалось отстоять свои имена, как профессионалов, не только в американской, но и мировой исторической науке.

Автор статьи отмечает, что изучение этого вопроса до сих пор затруднено в науке, так как либо исследования проходили всегда по личностям, а не методом обобщения, а также нет точной конкретизации по отдельным школам и направлениям науки. Автор полагает, что именно в это время, в начале XX века, формируется «американский центр» исторической науки.

Не только русские историки-эмигранты формировали русистику, но и американские стажеры в СССР. Об этом мы узнаем из статьи А. С. Крымской «Американские стажеры в СССР». Статья рассказывает про разных историков, которые работали в российских университетах и научных структурах в разное время. Особенно подробно она остановилась на стажере Ленинградского университета Фредерике Старре, который приехал в Ленинград в 1966 году. Он выбрал для себя тему научной работы «Децентрализация и самоуправление в России в XIX веке». Стажеры приезжали сюда не случайно, а в рамках программы обмена. Все они очень хорошо отзывались в последствии о своих российских научных руководителях.

Статья С. И. Михальченко рассказывает о существовавшей кафедре русской и всеобщей истории в университете Варшавы на рубеже XIX и XX вв. Польша всегда была и остается очень близкой к изучению славян, их языка и истории, поэтому создание кафедры русской истории в университете не было случайным. Первыми профессорами, трудившимися на кафедре русской истории в Варшаве, были Н. Я. Аристов и А. Ф. Копылов. Также из знаменитых личностей, которые связали свою судьбу с кафедрой, можно назвать И. П. Филевича. Он читал курсы русской истории на разных факультетах.

Иногда панславистские идеи лектора не нравились слушателям юридического факультета. На кафедре всеобщей истории также трудились русские профессоры. Первым был О. М. Ковалевский, а вторым — А. И. Павинский. Некоторое время лекции читал И. А. Коссович, Н. И. Кареев. Обе кафедры вели активную деятельность в рамках развития исторической русистики, исследований отношений между Польшей и Россией, вели лекционную деятельность. В 1915 году кафедры фактически перестали существовать.

Читателю предоставляется возможность заглянуть дальше в послевоенный период и узнать, как развивалось изучение истории в Германии после Второй мировой войны. М. В. Лукьянчикова написала статью для сборника, в которой содержится очень интересная информация о работе Института восточноевропейской истории и страноведения при университете Эберхарда-Карла в городе Тюбингене (Германия). В этом научном центре занимались изучением истории Восточной Европы.

Еще в 1950 году философский факультет университета выразил желание создать кафедру восточноевропейской истории. Автор статьи подчеркивает, что особенной базы для создания ее не было, но решило вопрос соседство со Штутгартом. На кафедре было написано много работ, посвя-

щенных СССР и известным личностям союза (к примеру, «Ленин и русская социал-демократия» (В. Маркерт). Осуществлялась лекционная деятельность. Профессоры кафедры видели перед собой задачу включения изучения истории Восточной Европы в общий контекст науки. В рамках деятельности кафедры особенно подробно изучались отношения между Россией и Германией в разное время, в том числе и в текущий период. Каждую неделю специалисты по изучению Восточной Европы собирались на еженедельный коллоквиум в Тюбингене. До сих пор там работает активная исследовательская школа, но уже в рамках Института, а не кафедры.

Не только в Германии, но и во Франции велось изучение истории России в до- и послевоенное время, а именно с 1920 по 1970 гг. Толчком к изучению русской истории стало создание Парижского института славянских исследований. Он был основным центром изучения СССР. Автор статьи Ю. В. Мингереш подчеркивает в работе «Изучение истории России во Франции в 1920–1970 гг.» роль общества «Франция – СССР» в формировании исследовательского аппарата в области русской истории. Статья содержит ряд примечаний.

Вторая часть сборника статей рассказывает о русском зарубежье и зарубежной архивной россике. Нас заинтересовала статья Андрея Владимировича Попова «Русское зарубежье и архивы: история российской эмиграции в отечественных и зарубежных хранилищах». Автор описывает в своей работе, в каких архивах можно обнаружить интересующие документы. За границей, прежде всего, это собрание Русского заграничного исторического архива (РЗИА), коллекция Русского культурно-исторического музея (РКИМ) и Археологического института им. Н. П. Кондакова в Праге, Первый и Второй исторические архивы Китая в Пекине, а также других.

В России большой объем документов по научной эмиграции хранится в Государственном литературном музее (ГЛМ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ранее ЦГАЛИ СССР), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), а также в различных военных и ведомственных архивах. Статья написана на основе широкого круга источников, в том числе справочных материалов по архивам и фондам музеев, библиотек.

Статья А. В. Антошина «Документы по истории российской эмиграции в Архивном отделе Библиотеки современной международной документации» описывает документы, которые хранятся в отделе Библиотеки в Нантере (Франция). Это различные источники личного происхождения: письма, дневники, фотографии, воспоминания. Как указывает автор статьи, особый интерес к этому архиву должен быть у специалистов, зани-

мающихся исследованием «левых» политических течений, экстремизма и терроризма в Европе. Документы весьма информативны для ученых, которые занимаются феноменом русского зарубежья. Статья написана на основе значительного пласта архивных документов.

В упомянутом отделе Библиотеки Франции мы встретим в основном документы гражданского происхождения, а в архиве Финляндии, про который написал статью для сборника Э. П. Лайдинен, можно найти военные документы. Военный архив Финляндии^{*} хранит материалы, которые связаны с международными отношениями между Финляндией и Россией, военными операциями в период советско-финской и Второй мировой войн. Другой автор Л. Орфинская посвятила свою статью архивным источникам, которые хранятся в Национальном архиве Финляндии, раскрывающие историю тюремного дела, карательных мер на территории Финляндии в XVIII–XIX вв. Автор связывает эволюцию карательной системы с ее обретением государственной автономии.

С. А. Овсянников в своей работе «Коллекция иностранных документов Центрального архива Министерства обороны РФ» дает подробный анализ хранящихся в архиве документов, их числа, языковой основы, а также тематик и хронологии. Статья представляет собой небольшой систематизированный перечень, который очень удобен для тех, кому требуется найти соответствующие документы.

Третья часть сборника статей посвящена «исторической русистике» и ее тематическому кругу. Среди них есть две, написанные на английском языке учеными из Хельсинского университета. Часть довольно обширна и подробно раскрывает поставленную проблему по данной тематике.

Первая статья немецкого специалиста Клауса Майера посвящена описанию деятельности историка и архивариуса Теодора Шимана и Виктора Гена. Первый еще в 1889 г. принял приглашение занять должность архивариуса 1-го класса в Королевском Прусском государственном архиве. Однако через три года Т. Шиман уже перешел на работу в Берлинский университет. Он вел лингво-страноведческие семинары по восточноевропейской истории. Автор статьи предоставляет читателю анализ взглядов Теодора Шимана и его соотечественника Виктора Гена. Клаус Майер склонен считать, что работы обоих специалистов требуют прочтения, однако к ним нужно относиться критически и разборчиво.

Статья М. Гэри рассказывает нам о деятельности Натальи Михайловны Пиурмовой. Она работала в тяжелый для исторической науки период –

* Сейчас филиал Национального архива Финляндии.

в сталинскую и постсталинскую эпоху. Автор статьи пишет, что предметом изучения Н. М. Пирумовой был анархизм, а также земские институты и политика. М. Гэри отмечает, насколько сложно было работать в эпоху жесткой идеологии. Особое внимание автор статьи уделяет значимости религии в ее борьбе за работу как советского историка, показывает изменения, происходившие в работе историка в постсталинский период.

Огромное количество тем было затронуто на страницах зарубежной русистики. Н. М. Селиверстова на страницах изучаемого нами сборника предложила читателю ознакомиться с результатами современной американской русистики, посвященной исследованию российского дворянства и эпохи Великих реформ. Автор статьи отмечает работы Теренса Эммонса, Дэниэла Филда, Брюса Линкольна и других современных специалистов по данной проблематике. Н. М. Селиверстова подчеркивает, что американцы довольно активно сотрудничают с российскими историками, а у читателя наблюдается высокий спрос на труды, посвященные российскому дворянству и эпохе Великих реформ.

Статья И. В. Алферовой «Женский вопрос» в советской России: некоторые аспекты немецкой историографии» рассказывает нам об изучении немецкими историками женщин в Советской России. Автор статьи описывает труды в этой области немецкого советолога Р. Майера. Он занимался сравнением общественного сознания Союза и Германии, одним из первых изучил женскую периодическую печать («Работница», «Крестьянка») и пришел к выводу, что женщины в Союзе получили роль домохозяйки, воспитательницы, сохраняя статус работника.

Р. Майер также отмечал, что семейные ценности в какой-то момент отошли на второй план, а первый заняли патриотизм, государственный заказ. Появился образ героической женщины, женщины-война. Еще один специалист, который упомянут в статье – Штефан Плаггенборг. Кроме того, в статье подробно рассмотрен вопрос об эмансипации в Союзе. Упомянуты К. Цеткин, А. М. Коллонтай, Н. К. Крупская. Автор статьи И. В. Алферова приходит к выводу о том, что общество в 1920 – 1930-е годы не было готово к эмансипации женщины. Причинами тому выступали консервативность, патриархальность и обызвательские представления.

Таким образом, читатель данного сборника на основе статей поймет, что современное понимание истории России складывалось постепенно из сложных представлений многих поколений, которые в свою очередь принадлежали к различным историческим школам и существенно отличались друг от друга. Несомненно, важным фактором в формировании позиции

были политические события, отношения между государствами и их наличием или избеганием взаимодействия друг с другом.

Данный сборник позволяет подробнее рассмотреть различные точки зрения на данный вопрос, узнать о существовании и содержании некоторых важных документов, которые хранятся в государственных и ведомственных архивах. Читатель может удивиться, что большинство работ посвящены американской школе русистики. Это не случайно, ведь со второй половины XX века она была лидирующей среди всех зарубежных школ. Изучение данного вопроса позволяет понять роль и место зарубежных исследований в формировании заграничной мысли. Данный сборник подходит для прочтения широкой читательской аудитории, которая заинтересована в изучении истории, международных отношений, политики или образовании.

Среди авторов сборника есть немецкие, американские, финские историки, коллеги из стран ближнего зарубежья, представители академической общественности Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Брянска, Екатеринбурга.

Список сокращений

РЗИА – Русский Заграничный Исторический Архив

РКИМ – Русский культурно-исторический музей

ГЛМ – Государственный литературный музей

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

Список источников и литературы

1. Россика и русистика новейшего времени. Труды международной конференции памяти академика РАН А.А. Фурсенко (1927–2008) / Отв.ред. Б.В. Ананьевич, Р.Ш. Ганелин, С.Г. Кащенко, Е.В. Петров и др. СПБИИ РАН и СПбГУ (4–5 июля 2009 г.). СПб: Издательский дом СПбГУ, 2010. 375 с.
2. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2016.

Сведения об авторе

Чикина Валентина Андреевна – сотрудник научного архива Русско-го географического общества, chikina.spb@gmail.com

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТЕ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ИСТОРИКОВ

А. К. Корягина, Е. В. Петров, Т. Ю. Прозорова
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье представлен обзор учебной литературы для преподавания английского языка студентам исторических факультетов. Авторы рассматривают требования европейского стандарта, сертифицирующего знания английского языка и соотносят его с российским опытом. За основу анализа взят лингводидактический комплекс литературы, сложившийся в системе исторического образования советского времени. Более детально представлена практика новейших учебных изданий, обеспечивающих проведение занятий по университетскому курсу «Изучение профессиональных текстов на английском языке».

Ключевые слова: английский язык для историков, дидактика и методика преподавания английского языка на исторических факультетах, история английского языка.

Современный стандарт английского языка предусматривает такие его категории как профессиональный английский (Professional English) и академический английский (Academic English). В нашем случае мы апеллируем к его аутентичным разновидностям для историков (Teaching History through English), предусмотренные Кембриджской системой экзаменов ESOL – Cambridge English. Кембриджские экзамены ESOL в полной мере синхронизированы с требованиями европейского стандарта CEFR – Common European Framework of Reference (общееевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка). CEFR используется в странах ЕС как система уровней для определения степени владения иностранными языками. Кембриджские экзамены или Cambridge ESOL – Teaching History through English это система тестов, которая была разработана и апробирована структурным подразделением университета UCLES (University of Cambridge Local Examinations Syndicate) в целях организации и проведения международного сертификации для определения уровня и степени владения английским языком как иностранным [1].

Отечественные учебные пособия по английскому языку для историков сегодня опираются не только на сложившуюся в России дидактиче-

скую и методическую традицию, но и на соответствующие мировые сертификационные стандарты. Справедливости ради имеет смысл упомянуть о распространённой в США англоязычной системе ориентированной на преподавание истории и общественных наук (*The SIOP Model for Teaching History-Social Studies to English Learners*). Учебное пособие по данной методике было подготовлено Д. Шот (D. Short, Center for Applied Linguistics, Washington, D. C.), М. Вогт (M. Vogt, California State University, Long Beach), Я. Ичевария (J. Echevarria, California State University, Long Beach) и опубликовано в 2011 году издательством «Pearson». Методика (*SIOP – The Sheltered Instruction Observation Protocol*) предусматривает многоуровневый учебно-методический комплекс материалов для изучающих академический стандарт английского языка по общественным наукам и историческим специальностям. Вариативно используя образовательные стратегии SIOP, педагоги могут на его основе разрабатывать и проводить уроки, которые соответствуют академическим и лингвистическим потребностям студентов-историков, изучающих английский язык. По мнению разработчиков методики, она построена не столько на методических основах преподавания английского как иностранного языка, сколько на принципах билингвизма, иначе владения двумя языками [2].

Следует отметить, что среди специалистов по социальной лингвистике под билингвизмом с конца XIX века понимались и давались разные, порой даже взаимоисключающие оценки. Нам представляется важным отметить, что в современных гуманитарных науках остаётся без должного внимания и переосмыслиния опыт языковой адаптации «славной кагорты» учёных-компатриотов успешно преподававших в зарубежных университетах начиная с 1920–30 годов и подготовивших на английском языке большое количество учебных пособий по истории России, ставших со временем классическими изданиями.

Многие русские историки-эмигранты благодаря языковой адаптации и в силу своих профессиональных умений и навыков смогли отстоять своё имя в жесткой и конкурентной среде европейских и американских университетов. Справедливости ради, следует заметить, что не все представители науки русского зарубежья могли приспособиться к языковым обстоятельствам языковой диглоссии. Для многих видных деятелей, в том числе, академика Ростовцева и Вернадского, языковой барьер имел решающее значение.

По свидетельству супруги, Ростовцев в сердцах «ругал» английский «собачьим языком». Когда мы говорим о миссии русского зарубежья и вос требованности эмигрантских идей, мы должны признать в качестве от-

правной точки их успеха не столько феномен социо-культурной адаптации, сколько имеющий место случай языковой диглоссии. Диглоссия, как правило, представляет собой такую форму владения двумя самостоятельными языками, при которой эти языки функционально распределены: например, в официальных ситуациях – законотворчестве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т. п. – используется официальный (или государственный) язык, а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных. Важным условием при диглоссии является то обстоятельство, что говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют то из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации [3].

При всём разнообразии, складывающихся на практике англо-американских вариантов обоснования стандарта для учебных пособий по английскому языку и рассчитанных на подготовку историков, в России лингводидактики предпочитают ориентироваться на собственную модель подготовки. Следует заметить, что отечественная система подготовки студента-историка накопила немалый методический опыт специальных практик ориентированных на опыт прошлых лет.

Классический вариант учебника, направленный на изучение английского языка студентами исторического факультета, был подготовлен в МГУ профессором Евгением Александровичем Бонди в 1977 году. Он претерпел массу переизданий, не только в советскую эпоху, но и в новейшее время, не потеряв и не утратив в содержательном плане своей актуальности [4]. На протяжении нескольких десятилетий учебник оставался незаменимым пособием для историков, по которому готовилось не одно поколение специалистов. Его автором изначально ставилась задача усовершенствовать навык чтения и перевода иностранной литературы на профессиональные тематики, а также научить студента-историка вести грамотный диалог на темы по специальности. Последнему уделено немалое внимание, в структуре учебника. В нём часто встречаются устно-речевые задания на проработку коммуникативных навыков. Всего в учебнике 5 основных векторов, которые охватывает Е. А. Бонди: 1. Фонетика и правила чтения; 2. Словообразование; 3. Грамматика; 4. Лексика; 5. Речь.

Содержание учебника демонстрирует его всеобъемлющий характер. Несмотря на то, что он рассчитан на студентов, продолжающих изучение английского языка на базе школьных знаний, в нём присутствует закрепление по ранее пройденным грамматическим и фонетическим разделам. Сегодня представляется, что из-за обилия правил и справочных материа-

лов учебник выглядит перегруженным для повседневного использования. Часто информация, требуемая для изучения урока, может находиться в разных частях учебника, объем которого превышает 400 страниц.

В целом, можно сказать, что «Учебник по английскому языку для студентов-историков» подготовленный Е. А. Бонди является отправной точкой в развитии специальных приёмов и методов адаптирующих будущих специалистов к требованиям стандарта профессиональных знаний (Statement on Standards in the History profession).

До настоящего времени многие принципы, заложенные в 70-е годы XX века в учебнике Е. А. Бонди, остаются актуальными и востребованными современной лингвострановедческой мыслью. Благодаря своему фундаментальному подходу учебник Е. А. Бонди долгое время доминировал на рынке образовательной литературы.

В условиях тотального дефицита 1990-х годов и недоступности в регионах столичных учебников многие университетские издательства в последующие десятилетия начали ориентироваться на собственные публикации. Так в 2005 году в Калужском государственном университете Т. И. Шакирова подготовила и опубликовала учебное пособие под названием «Сборник текстов по специальности (английский язык)». Автор отмечает, что учебно-методическое пособие ориентировано на развитие навыков чтения и рефериования текстов по специальности. Оно предназначено для студентов исторического факультета и включает в себя оригинальные тексты по истории древних цивилизаций, истории Великобритании и США, а также истории славянских народов. Тексты учебника дополняют фонетические, лексические, грамматические упражнения и задания, помогающие понять содержание текста и подготовиться к рефериированию текстов по специальности. Пособие состоит из 15 текстов и заданиям к ним [5].

Положительной стороной учебно-методического пособия Т. И. Шакировой является то, что тексты разбиты по разделам и изложены в хронологическом порядке. Каждый текст представляет собой самостоятельный раздел, раскрывающий новую тему. Материал подобран достаточно нестандартно, что вызывает интерес у читателя и желание ознакомиться с ним. Оформление простое, изображения отсутствуют, для такого типа пособия, где в разделах представлено по одному тексту, это плюс. Из числа неудобств пользования учебником студенты отмечают нехватку пустых полей, из-за чего текст может наслаждаться, особенно в электронном виде. Отсутствуют поля для каких-либо записей, в пособии не предусмотрено пространство для заметок, поэтому для выполнения заданий необходимо будет иметь тетрадь. Также небольшого объема пособия не хватает

для детального рассмотрения вопросов цивилизационного подхода. «Сборник текстов по специальности (английский язык)» вполне приемлем для беглого ознакомления с историей мировых цивилизаций и социальных явлений, повлиявшим на их судьбу. Тексты учебника будут полезны для различных направлений исторической специализации.

В Саратовском государственном университете пошли собственным путем при подготовке учебника английского языка для студентов Института истории и международных отношений. В 2009 году там было издано за авторством С. К. Соловьевой и Е. Н. Базановой учебное пособие для домашнего чтения под названием: «*Studying American History*» – «Изучаем историю Америки». Оно состоит из двух частей и предназначено для индивидуальной и групповой работы студентов 1 и 2 курса. Как указывают авторы, целью пособия является подготовка студентов к индивидуальной самостоятельной работе с оригинальной литературой по специальности, развитие навыков устной речи, а также ознакомление с трактовками и оценками исторических событий в англо-американской исторической литературе. Всего в пособии 5 разделов, все тексты снабжены упражнениями и комментариями [6].

К достоинствам учебного пособия можно отнести то, что оно составлено по принципу британских учебников и его можно использовать как в цифровом формате, так и в печатном варианте. Темы в разделах размещены в соответствии с хронологией событий, что удобно и вполне логично. Тексты выбраны на разную историческую тематику, поэтому будут интересны широкой аудитории. Язык повествования вполне доступный, сложности могут быть с терминологией, но после представленного текста имеется перевод новых слов и выражений. Оформление учебника компактное и продуманное: имеется достаточное количество интересных иллюстраций к текстам и дополнения с различной информацией по теме, также присутствуют таблицы. Есть поля для ответов, пробелы для пометок и свободное место для записей после каждого раздела, поэтому можно выполнять задания прямо в пособии. Учебное пособие «*Studying American History*» можно назвать удачным, так как тексты подобраны весьма профессионально, задания разнообразные, а лексика, выведенная в заметки, насыщена терминологией и устойчивыми выражениями, которые часто используются в академическом общении. Пользуясь пособием, студенты вполне смогут усовершенствовать свои познания в области истории Америки, научиться работать с текстами и в конечном итоге укрепиться в знании английского языка.

В 2013 году во Владимирском государственном университете было издано учебное пособие «Изучаем историю по-английски = Learning History in English». В предисловии авторы указывают, что оно предназначено для студентов второго курса по специальности «История», а также может быть использовано для двухуровневой системы образования бакалавров, магистров и аспирантов неязыковых специальностей. Пособие состоит из пяти разделов, каждый из которых посвящен отдельным аспектам истории и культуры и предусматривает различные формы обучения, как аудиторное, так и самостоятельное. Целью и задачами учебного пособия обозначена профессиональная языковая адаптация студентов, под которой авторы подразумевают: умение работать с текстами и информацией, делать доклады, обсуждать темы, касающиеся специальности, а также уметь составлять резюме и деловое письмо для будущей работы. Источниками при составлении пособия послужили интернет-ресурсы, энциклопедии и справочные издания, в основном затрагивающие проблемы изучения и преподавания истории и прикладных исторических наук в США и Великобритании [7].

Сильной стороной учебного пособия является ориентирование его на практическое применение полученных знаний необходимых для профессионального роста, подобраны тексты с доступным языком среднего уровня сложности, что исключает сложности в работе с учебным материалом. Разделы последовательно раскрывают различные аспекты изучения истории в самом обобщенном виде. Они наполнены лексическими, переводческими и коммуникативными упражнения, которые обеспечивают речевую практику, а также помогают воспринимать вопросы и грамотно выстраивать ответы, включаться в коммуникативные формы общения и т. д. Оформление пособия выполнено на достаточно высоком уровне и удобно для пользования, к текстам прикреплены изображения по теме, приводятся различные примеры стандартных форм для резюме и деловых писем и т. д.

К недостаткам издания можно отнести, разве что, разнородность представленных текстов, так как они не связаны между собой ни хронологически, ни текстологически и скорее лишь формально относятся к темам разделов, нежели объединены концептуальной тематикой. Само пособие довольно небольшое, в нем не предусмотрены поля для ответов на задания, а также отсутствует какое-либо пространство для дополнительных записей и пометок, поэтому для работы с материалом придётся завести дополнительную тетрадь. В целом «Learning History in English» - это неплохой вариант для ознакомления с особенностями изучения ис-

тории на английском языке, при условии его сочетания с классической учебной литературой.

В 2014 году в Санкт-Петербурге совместными усилиями преподавателей ведущих университетов был подготовлен учебник для бакалавров-историков по английскому языку. Авторство идеи принадлежит профессору кафедры истории средних веков СПбГУ С. Е. Федорову [8]. Его создатели апеллировали к современной оригинальной исторической литературе и текстам научных статей, подкрепляя их научно-справочным аппаратом из английских словарей и разнообразных историографических источников. Учебник содержит большой пласт грамматического материала, в равной мере, как и упражнения для развития умений и навыков устной и письменной речи. Лексический раздел отличается новизной подачи учебного материала, многие упражнения опираются на требования стандарта «TOEFL» (Test of English as a Foreign Language) к знаниям английского языка как иностранного. Терминологическая база учебника адаптирована под современные академические каноны более основательно, нежели в других учебных пособиях. В учебнике содержатся не только тексты на профессиональную тематику, но и общепознавательный контент, необходимый для расширения словарного запаса и усвоения грамматических правил. Данное пособие уступает британским изданиям лишь в дизайне оформления, однако, оно дает широкие познания будущим историкам в профессиональном совершенстве английского языка. В отличие от других, оно не перегружено излишней информацией, в нём не акцентируется внимание лишь на переводе, скорее даже авторы старались привлечь читательскую аудиторию к соразмыслинию и самостоятельной подготовке англоязычного текста по научной проблематике. Отдельно стоит отметить присущий учебнику академический стиль подачи и изложения учебного материала в соответствии с библиографическими требованиями оформления документа.

Через два года издательство «Юрайт» опубликовало альтернативную версию петербургскому учебнику [9]. «Английский для историков» Е. А. Смоляниной – одно из последних на сегодняшний день изданий по изучению иностранного языка для студентов как исторического направления подготовки, так и социально-гуманитарного профиля. В нём автор сочетает традиционные техники преподавания и следует релевантным тенденциям в области методики и дидактики. Привычные каждому учащемуся разделы с грамматикой и лексикой дополнены актуальными выражениями, идиомами и фразовыми глаголами, а также новыми сложными грамматическими конструкциями. Творческие задания, связанные с изучением

нового материала, способствуют развитию устной монологической речи и раскрытию эвристического потенциала студентов. Все задания, включенные в учебник, тесно связаны с актуальными вопросами современной исторической науки, поднятыми в тестах приложения. По содержанию учебник в большей мере ассоциируется с хрестоматийным изданием, адаптирующим научно-популярные англоязычные тексты для студенческой аудитории. Грамматические задания и лексические упражнения опираются на языковые приемы, использованные в самих текстах. Данный учебник разительно отличается в плане наглядности подачи материала. Он предлагает всесторонний подход к изучению учебного материала по английскому языку посредством опоры на текстологический анализ и научный комментарий.

Таким образом, в современных условиях стараниями отечественных специалистов в области лингводидактики и методики преподавания английского языка как иностранного сложился самостоятельный корпус учебной литературы для студентов исторических факультетов. Во многих вузах страны авторы пошли по пути создания собственных версий учебных пособий. Можно только приветствовать сложившееся разнообразие учебной литературы для освоения студентами-историками английского языка. Открытым для дискуссий остаётся лишь вопрос о преемственности и эффективности накопленного педагогического опыта.

Список источников и литературы

1. Teaching History through English – A CLIL Approach. ESOL Examinations. University of Cambridge. UCLES, 2011.
2. SIOP Model for Teaching History-Social Studies to English Learners / Ed. D. Short, M. Vogt, J. Echevarria. Pearson, 2011.
3. Petrov E. Bilingualism in the Russian Expatriate Communities. Baron Sergei Korff at the Universities of Finland, Estonia and the USA // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. XLII. 2014. №. 42. P. 79-101.
4. Бонди Е.А. Английский язык для студентов-историков. М.: ACT, 2001. 398 с.
5. Шакирова Т.И. Сборник текстов по специальности (английский язык). Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2005. 58 с.
6. Соловьева С.К., Базанова Е.Н. Studying American History. Изучаем историю Америки. Саратов: РАТА, 2009. 84 с.
7. Матяр Т.И., Новикова Л.В., Попкова О.В. Изучаем историю по-английски = Learning History in English. Владимир: ВлГУ, 2014. 135 с.

8. Федоров С.Е., Шапиро А.В., Шульгат Л.И. Английский язык для историков: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014.

9. Смолянина Е.А. Английский язык для историков: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016.

Towards the standard of English language textbooks for historians

Abstract: The article presents a review of textbooks for teaching English to students of historical faculties. The authors consider the requirements of the European standard for teaching English to historians and correlate it with the Russian experience. An overview of the educational literature established in the system of historical education of the Soviet period is given as an example. The practice of the latest publications, providing classes for the university course "Learning professional texts in English" is represented in details.

Key words: English for historians, didactics and methods of teaching English in the historical faculties, history of the English language.

Александра Константиновна Корягина – бакалавр, Институт Истории СПбГУ; aleksandra359554@gmail.com.

Евгений Вадимович Петров – профессор кафедры источниковедения истории России, Институт Истории СПбГУ pyotroff@mail.ru.

Татьяна Юрьевна Прозорова – бакалавр, Институт Истории СПбГУ tatprozorova1@gmail.com.

«ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА» ОТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРЕДМЕТА К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

К. Д. Ушакова, О. А. Новикова, Е. В. Петров

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается проблема становления и развития «искусствоведческой информатики» как науки и метода. В ней освещены взгляды отечественных и зарубежных искусствоведов на историю и теорию дисциплины. В качестве дискуссионных вопросов рассматриваются сложности и противоречия реализации стандарта «искусствоведческой информатики» в современном образовательном пространстве, акцентируется внимание на перспективных направлениях её развития.

Ключевые слова: искусствометрия, иконология, иконография, искусствоведческая информатика, цифровые гуманитарные науки.

*Мы живем в обществе,
абсолютно зависящем от науки и техники,
в котором почти никто
почти ничего не знает ни о науке, ни о технике.*

Карл Саган

В современных условиях ИТ-технологии кардинально меняют академические подходы и образовательные стандарты в гуманитарных науках. За рубежом ведутся обширные дискуссии о перспективных направлениях того, что называют «Digital Humanities». Исключением не является и сфера искусствознания. Достаточно много сегодня говорят о развитии прикладной информатики в искусствоведении. Скептическое отношение искусствоведов к новым методам хорошо известный факт. Его лучше других выразил профессор Дж. Тейлор, считающий, что «...они бывают часто ошибочны, а интерес к искусству у специалистов по точным наукам является коммерческим, а не профессиональным, поэтому нет резона им доверять в таких важных вопросах» [1]. В сложившемся положении дел, когда потребности профессионального сообщества кардинально опережают решение вопросов самоорганизации новой дисциплины, возникает вполне естественная необходимость в уточнении предмета и метода нового направления, в равной мере, как и его истории.

Впервые искусствоведы опробовали на практике базы данных, которые

бы справлялись с описанием изображений ещё в 1980-е годы. Доказательством тому является опубликованная работа Л. Корти «Census: Computerization in the History of Art» (1984). Компьютерные технологии активно использовали создатели сервиса IconClass (1954) [2]. Сейчас это один из самых популярных ресурсов для поиска и классификаций изображений, относящихся к сфере искусства, а также для работы с иконографией. Более серьёзным испытанием для большинства искусствоведов оказалась невозможность преодолеть скептическое отношение к новым междисциплинарным направлениям. Проще и это надо признать было работать со знакомым стандартом демонстрации слайдов. К тому же многие работники искусства в принципе сомневались в самой идеи компьютерного обучения. Обширная дискуссия на данную тему была инициирована авторитетным журналом «The International Journal of Museum Management and Curatorship» в 1989 году.

Те из числа людей искусства и мира дизайна, которые интересовались компьютерными технологиями учредили в Лондоне в 1985 году профессиональную ассоциацию CHArt (Computers and the History of Art). Позднее её численность увеличилась за счет вступления работников музеев, галерей, архивов и библиотек. С 1991 года организация издаёт журнал, в котором освещаются актуальные вопросы развития искусствоведческой информатики. Кроме того, данной организацией проводятся ежегодные тематические конференции, начиная с 1999 года (первая конференция «Цифровая среда: дизайн, наследие и архитектура» состоялась в университете в Глазго) [3].

С 1968 года члены Ассоциации визуальных ресурсов (Visual Resources Association) начали регулярно собираться на ежегодные конференции (College Art Association Conferences). Сейчас она переименована в Международную организацию профессионалов в области средств массовой информации (The International Organization of Image Media Professionals). В ней состоят специалисты по цифровому изображению, музейные кураторы, искусствоведы, издатели и другие представители сферы культуры и искусства.

В настоящий момент образовательные программы по «искусствоведческой информатике» стали нормой для многих западных вузов. В университете Дьюка ведётся магистерская программа «Искусствоведческая информатика», включающая в себя изучение культурных памятников с помощью методов цифровой визуализации. В 2015 году была открыта экспериментальная программа, внедряющая картографические технологии по направлению «История искусств» [4]. В Стэнфордском университете была учреждена программа «Intro to Digital / Physical Design», которая акцентирует внимание на прикладных аспектах – студенты учатся применять со-

временные технологии в анализе произведений искусства. В Уtrechtском университете данная программа реализуется в сотрудничестве с Нидерландским Институтом истории искусств (RKD). Компьютерные технологии активно внедряются в искусствоведческое образование в Технологическом университете братьев Loуренс (Саутфилд, Мичиган), где преподаватели предлагают студентам поработать над собственными исследовательскими проектами – проанализировать произведения искусства с помощью современных инноваций.

Многие зарубежные институты, музеи и исследовательские центры культивируют и поощряют развитие «искусствоведческой информатики» как науки и метода исследований. Так, ведущий музейный и исследовательский центр «Frick Collection» учредил Лабораторию цифровой истории искусств (The Digital Art History Lab (DAHL)), которая представляет собой унифицированную базу данных. Проект создан для поддержки сотрудничества искусствоведов и специалистов различных областей (от информатики до ГИС-технологий). Стоит сослаться и на программы Лаборатории изготовления цифровых технологий в Колорадском университете (Digital Fabrication Lab), которые специализируются на изготовлении оборудования для художников и искусствоведом (3D-принтеров, виниловых и лазерных резаков).

Таким образом, в европейских и американских университетах идет активное освоение образовательных программ по искусствоведческой информатике. За эти годы сложилось и оформилось профессиональное сообщество, опирающееся на специализированные журналы и сетевые ресурсы. Важное место среди них занимает международное издание «International Journal for Digital Art History». Журнал выпускается с 2015 года. В нём освещаются актуальные вопросы искусствоведческой информатики, ведётся дискуссия о предмете, методике и направлениях развития.

Что же касается конференций, то они проводятся ежегодно по инициативе организации ADHO (Alliance of Digital Humanities Organization). Первая из них прошла в 1989 году в университете Торонто, ближайшая, состоится в июле 2019 года в Уtrechtском университете. Помимо регулярных собраний, следует упомянуть и разовые конвенты, такие как «Digital Art History: Challenges and Prospects – GTA University». Он был проведён в Цюрихе в июне 2014 года и был посвящён проблемам цифровой архивации и визуализации арт-объектов. В ноябре 2018 года в Вене состоялась конференция «Visual Heritage: cultural heritage and new technologies», которая была направлена на изучение возможностей ИТ-технологий в решении вопросов сохранности культурного наследия.

Однако так ли быстро развивается искусствоведческая информатика

по сравнению с другими цифровыми гуманитарными науками? По мнению экспертов, история искусств остаётся в этой области аутсайдером. О чём свидетельствуют списки Европейской организации цифровых гуманитарных наук (The European Association for Digital Humanities (EADH)), где искусствоведческая информатика не значится. В ежегодной повестке дня Альянса цифровых гуманитарных организаций (Alliance of Digital Humanities Organizations - ADHO) данные вопросы занимают лишь малую долю. Единственное упоминание об искусствоведческой информатики, в сравнении с другими направлениями, можно найти в книге «Companion to Digital Humanities» (вышла в 2004 году под редакцией С. Шрайбман, Р. Сименса и Дж. Унсуорта).

Осложняет ситуацию и тот факт, что многие специалисты не видят в «искусствоведческой информатике» самостоятельной науки, считая её лишь одним из вспомогательных методов. Кроме того, есть и те, кто всерьез опасается смещения приоритетов с изучения искусства на технологии.

Дж. Дракер, вообще, приходит к выводу, что искусство не поддается вычислительной обработке и анализу, так как важную роль здесь играют его сингулярность, индивидуальность и исключительность [5]. Данную точку зрения поддерживает проф. К. Бишоп, утверждая, что история искусств и информационные технологии практически не взаимодействуют [6]. М. Марморт на этот счёт настроен более оптимистично – он считает, что хотя история искусств раньше и не принимала активного участия в формировании цифровых гуманитарных наук, сейчас ситуация изменилась в лучшую сторону. В качестве примера он приводит проекты, которые демонстрируют успешное взаимодействие искусствоведения и цифровых технологий [7].

Более основательно подошёл к освещению вопроса Г. Шельберт, который считает, «искусствоведческую информатику» не просто методом, основанным на быстром применении алгоритма для решения научных задач, это «непрерывная агрегация знаний в цифровом формате», что делает информацию более доступной. По мнению профессора, необходимо выстроить условия для развития «искусствоведческой информатики», основанные на её тесном взаимодействии с практической работой музеев, библиотек и архивов [8].

Существует иная сторона проблемы, связанная с внедрением компьютерных технологий в искусствоведение. Сегодня широко опробованы программы, способные атрибутировать авторство, стиль и эпоху создания произведения. Многие искусствоведы вполне резонно опасаются сложившейся ситуации, когда традиционные основы экспертного анализа всё больше вытесняются ИТ-технологиями. По их мнению, они не способны

полностью заменить работу квалифицированных экспертов в области искусств и в лучшем случае могут лишь облегчить труд искусствоведов.

Можно констатировать, что «искусствоведческая информатика» активно развивалась в европейских университетах со второй половины XX века и прошла в своём развитии определённые стадии роста: 1) в первой половине 1980-х годов появляются программные продукты, адаптированные для работы искусствоведов; 2) во второй половине 1980-х годов складываются профессиональные организации (CHArt, ADHO); 3) с 1990-х годов возникают серийные издания по «искусствоведческой информатике», регулярно проводятся конгрессы профессиональных ассоциаций (CHArt, ADHO); 4) с 2000-х годов развиваются университетские образовательные программы по «искусствоведческой информатике», уточняется предмет, теория и метод дисциплины.

Предпосылки для открытия образовательных программ по «искусствоведческой информатике» сформировались не только в зарубежных университетах. Справедливо ради следует сказать, что в ведущих российских вузах (СПбГУ и Сибирский Федеральный университет) сегодня введены программы по развитию прикладной информатики в искусстве и гуманитарных науках. Отчасти это явилось следствием и реакцией на дискуссии искусствоведов по проблеме «Digital Humanities and Art History». Открытие в университетах образовательных программ по данным специальностям лишь подтверждает растущий спрос на современном рынке труда. Первым, кто обратил внимание на практическую сторону инноваций, были реставраторы и компании, которые использовали в искусствоведческих целях 3D-технологии, лазеры, GIS-технологии, нейросети и т. д.

Неоднозначность трактовок термина «искусствоведческая информатика» заставляет нас обратить внимание на процесс становления предмета, его сопоставления с контекстом родственных дисциплин, которые на сегодняшний день обрели самодостаточный характер, например «историческая информатика».

Отечественная историческая наука стараниями учеников академика И. Д. Ковалченко с 1990 годов признала и активно пользуется достижениями информатики. Главный компонент её развития основывался на совершенствовании количественных методов анализа массовых источников. Собственно, «клиометрика», как и «иконометрика», позволяли работать специалистам там, где классические приемы и методы исчерпали свои возможности. В этом история «искусствоведческой информатики» во многом прошла схожий путь развития со стандартом «исторической информатики».

В искусствоведении со второй половины XX века всё больше внимания

уделялось поиску новых методик, которые позволяют эффективнее описать произведение на основе количественных данных по наличию характерных признаков, Накопленный в этой области опыт подстегнул к переосмыслению теоретических подходов, что в конечном итоге не могло не привести к «искусствометрии». Позднее начали говорить о нелинейных методах анализа, присущих изучению истории искусств. В XXI веке всё больше сторонников обретает методология социо-синергетики.

Таким образом, «искусствоведческая информатика» постепенно обретала методологическую основу и формальные признаки самостоятельной научной дисциплины. Она трактуется как наука о методах и процес сах сбора, хранения, обработки, передачи, анализа и оценки информации с применением компьютерных технологий, обеспечивающих возможность её использования для принятия решений в области искусства и культуры. Зарубежным аналогом термина «искусствоведческая информатика» считается «Computers and the History of Art», но встречаются и другие варианты «Digital Art History». Последнее часто используется в ином контексте, когда речь идет о цифровом искусстве, то есть «Digital Art» и его истории.

Отправной точкой в развитии «искусствоведческой информатики» в России можно считать становление и распространение иконологического подхода, который начал активно применяться со второй половине XX века [9]. В России его сторонниками считались Ф. И. Буслаев и Н. П. Кондаков. Впервые о нём заговорил А. Варбург в диссертации в 1892 году. Дополнил этот метод Э. Панофский в конце 30-х годов XX века. Тогда целиком была сформулирована система иконологического анализа [10]. Э. Панофский предложил такую схему интерпретации произведений искусства: предиконографический анализ – иконографический анализ – иконологическая интерпретации. Не вдаваясь в теоретические подробности, его концепцию можно понимать так: 1) первичный анализ на основе ощущений (не имеет статистической основы, так как ощущения у всех индивидуальны); 2) анализ исторического и философского контекста (поддается количественному осмыслению, так как имеет фактическую и алгоритмическую базы); 3) анализ символической базы (гораздо сложнее, но тоже поддается систематизации с точки зрения количественных методов анализа).

Со временем «иконология» как метод вошла в состав науки «искусствометрии», присоединяясь к семиотике (наука о знаках). «Искусствометрия» впервые ввела понятие объективного описания произведений искусств, опираясь на модель физической науки, которая использовала формулы для описания законов природы. В результате искусствометрического исследования должна быть представлена смоделированная структура про-

изведения с описанием математически точных его параметров, в том числе и отношения частей.

Современные направления развития «искусствоведческой информатики» во многом опираются на теоретические принципы, обоснованные социо-синергетическом подходом к гуманитарным знаниям. Согласно взглядам Л. И. Бородкина, суть социо-синергетики как метода состоит в следующем. Нелинейные процессы, в которых развитие совершается через фактор случайности в момент бифуркации (скажем так, момент распутия, когда система либо превратится в хаос, либо перейдет на новый уровень), невозможно предсказать. Социо-синергетическая модель же подразумевает ограниченное число вариантов «перестройки» системы в точке бифуркации, которые можно просчитать с помощью компьютерной программы. «Ясное представление о вероятностных контекстах каждого реализовавшегося сценария помогает обобщить исторический опыт кризисов, факторы их углубления и разрешения и использовать полученные выводы» [11].

Таким образом, складывалась причинно-следственная связь в условиях усложнения предметного поля дисциплин, когда «иконология» на новом качественном уровне давала толчок развитию «искусствометрии», в равной степени как и накопленные знания в области социо-синергетики создают теоретические предпосылки для переосмыслиния статуса и роли «искусствоведческой информатики» в качестве самостоятельной дисциплины. Во многом этот процесс схож с тем как методы работы сторонников клиометрической модели создали основательный задел для экспликации «исторической информатики» как науки. Очевидно, что «искусствоведческая информатика» сегодня находится в той же фазе перехода и число её сторонников с каждым годом возрастает.

Список источников и литературы

1. Фейки фейков: ученый объяснил, почему искусствоведы объявили войну физикам. Сайт РИА Новости. Публикация от 15.10.2017 (дата обращения: 04.12.2018).
2. Art History and Visual Studies in Europe: Transnational Discourses and National Frameworks. Brill: Leiden-Boston, 2012.
3. *Bentkowska-Kafel A., Trish C., Hazel G.* Digital Art History. Bristol: Intellect, 2004. P.119.
4. *Bruzellius C., Jacobs H.* The Living Syllabus: Rethinking the Introductory Course to Art History with Interactive Visualization // Art History Pedagogy & Practice . 2017. Vol. II. Issue 1. P.11.

-
5. Drucker J. Is There a “Digital” Art History? // [Visual Resources](#) 29 (1-2) · June 2013.
6. Bishop C. Against Digital Art History // International Journal for Digital Art. 2018. № 3.
7. Marmor M. Ross A. Guide to the literature of art history. Chicago: American Library Association, 2005.
8. Schelbert G. Art History in the World of Digital Humanities. Aspects of a Difficult Relationship // [E-Journal für Kunst und Bildgeschichte](#). 2017. №4.
9. Лотман Ю.М., Петров В.М. Искусствометрия: Методы точных наук и семиотики. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
10. Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. М.: Академический проект, 1999.
11. Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история, 2003, № 2.

Digital Art History: from interdisciplinary complexity to independence

Abstract: the article is devoted to the problem of the development of the digital art history in Russia and Abroad. It covers the views of domestic and foreign art critics on the history and theory of discipline. The main historical stages of its formation are highlighted from the point of socio-synergetic view.

Keywords: Digital Art History, socio-synergetic, iconology, iconography, quantitative method, digital humanities.

Ушакова Кристина Дмитриевна, бакалавр Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, kristina99138@gmail.com

Новикова Ольга Андреевна, бакалавр Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет olya.novikova97@gmail.com

Петров Евгений Вадимович, профессор кафедры источниковедения истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия pyotroff@gmail.ru

Ushakova Kristina Dmitrievna, Bachelor, History Institute, St. Petersburg State University, kristina99138@gmail.com

Novikova Olga Andreevna, Bachelor, History Institute, St. Petersburg State University, olya.novikova97@gmail.com

Eugene Petrov, professor of St. Petersburg State University, pyotroff@gmail.ru

«Я – САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК И СТИХОТВОРЕЦ» (к 110-летию со дня рождения А. П. Левенка)

А. А. Чубур

Брянский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается биография и некоторые аспекты творчества Анатолия Левенка – провинциального интеллигента, родившегося в Российской Империи, чудом избежавшего репрессий, прошедшего горнило Второй мировой войны и пережившего Советский Союз. Выйдя в отставку в чине подполковника, работал аккомпаниатором в педагогическом училище. При этом, как отец и все братья, был талантливым прозаиком, поэтом, живописцем, фотографом. Особенно интересны его оригинальные карикатуры. Многие из них едко и нетривиально отразили советскую повседневность.

Ключевые слова: Анатолий Протасьевич Левенок, Лидия Яковлевна Левенок, Трубчевск, провинциальная интеллигенция, карикатура, советская повседневность.

Левенок. Эта фамилия хорошо известна жителям небольшого провинциального, но древнего и имеющего богатую культурную историю городка Трубчевска. Глава семьи Левенков – Протасий Пантелейевич (1874–1958), родом из с. Гарцево под Стародубом – народный интеллигент, художник, скульптор, музыкант и просветитель [13]. В 1903 г. он выдержал испытание при Киевском реальном училище и получил от Императорской Академии Художников свидетельство на право преподавания рисования в низших учебных заведениях. Летом 1905 г. его семья переехала в Трубчевск, где Протасий Пантелейевич стал учителем графических искусств в Трубчевском городском училище, а вскоре и в женской гимназии. Левенки приобрели дом с тремя выходящими на Орловскую улицу недалеко от пожарной каланчи. В семье было 8 детей.

Анатолий Протасьевич Левенок (1909–1997) был в семье средним сыном. Как и всем своим детям, отец и мать привили ему тягу к прекрасному и любовь к искусству – музицированию, рисованию, живописи. С детства Анатолий научился играть на сделанной отцом скрипке (а Протасий Пантелейевич скрипок сделал своими руками почти полтора десятка), а также на восстановленном силами семьи и золотых рук ее главы рояле «Беккер». Эти умения пригодятся ему, когда уже во второй половине жизни он будет работать в Трубчевском педучилище аккомпаниатором, получая при этом офицерскую пенсию.

Анатолий Протасьевич, несмотря на художественный, музыкальный и литературный дар, решил пойти по стезе точных наук и в 1934 году посту-

пил в Харькове в педагогический институт на математическое отделение. Его художественный талант не остался незамеченным и уже в 1935-м сыграл роковую роль, перевернув дальнейшие планы и судьбу. Вот как об этом рассказывает его младший брат, Олег Протасьевич Левенок:

Семья Левенков. Справа, сидя – глава семьи Протасий Пантелейевич с супругой Неонилой Стефановной. В центре (стоя) Анатолий с супругой Лидией, Справа от них – археолог Всеволод, слева (стоя и сидя) сестры Лидия и Евгения. Фото из архива семьи Левенков. 1946 г.

«Поскольку он хорошо рисовал, там партработник местный его попросил, заставил оформлять кабинет партийный, партком. И там была карта мировая – материки, Африка там, океаны... И тут к парторгу приходит спецработник, видит карту и говорит: «А что это тут у тебя океан голубой, а Африка желтая? Это же цвета жовто-блакитного флага украинских националистов! (в 1934-1935 гг. НКВД как раз вел кампанию по уничтожению украинских национальных научных школ в учебных и культурных учреждениях – А. Ч.) Ух я тебя!» И парторг с НКВД-шником пошли в соседнюю комнату. И оттуда донеслось: «Слушай, я его у тебя заберу, он как раз подходящий, у меня по делу пойдёт». А парторг в ответ: «Да ты подожди, дай он мне сначала дорисует. Тогда и забирай его, а пока не трогай». Толя домой приходит – и тут – судьба. Повестка в армию. Он тут же срочно явился в военкомат, и отправили его служить – а оттуда в академию...» [1].

Чудом избежав ареста, и отслужив по призыву в Рабоче-крестьянской Красной армии, А. П. Левенок по направлению из воинской части поступает в Военную электротехническую академию связи им. С.М. Буденного. Как раз

к этому времени на окраине Ленинграда, на проспекте Бенуа (нынешнем Тихорецком) вырос городок академии. Здесь, на командном факультете, он прошел ускоренный курс обучения, так как в воздухе уже витали кровавые флюиды надвигавшейся большой войны, представлявшейся тогда многим недолгой, простой и, само собой, победоносной. Но ожидания не оправдались, реальность оказалась куда страшнее и трагичней.

В сентябре 1941 года Анатолия направляют в Орел и назначают начальником связи Брянской пролетарской дивизии. С 1941-го по 1944-й год майор Левенок воевал на Западном фронте. Затем был 3-й Прибалтийский фронт, где его, уже подполковника, назначили старшим помощником

начальника связи армии. Первую свою награду – Орден Отечественной войны II степени он получил в январе 1943 года за участие и организацию связи (в том числе на передовой) в наступательных боях под Смоленском и форсирование р. Гжать [2]. Орден Красной Звезды получен за участие во взятии городов Остров и Псков [3].

Связисты, часто рискуя жизнью, доставляли в штабы информацию, обеспечивали оповещение войск и командования об обстановке, действиях противника, своевременно передавали в подразделения боевые приказы. Были и другие награды – медаль «За отвагу», медаль «За оборону Москвы» [4], медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» в ноябре 1945 г. [5]. Уже после войны вручена была медаль «30 лет советской армии и флоту». Второй Орден Отечественной войны II степени ветеран А.П. Левенок получил уже как юбилейную награду весной 1985 года.

После войны Левенок стал начальником связи Одесского военного округа. Как раз в это время, в 1946 года в Одессу был направлен, а вернее сказать сослан маршал Г. К. Жуков. «С маршалом Жуковым я на ты был» – вспоминал Анатолий Протасьевич. Это не бахвальство – и подполковник Левенок и легендарный маршал были просты в общении, и нашли полное взаимопонимание. Но уже в 1948 г. опального Жукова перевели подальше от границы на Урал, а Левенок вскоре вышел в отставку и вернулся в родной Трубчевск (где ранее проводил все отпуска) вместе с любимой супругой – тоже с медалями на груди. И без нескольких слов о ней наше повествование об Анатолии Протасьевиче будет неполным.

Лидия Яковлевна Левенок (в девичестве Терехина) была на 10 лет младше Анатолия, она родилась 25 октября 1919 года в Ивановской области. Когда началась война, Лидия несколько раз писала заявление в Вязниковский райвоенкомат Ивановской области о том, что хочет защищать Родину. Наконец, ее прошения удовлетворили и, приняв присягу в конце мая 1942 г., сержант Терёхина отправилась на фронт. Направили Лидию в отдельную радиороту Западного фронта, войска связи [12]. На фронте, она и встретила свою судьбу – майора Левенка. Что их соединило? И человеческая любовь (как без этого, ведь прожили дальше душа в душу всю жизнь, хотя детей им фатум не дал), и обоюдная страсть к творчеству и к прекрасному.

Приехав в Трубчевск, Лидия Яковлевна с отличием закончила сначала Брянскую школу общего музыкального образования, а затем отделение хорового дирижирования в музыкальном училище. После этого она стала вести уроки музыки в Трубчевском педагогическом училище. Создала известный в советское время вокальный ансамбль «Ромашка» (девушки выступали в белых платьях, на которых была вышита полевая ромашка – согласно названию).

Ансамбль и его солисток не раз приглашали на областную сцену, на радио и брянское телевидение. Тесно сотрудничали они с композитором Рафаилом Долговым [11]. Была она хормейстером и в Трубчевской детской школе искусств. А дома (Анатолий и Лидия, дабы не теснить семью, отстроили собственный дом на улице Дзержинского) любимым делом Лидии Яковлевны было плетение удивительных кружев – не только салфеток, но и фигуров из них. Одному из гостей семьи – филологу Леониду Бежину – особо запомнился кружевной чайный сервиз с чашками, блюдцами, чайником и даже кружевным самоваром [7].

Встречалось немало фронтовиков, повсюду активно напоминавших о себе, и рассказывавших о своих подвигах – реальных, а порой и мнимых, нетерпеливо ждавших, когда же их опять позовут на очередную встречу и чествование в школу или трудовые коллективы. Лидия Яковлевна была совсем не из этой шумной когорты. О том, что она, веселая, улыбчивая женщина, тоже воевала на фронте, не знали даже ее ученики. Надо сказать, что и супруг ее не любил распространяться о службе и подвигах. Во-первых, из приданной жизненным опытом осторожности (начни он всё рассказывать «как есть», а привык делать именно так – можно нечаянно сказать то, что в советское время говорить на людях не полагалось и могло закончиться проблемами, от которых в свое время спасла армия). Во-вторых же, потому, что Левенки всегда

ярче всего самовыражались в творчестве – научном ли, техническом ли, художественном или музыкальном. Наверное, именно поэтому их гостями часто были яркие, творческие, необыкновенные люди.

Так, гостем семьи Левенков на рубеже 1920–1930-х гг. бывал поэт, философ и мистик Даниил Андреев. С ним Анатолий подружился. Не раз отправлялся в путешествия по лесным немеречам реки Неруссы [9; 10]. Кстати, именно Анатолий – автор знаменитого походного фото Даниила Леонидовича [7]. Относился он к Даниилу без особого приступа, как и должно между приятелями, порой ловко пародировал его, над чем оба весело смеялись [10], но при этом, рассказывая об их встречах и походах, признавал, что московский гость с походкой рыцаря был носителем отточенного чистейшего русского языка. Он казался в своем, по-детски непосредственном восприятии мира святым, инопланетянином, в общем – человеком «не от мира сего» (в словосочетание это Левенок вкладывал не уничижительный, а возвышенный смысл) [9].

Когда же в Трубчевск уже в 1960-х гг. вместе с братом Всеволодом приезжал из Ленинграда его коллега – создатель теории пассионарного этногенеза, потомок двух великих русских поэтов Лев Николаевич Гумилёв, то Анатолий Протасьевич, как обладатель «Москвича» – единственный владелец транспорта в семье Левенков возил их в Кветунь, посмотреть на знаменитый курганный могильник. Отмечено это событие было комичным эпизодом, когда Анатолий, решив поухаживать за именитым ученым, слегка зашиб ему палец «дверкой». Гумилёв продемонстрировал великолепное знание глубин русского языка. Впрочем, ушиб быстро прошел: вернувшись в Трубчевск, братья сообща с Львом Николаевичем, попутно обсуждая «струну истории», ловко перебирали на кухне фасоль, понадобившуюся к обеду.

Встречавшийся с Анатолием Левенком уже на излёте его жизни литератор Борис Романов так описал этого человека: «Анатолий Протасьевич был невысок ростом, лыс, с широким крючковатым носом над большим подвижным ртом, и словоохотлив. Его прямо и умно глядящие на собеседников глаза не старчески поблескивали. Несмотря на разговорчивость, на интерес к свежим людям, казалось, он многое недоговаривает, себе на уме» [10]. «Я самодеятельный художник и стихотворец» – говорил он о себе. Но и в первой, и во второй ипостаси он был не возвышенным романтиком, а, мастером язвительного шаржа, сатиры, остроумной карикатуры.

Умер Анатолий Протасьевич от сердечного приступа в августе 1997-го и похоронен в Трубчевске. Часть его творческого наследия оказалась у младшего брата – Олега Протасевича Левенка, который во время нашего доброжелательного общения и открыл мне доступ в семейный архив, за что я ему много-кратно благодарен. Публикуемые иллюстрации происходят оттуда.

Написанная краткая биография Анатолия Левенка вовсе не претендует на исключительную полноту, это скорее очерк, который может стать основой более глубокого исследования (думаю, что еще наступит время, когда появится солидная коллективная монография, посвященная феномену семьи, да и в целом одарённого рода Левенков).

Акцент этой публикации направлен на одну из граней творчества Анатолия Протасьевича. Если отец – Протасий Пантелеевич – был живописцем и скульптором (а также и иконописцем, что в советское время не афишировалось), а Всеволод был увлечен живописью (его полотна украшают, например, Липецкий краеведческий музей) и весьма неплохо рисовал шаржи, а также фотографически точные, как бы сейчас сказали, 3D-изображения различных элементов культурного слоя на раскопках, то Анатолий ярче всего проявил себя в жанре карикатуры.

Хотя некоторые исследователи воспринимают рисунки А. П. Левенка как не лишенные остроумия, но примитивные, лубочные, мне представляется, что по лаконичности исполнения и выразительности образов его творчество стоит в одном ряду с прославленными отечественными и зарубежными мастерами карикатуры. Просто в отличие от них, Анатолий Протасьевич своих карикатур никогда и нигде не публиковал. Да и кто бы в советские времена осмелился дать в печать даже относительно безобидные его работы? «Награды», в зависимости от конкретного материала, можно было ожидать любой – от банального выговора или увольнения до вполне реального срока в тюрьме за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Конечно, серия небольших картин из жизни очеловеченных лягушек (Рис. 17) (свообразных предвестников нынешнего сетевого фурри-арта [14]) или комикс, посвященный мести романтике и сурового быта в семейных отношениях относительно безобидны, как и некоторые другие карикатуры (Рис. 18). Но главное – в ином.

Вероятно, многие еще помнят старую советскую забаву: представить себе некий тривиальный сюжет (например, поглощенную страстью влюбленную парочку в кустах), а затем взять любую советскую газету и, смеясь, смотреть, как прекрасно подходят к нему почти все без разбора заголовки советской прессы, выбор вариаций которых в большинстве случаев был ограничен набором пропагандистских клише. Обычно в своей кампании заголовки зачитывались вслух под нарастающие взрывы хохота. Анатолий Левенок смог, на мой взгляд, довести «газетную забаву» до совершенства. Вырезав из газеты и наклеив на альбомный лист тот или иной заголовок, он создавал к нему иллюстрацию «из жизни». Сама по себе миниатюра далеко не всегда была смешной (колхозницы грузят навоз, бредут мимо покосившейся вывес-

ки «Путь к коммунизму» по колено в грязи по дороге из райцентра к своей деревне, колорадские жуки пожирают ботву и т. д.) Но в сочетании с тоже не смешными, набившими оскомину газетными заголовками: «Почти пуд от коровы» (понятное дело имелись в виду основанные на массовых приписках показатели надоев), «Готовы идти дальше», «И массовость, и мастерство...», такая карикатура давала взрывной сатирический эффект.

Секрет мастера в том, что этот цикл его работ основан на единстве и борьбе сакрального и профанного, как в пресловутых советских политических анекдотах [8]. Карикатуры, одновременно высмеивают косность и нелепость советских идеологических клише и демонстрируют при этом, пусть иногда и шаржировано, убогий колхозно-деревенский быт (Рис. 1-8), повседневность советской провинции с тотальным дефицитом товаров и жилья, пьянством, скучными «лекциями о международном положении» (Рис. 9-16).

Оsmелюсь сравнить карикатуры А. П. Левенка – не сюжетно, а по структуре и сущности – с книгами эпохи реформации: «Средневековая книга была невероятно дорогой, была обычно написана на малопонятном языке, и ее характерная особенность – рисунки на полях, маргиналии. Там, на середине страницы, был священный текст, а на полях – карикатуры на священников и монахов, скабрезные сценки (и зачастую с их участием), монстры и звери, играющие роль людей, да вообще всякая ерунда. И жизнь была примерно такой: в центре – латинское богослужение, а на полях – что получится» [7].

Не правда ли, похоже на эпоху тоталитаризма, для которой не публиковавшиеся, но наверняка известные близким и знакомым рисунки Левенка были своеобразной «фигой в кармане». Их невозможно назвать, применяя еще одно старое идеологическое клише «карикатурами на советскую действительность», ибо они демонстрируют, что эта самая действительность сама по себе часто была карикатурной. И если это видел даже подполковник Советской армии в отставке (армия всегда, а советская в особенности отличались идеологической «промывкой мозгов»), то не удивительно, что в конце 1991 года ни один человек не вышел на улицы, чтобы защитить распадающейся под собственной тяжестью СССР.

В наши времена карикатуры А. П. Левенка, будучи великолепными иллюстрациями к советской повседневности, могут быть полезны не только историкам и культурологам, но и помочь массовому читателю, а точнее, зрителю в разрушении мифа об утраченном «советском рае», активно культивируемого современными отечественными СМИ и пропагандистами. Смех – лучший, и к тому же бескровный инструмент десакрализации [6]. Впрочем, как лично мне кажется, многие сюжеты, мастерски обыгранные Анатолием

Протасьевичем, и по сей день не утратили своей актуальности, и даже обрели вторую жизнь.

ГОТОВЫ ИДТИ ДАЛЬШЕ

3.

Животноводство – фронт ударный

4.

11.

12.

13.

14.

15.

16.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левенок О.П.* Устное интервью с Олегом Протасьевичем Левенком (1916 г.р.) 20.04.2007 г., в его квартире, г. Электросталь. Интервьюер А.А. Чубур, личный видеоархив.
2. Приказ № 37 ВС Западного фронта от 11.01.1943 ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 117.
3. Приказ № 242 ВСЗ Прибалтийского фронта от 30.07.1944. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5607.
4. Приказ № 423 УСЗ Прибалтийского фронта от 31.10.1944. ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2248. Д. 81.
5. Приказ № 1958 от 24.11.1945 по войскам связи ОдВО. ЦАМО. Ф. 138, Оп. 12947. Д. 144.
6. *Агранович С.З., Березин С.В.* Homo amphibolos. Археология сознания. М.: Бахрах-М, 2005. 344 с.
6. *Бежин Л.Е.* Даниил Андреев – рыцарь розы. М.: Энигма, 2006. 320 с.
7. *Десницкий А.* Реформация: уроки привата // Газета.ru 13.12.2018. URL <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/12092383.shtml> Дата обращения 25.12.2018.
8. *Еремеева Е.А.* Политический юмор Советской Украины в 1941–1991 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 2016.
9. *Павлова Г.Н.* Трубчевск и трубчане в жизни и творчестве Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. М.: Мир Урании, 2000. 317 с.
10. *Романов Б.Н.* Вестник, или Жизнь Даниила Андреева: биографическая повесть в двенадцати частях. М.: Феория, 2011. 660 с.
11. *Семенова В.* В маленьком музее – большая история // Земля Трубчевская. 2015. 23 января.
12. *Семенова В.* Внесли свой вклад в Победу // Земля Трубчевская. 2015. 15 мая.
13. *Чубур А.А., Поляков Г.П., Наумова Н.И.* Трубчевский самородок (к 100-летию со дня рождения Всеволода Протасьевича Левенка). Брянск, 2006. 52 с.
14. *Чубур А.А.* Furry-art: от цифровой графики до сводов пещер. попытка осмыслиения // Вестник Брянского государственного университета. 2009. № 2. С. 78-85.

“I AM A CREATIVE ARTIST AND POEMONER”
(to the 110th anniversary of the birth of Anatholy Levenok)

A. A. Chubur

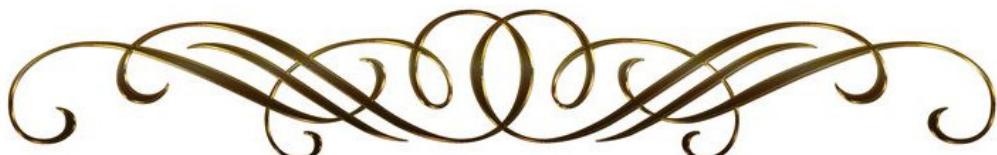
Annotation: The article discusses the biography and some aspects of the work of Anatholy Levenok, a provincial intellectual who was born in the Russian Empire, who miraculously escaped repression, went through the crucible of

the Second World War and survived the Soviet Union. After retiring with the rank of lieutenant colonel, he worked as an accompanist in the pedagogical school. At the same time, like his father and all the brothers, he was a talented prose writer, poet, painter, photographer. Particularly interesting are his original caricatures. Many of them caustically and nontrivially reflected the Soviet everyday life.

Keywords: Anatoly Protasievich Levenok, Lidiya Yakovlevna Levenok, Trubchevsk, provincial intelligentsia, caricature, Soviet everyday life.

Об авторе:

Чубур Артур Артурович, кандидат исторических наук, профессор Российской академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

**РОССИЯ
В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Выпуск V

ООО «Издательство Курсив»
241036, Брянск, Бежицкая, 14, ком. 147.
Тел./факс: 66-65-53.
kursiv2004@yandex.ru

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 15. Тираж 100 экз.